



**ТОТ САМЫЙ
ПАРЕНЬ**

КИМ ДЖОНС

Он — тот самый парень.

Знаете, как герой почти каждого любовного романа.

Супербогатый, влиятельный генеральный директор за пределами сексуальности. Живет в пентхаусе. Порочен в постели. С огромным... интеллектом. Своего рода мудака, но это потому, что у него есть какой-то важный секрет, который, как только его раскроешь, объясняет, почему он такой, какой есть, что полностью искупает его поведение и заставляет всех читателей, которые его ненавидели, полюбить его и упасть в обморок...

Да. Именно такой.

Что ж, я его нашла.

Я — писательница, потратившая годы на поиски идеальной музыки.

Теперь, когда я знаю, что он существует, у меня есть миссия.

Влюбить его в себя.

Это должно быть легко. Я, конечно, не без закидонов, но, прежде всего, блестящая партия.

Проблема в том, что я сделала глупость.

И теперь он меня ненавидит.

К несчастью для него, он — мой Тот Самый Парень.

И он полюбит меня....

Хочет того или нет.

Перевод: Алла

Редактор: Eva_Ver

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ver

Глава 1

Никогда за миллион лет я не думала, что буду бежать по тротуару с пакетом дымящегося собачьего дерьма в руке, а за мной по пятам будет гнаться очень быстрый золотистый ретривер и его разъяренный хозяин.

Люди в Чикаго относятся к дерьму слишком серьезно.

Что за человек решил, что это хорошая идея — всем взять за привычку убирать дерьмо за своими питомцами? В здешнем парке даже стоит автомат с бесплатными пакетиками с изображением собаки, держащей во рту пластиковый пакет, наполненный ее собственным дерьмом.

В моем маленьком родном городке Маунт-Олив, штат Миссисипи, никому нет дела до того, где гадит ваша собака. Если вам случится наступить на чье-то дерьмо, вы просто будете тереть ногу о траву, пока не снимите большую часть. Если вы заходите в магазин и видите, как люди принохиваются, говоря: «Чую запах собачьего дерьма», — это естественная реакция для всех — проверить свою обувь. Затем жертва из вежливости признается: «Это я». И все остальные кивают в знак признательности и указывают на ближайшее травянистое местечко.

В данный момент мне кажется, что дом находится за миллион миль отсюда.

Я уворачиваюсь от парковочного счетчика и чуть не сбиваю женщину с коляской.

— Простите!

Я поднимаю руки вверх и бегу спиной вперед, продолжая извиняться перед женщиной. Она сердито смотрит на меня в ответ, присаживаясь на корточки возле коляски и расстегивая молнию, чтобы проверить своего ребенка. Я испытываю десять видов ужаса. Пока маленькая чихуахуа не вытягивает ко мне свою крошечную, закутанную в шарф шейку.

Ради всего святого...

Дурацкий Чикаго.

Дурацкий пес.

Дурацкое дерьмо.

Дурацкий Люк Дюшанан.

Прошло много лет с моего глупого поступка в «Target», после которого мне пришлось пройти курс управления гневом. Но всякий раз, когда я злюсь, я все еще слышу в голове голос своего тренера:

«Пенелопа, никто, кроме тебя, не виноват в том, что ты оказалась в такой ситуации. Давай поразмыслим над твоими действиями, которые привели тебя сюда».

Да. Давайте поразмыслим.

Люк Дюшанан украл сердце моей лучшей подруги, когда она проходила летнюю стажировку здесь, в Чикаго. Шесть месяцев спустя он его уничтожил, когда она застучала его с членом в заднице другой женщины. Она вернулась в Миссисипи. Вместе со мной. И последние две недели мне приходилось слушать ее плачь, шмыганье и всхлипы, и смотреть, как она выпивает все мое чертово вино.

Поэтому, когда она сказала, что у Люка боязнь собачьего дерьма, я знала, что мне нужно делать. По максимуму использовать свою кредитную карту. Прилететь в Чикаго накануне самой сильной снежной бури, которую когда-либо видел штат Иллинойс. Положить немного собачьего дерьма в пакет, поджечь его на крыльце Люка и заснять, как он его затаптывает.

Я загружу видео в сеть. Оно станет вирусным. Жизнь Люка разрушена. Моя лучшая подруга Эмили улыбается. Мы идем в бар. Она пересказывает эту историю парню намного сексуальнее Люка. Они трахаются на парковке. Эмили залечивает свое разбитое сердце. А потом съезжает к чертовой матери из моей квартиры.

Просто, не так ли?

Нет, не так.

Почему?

Потому что в Чикаго, штат Иллинойс, очень трудно найти собачье дерьмо.

Когда я приблизилась к огромной куче дерьма, держа в руке засунутые друг в друга шесть бесплатных пластиковых пакетиков, владелец спросил меня, что я делаю. И я ему честно ответила:

— Слушай, чувак, мне просто очень нужно это собачье дерьмо, хорошо?

Я не думала, что он будет преследовать меня по всему городу, и все же мы здесь. И, черт возьми, ни в чем из этого нет моей вины.

Дурацкое управление гневом.

Собачий лай становится громче. Я бросаю взгляд через плечо, и они уже близко. Слишком близко. На углу я быстро сворачиваю налево, на еще более оживленную улицу, заставленную машинами. Ветер бьет мне в лицо, обдувая арктическими порывами воздуха,

такими чертовски холодными, что, клянусь, я чувствую зачатки воспаления легких.

Запыхавшаяся, замерзшая, мышцы ног горят, грудь болит, — я принимаю неправильное решение. Рывком открываю заднюю дверцу черного лимузина и ныряю в салон. Как только дверца за мной захлопывается, хозяин и собака проносятся мимо автомобиля. А я выдыхаю с облегчением.

Но оно длится всего пару секунд.

Я в чьей-то машине.

Меня окружает шикарная черная кожа и мягкие сиденья. Чистый ковер и затемненные окна. Причудливый графин, наполненный янтарной жидкостью. Тонированная перегородка. По ту сторону водитель? Конечно.

— Мисс Симс? — гремит голос из динамиков, и я замираю. — Мистер Суэггер просил отвезти вас обратно к нему домой, как только вы закончите ходить по магазинам. Не хотели бы вы отправиться туда прямо сейчас?

Суэггер? Мистер Суэггер?

Мой взгляд перемещается на интерком. К дверце. Обратно.

— Да, спасибо.

Почему я так сказала? Да еще с таким акцентом? Я не англичанка. И не австралийка. И я не уверена, каким из двух я ответила. Вечно их путаю...

— Очень хорошо, мисс. Мы скоро будем на месте.

Машина въезжает в пробку, и я на три секунды теряю самообладание.

Что я наделала?

Вот тупица.

Но в машине так тепло.

Мне бы не помешало выпить.

К черту.

Мешок с собачьим дерьмом падает на пол, и я, покачиваясь, усаживаюсь на сиденье. Графин тяжелый, с ним трудно управляться. Зажимаю его между ног и сильно дергаю за пробку. Когда пробка выходит из графина с громким «чпок», моя рука отлетает назад и бьет меня по лицу.

— Сучий потрох! — я прочищаю горло. — Сучий потрох! — повторяю я, с акцентом.

Виски такой крепкий, что когда я делаю глубокий вдох, пары опаляют волоски в носу. Не уверена, хорошо это или плохо, но я все равно наливаю стакан. На палец. Как бы это ни называлось. Я подумываю о том, чтобы добавить лед, не зная, как напиток должен подаваться.

Жаль, что здесь нет пива.

Горячее, что они называют алкоголем, обжигает до кончиков пальцев ног. Но у него приятный дымный привкус, который остается на языке. С нетерпением ожидая следующего глотка, я допиваю стакан, и к тому времени, когда он пустеет, чувствую тепло во всем теле. И чуть больше уверенности в неправильных решениях, которые привели меня сюда.

То есть, что плохого может случиться? Я еду в машине. Нет закона, запрещающего ловить попутку, чтобы спастись от пронизывающего холода. Если меня поймают, я просто нахмурюсь и скажу, что бедная.

Это не ложь.

Я бедная.

Это еще одна причина, по которой я отправилась в эту поездку, хотя никогда не

признаюсь в этом Эмили.

В дополнение к моему плану «найти и уничтожить», я надеюсь обрести свою идеальную музу, чтобы, наконец, написать тот сексуальный, банальный роман, над которым я корплю несколько месяцев. Роман с героем, которого я называю Тот Самый Парень.

Ну, знаете, супербогатый, влиятельный генеральный директор за пределами сексуальности. Живет в пентхаусе. Порочен в постели. С личным шофером. С большим членом. Своего рода мудака, но на самом деле это потому, что у него есть какой-то главный секрет, о котором вы узнаете на шестьдесят пять процентов, и все его демоны прошлого объяснят, почему он такой, какой есть, — таким образом, полностью искупая его поведение и заставляя всех читателей, которые его ненавидели, полюбить его, и попадать в обморок.

Машина останавливается.

— Мисс Симс? — снова голос по внутренней связи. — Хотите, я провожу вас наверх?

— Н-нет. В этом нет необходимости.

Почему я продолжаю говорить с этим акцентом?

— Если вы не чувствуете себя комфортно с консьержем...

— Консьержа будет достаточно. Спасибо.

По сигналу дверца открывается, и внутрь просовывается рука в перчатке. Я беру протянутую руку, хватаю свой пакетик с дерьмом и выхожу из машины.

Внезапный порыв сильного ветра заставляет глаза слезиться. Сжав пальцы, кошусь на мужчину рядом со мной. Он вежливо улыбается мне и кивает. Я смотрю вверх, вверх, вверх на массивное здание, затем снова на него.

— В какой квартире консьерж?

Мой голос уносит ветер, когда мужчина тащит меня в вестибюль. Я останавливаюсь в дверях и смотрю по сторонам. Пока разглядываю все вокруг, снег и лед на моих замызганных угтах тают, превращаясь в темную лужу на ковре. Открыв, как идиотка, рот осматриваю вестибюль и все его великолепие.

Мягкая мебель кремового цвета расставлена полукругом и обращена к камину из серого камня, который простирается до самого верха высоких потолков. Оранжево-красное пламя танцует и раскачивается под слабые звуки классической музыки, разносящейся по всему помещению. Мне хочется сунуть руки и замерзшую задницу в камин, а потом растянуться перед ним на толстом ковре, как кошка.

— Сюда, мисс Симс.

Я слеую за мужчиной через помещение. Подошвы утг скрипят по мраморному полу, оставляя за собой грязный след. Я вскидываю голову вверх и кручу по сторонам. Декор из золота и стекла. С оттенками желтого и серого. От ваз до подвесных светильников, скульптур и картин это место излучает великолепие, гораздо более причудливое, чем все, что когда-либо видела девушка из маленького городка.

— Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, звоните мне.

Альфред — черт возьми, именно это имя написано на его бейджике, — останавливается перед массивной дверью лифта. Сплошной, ровный черный цвет резко контрастирует с другими четырьмя дверьми из зеркального стекла, окрашенного в золотой цвет. Пока он засовывает ключ-карту в разъем небольшой панели рядом с дверью с заглавной буквой «П» над ней, я случайно смотрю в одно из зеркал.

Мои выющиеся каштановые волосы торчат во все стороны, как сломанные прутья, и ниспадают до середины спины. Моя «всепогодная» куртка уместна для Миссисипи, но в

Чикаго — это не что иное, как плащ. А мои некогда модные узкие джинсы теперь промокли и сильно обвисают на бедрах. Они растянулись от долгого ношения, и, можно подумать, что заднюю часть джинсов только что покинула стая перепелов.

Дверь лифта открывается, и Альфред жестом приглашает меня войти. Я возвращаюсь к реальности.

— Альфред... — я тянусь к нему и хватаю его за руку.

Уголки его губ опускаются, он хмурится, а глаза расширяются.

— Я должна кое в чем признаться.

Он похлопывает меня по руке, и его тревога исчезает, сменяясь теплой улыбкой.

— Ничего не говорите. Я уже знаю.

— Знаете?

— Конечно. И не волнуйтесь... мисс Симс. — Он наклоняется и понижает голос до шепота. — Ваш секрет со мной в безопасности. — Он выпрямляется и подмигивает мне. — Мистер Суэггер вернется не раньше завтрашнего полудня. Квартира в полном вашем распоряжении. Наслаждайтесь.

Возможно ли, что этот человек знает, что я не мисс Симс?

Часто ли он позволяет незнакомцам без лишних вопросов вторгаться в дом хозяина?

Что за человек этот Альфред?

Я вхожу в лифт. Двери закрываются, и я взлетаю на самый верх здания так быстро, что для поддержки мне приходится ухватиться за перила.

Ненавижу лифты. Есть что-то ужасающее в том, чтобы находиться в замкнутом пространстве, болтаясь над землей в тяжелом металлическом ящике, висящем в воздухе лишь на тросах и шкивах, и... что, если электричество отключится?

Утыкаюсь носом в стену. Закрываю глаза и крепко держусь, напевая свою любимую песню, чтобы не упасть в обморок. Наконец, раздается характерный сигнал, и двери открываются. Я выбираюсь в небольшой холл, где на столике стоит самая огромная чертова ваза с цветами, которую я когда-либо видела. Возле столика находится дверь из цельного дерева с изящной золотой ручкой.

Без давления со стороны водителя, консьержа или мужчины с собакой у меня есть время остановиться и подумать обо всем случившемся.

Если я открою эту дверь, то могу попасть в тюрьму. И хотя я знаю, что тюрьма возможна в случае, если Люк Дюшанан поймает меня на своей территории, незаконное проникновение не будет таким серьезным преступлением, как взлом и проникновение.

Я звоню Эмили.

— Да?

Проклятье. Ее голос звучит ужасно.

— Привет, Эм. Как ты держишься?

Она пару раз шмыгает, и я слышу звук, похожий на звук закрывающегося ноутбука.

— Люк только что опубликовал на Facebook фото со своей новой шлюхой.

— Да? И она уродина.

— Нет.

— Хочешь, я врежу ей по лицу? Сделаю ее уродиной?

Эмили вздыхает, затем сморкается.

— Нет. У них свидание. Похоже, наш розыгрыш не сработает. Они, вероятно, будут отсутствовать всю ночь, — ее голос срывается на последнем слове.

— Я все еще могу сделать это завтра.

Обнадеживающий намек в моем тоне не успокаивает ее. Она хочет, чтобы я отступила. Вернулась домой, и мы бы снова продолжили пить вино и есть шоколад. Но я не могу уйти. Любопытство требует выяснить, что находится по ту сторону двери. Этого требуют исследования. И Милостивый Господь тоже.

Мой взгляд останавливается на золотой дверной ручке. Она сияет, как нимб ангела.

Подобные вещи не случаются без божественного вмешательства. Возможно, это Его план в отношении меня. Возможно, собака в том парке оказалась не просто так. Возможно, владелец был ангелом, преследующим меня именно до того места, куда я должна была попасть. А та машина? Она ждала не мисс Симс. Она поджидала меня. А Альфред? Он тоже может быть ангелом. Что, если мистер Суэггер — мой Тот Самый Парень?

Теперь я понимаю.

Я получила божественное благословение.

Я бы объяснила это Эмили, но она просто не поняла бы меня. Сказала бы, что мне нужно перестать позволять своему воображению брать верх. Зачем я вообще ей позвонила? Она слишком эмоциональна, чтобы чем-то помочь.

Решение принято.

— Эм, мне пора. Я в своем номере.

— У тебя есть номер? Когда ты его сняла? Зачем? Как?

В ответ на ее вопросы закатываю глаза.

Эмили любит придерживаться плана. Она из тех людей, кто ведет ежедневник. Никогда не отклоняется от графика. Если Иисус сойдет на землю в тот же четверг, на который у нее назначен прием у дантиста, не сомневаюсь, что она скажет ему, что он должен подождать. «Прости, Господи. Тебя нет в расписании».

У меня нет ежедневника. Мои планы меняются в зависимости от условий. Я должна ждать свой рейс в переполненном аэропорту? Вместо этого судьба решила, что я останусь в роскошной квартире. Обстоятельства изменились в мою пользу, и я отказываюсь игнорировать их и лишать себя такой возможности.

— Пенелопа...

— Что?

— Ты не можешь позволить себе номер в гостинице.

— Конечно, могу.

— Как?

— Я позвонила и увеличила кредит своей карты. — Ложь. Но правда вызовет вопросы, на которые я не хочу отвечать. Что обернется еще большей ложью.

— Но... как?

— Не задавай вопросов о необъяснимом, Эм. Просто смирись с этим, хорошо? Сейчас мне нужно зарегистрироваться. Я позвоню тебе завтра. К черту Люка Дюшанана.

Наступает пауза, прежде чем она делает вдох.

— К черту Люка Дюшанана.

Я завершаю разговор.

Опускаю руку на дверную ручку.

Произношу короткую благодарственную молитву, приношу извинения за все плохие деяния и обещаю в будущем не сквернословить так часто, чтобы показать свою признательность за то, что собираюсь получить.

Затем поворачиваю ручку и захожу внутрь...

— Разъесть-твою-налево.

Глава 2

Хочу официально заявить: я солгала.

Но, честно... чего Боженка ждал от меня?

Я нахожусь в сознании миллионов читателей. А это место — пентхаус любого богатого героя в каждом любовном романе. Открытая планировка. Окна от пола до потолка выходят на центр Чикаго. Полы из твердых пород дерева. Винтовая лестница со стеклянными перилами. Вычурная хреномантия, свисающая с потолка, которая, я почти уверена, по сути, всего лишь пожарный шланг, опыленный золотистой краской.

Я сбрасываю куртку на пол и скидываю ботинки и джинсы. Оставшись только в свитере, прохожу дальше в комнату. Моя рука скользит по спинке белого кожаного дивана, опускается, чтобы коснуться столика красного дерева рядом с ним. Затем прижимается к изогнутому стеклу, растянувшись во всю длину и ширину стены. Оно теплое на ощупь. Не холодное, как я думала.

Вид из окна.

Боже, какой вид.

На фоне ясного ночного неба мерцают и сверкают огни. Высоко над улицами, усеянными маленькими огоньками движущихся автомобилей, возвышаются здания, расположенные в шахматном порядке по высоте и подсвеченные множеством цветов. Это почти ошеломляет. Мысль, что ты просыпаешься с таким видом каждое утро и смотришь, как солнце поднимается из-за зданий...

За такое стоит сесть в тюрьму.

Если остальная часть пентхауса такая же чудесная, как его вид, мне, возможно, придется остаться до возвращения мистера Суэггера. Потом я заставлю его влюбиться в меня. Много времени это не займет. Я — выгодная партия.

Бросив пакет с дерьмом на кухонную стойку, открываю массивный холодильник из нержавеющей стали. Он битком набит продуктами, которые можно купить только в тех модных магазинчиках, специализирующихся на здоровом питании.

Обе дверцы широко распахнуты, и я делаю снимок. Закрыв их, делаю еще несколько фото кухни со всем ее великолепием современной бытовой техники. Затем фотографирую вид за окном. Гостиную. Длинный стеклянный обеденный стол.

— Да, детка. — Опускаюсь на одно колено, чтобы оказаться под другим ракурсом. — Вот так. Улыбнись в камеру.

Справа от кухни есть небольшая ванная комната, которая действительно могла бы быть немного более изысканной, но и так достаточно хороша. Еще одна дверь из гостиной ведет в кабинет. Узнаю аромат специй и нотку эвкалипта. Мистер Суэггер курит сигары.

От видения моего Того Самого Парня, сидящего за столом, одетого лишь в сигару и улыбку, во мне пульсирует желание. Мне хочется отиметь в сухую его кресло и потереться вагиной о стены, чтобы пометить свою территорию.

Остынь, извращенка.

Мой взгляд скользит по уставленным книгами стеллажам высотой до потолка, расположенных по обе стороны от двери. Массивный деревянный письменный стол стоит на противоположной стороне, напротив входа. Я сажусь в огромное кожаное кресло. Кручусь до головокружения, затем дергаю за ручки всех ящиков. Они заперты.

Никакого компьютера. Никаких канцтоваров. Никаких именных ручек. Поднимаю большой серый камень на углу стола, который, как я предполагаю, является пресс-папье. Прикасаюсь к лампе, и она загорается. Я снова прикасаюсь к ней, и свет становится ярче. Через шесть касаний начинает тускнеть. Затем мне приходится прикоснуться к ней еще восемь раз, просто чтобы выключить эту гребаную хреновину. Единственный другой предмет на столе — гладкий черный беспроводной телефон, который, должно быть, из будущего.

Я делаю фото.

Гостевая наверху с таким же причудливым декором. Я перекачиваюсь по кровати, на которой, вероятно, никогда не спали, по пути сбивая ровно уложенные подушки и врезаюсь локтем в светло-серую тумбочку, сочетающуюся с остальной мебелью в комнате. Черт, как же больно.

Я провожу пальцем по мягким белым занавесям на окне напротив кровати. За ними открывается вид на центр города с другого ракурса. Но вид все также прекрасен, как и из гостиной.

Вернувшись в коридор, прохожу мимо двери, большей, чем остальные, с маленькой клавиатурой рядом. Я взвизгиваю, когда дергаю за ручку и обнаруживаю, что дверь заперта.

О, мой бог...

Секс-комната.

Я просто уверена, что это она.

Заполненная всевозможными приспособлениями для пыток и скамьями для порки. Красные стены. Наручники, кресты и зажимы для сосков, о боже!

Метнувшись к последней двери, чуть не описываюсь. Хозяйская спальня. Или люкс. Как угодно. Это воплощение спальни генерального директора. Двуспальная кровать. Темно-синие, серебристые и деревянные акценты. Другой вид за окном. Огромное кресло и пуфик, на котором Тот Самый Парень сидит и читает газету. Надевает ботинки. Или баюкает сабу после того, как отшлепает ее до усрачки.

Гардеробная завешана костюмами генерального директора. Я нюхаю их. Ящики с галстуками, часами, сложенными носками, белыми рубашками на пуговицах и боксерами. Я касаюсь всего. Начищенные до блеска ботинки, в которых я вижу свое отражение. Я заляпываю их пальцами.

— Рэй Донаван, познакомься с Кристианом Греем (*прим.: Рэй Донаван — главный герой американского сериала, в исполнении Лива Шрайбера, специалист по противозаконному устранению различных проблем богатых и знаменитых людей. Кристиан Грей — главный герой серии книг Э.Л. Джеймс и их экранизаций, генеральный директор, миллионер и доминант*).

Я делаю селфи со всеми этими крутыми шмотками на заднем плане. Позже выложу их в Инстаграм.

#угадай_где_я

Ничто не может сравниться с хозяйской ванной. Естественно, в ней есть душевая кабинка, в которой легко разместятся двадцать человек. Огромная ванна-джакузи. Подставка для полотенец с подогревом. Двойной туалетный столик. Бельевой шкаф достаточно большой, чтобы в нем можно было спать. Но никто никогда не говорит об унитазах.

Никогда.

А этот унитаз?

Этот унитаз достоин короля.

Он не только расположен на идеальной высоте, но и находится в отдельном маленьком уединенном уголке с дверью. Там есть стеллаж для журналов. Айпад. Самый причудливый держатель для туалетной бумаги, который я когда-либо видела. А если закрыть дверь, за ней обнаружится телевизор.

Телевизор.

Гребаный телевизор.

В ванной.

В гребаной ванной.

Следующие два часа своей жизни я провожу в ванной комнате. Во-первых, пользуюсь удивительным унитазом, оснащенным специальным смывом, с успехом прошедшим тест-драйв. Потом в душе. Затем долго нежусь в горячем джакузи.

Время от времени нервы берут верх, и реальность лезет в разум с глупыми вопросами.

Что, если появится настоящая мисс Симс?

Что, если мистер Суэггер вернется домой пораньше?

С каждой тревожной мыслью я нахожу что-то новое, чтобы отвлечься. Например, кнопку на боковой стенке ванны, которая включает сенсорный экран, давая мне возможность контролировать температуру воды, освещение, музыку и напор струй.

Позволяю приятной инструментальной музыке унести меня прочь, а струям убаюкать почти до того состояния, пока я не превращаюсь в сморщенную изюминку. Потом выхожу. Под мелодию Maroon 5 беру с подогреваемой подставки полотенце. Чуть не умираю от теплового удара. Ложусь на пол в коридоре, чтобы остыть, потому что плитка в ванной с подогревом. А потом гольшом иду в гардеробную и выбираю одну из белых рубашек на пуговицах, которая на миллион процентов состоит из хлопка и ощущается на моей коже как облако.

Начинает звучать «Sugar».

Я прыгаю на кровати, как на батуте. Падаю плашмя на спину и смотрю вверх. Интересно, поступила бы так же мисс Симс? Очевидно, она здесь не живет. А если и так, то вещи свои здесь не держит. Если только ее комната — не та запертая дальше по коридору. Что, если она вернется в пентхаус?

Не думай об этом.

Она не вернется.

Это Божий план.

Он не позволит ей вернуться.

Но что, если мистер Суэггер — не тот мистер Суэггер, от которого я хочу иметь детей? Ему может быть девяносто. Чертов психопат. И пахнет нафталином — в чем я сильно сомневаюсь, учитывая, что от его одежды исходит самый насыщенный, самый чудесный аромат чистоты с легким намеком на одеколон, который вы не найдете даже в «Macy's».

Он не старый.

Этого не может быть.

Помни....

Это Божий план.

Я доверяю Богу. Правда. Но все равно обыскиваю квартиру в поисках фотографии мистера Суэггера. Просто чтобы быть уверенной. Перерыв все ящики и заглянув в каждую комнату, за исключением запертой, возвращаюсь с пустыми руками.

В кабинете я пользуюсь телефоном и нажимаю кнопку с надписью «консьерж», и Альфред берет трубку после второго гудка.

— Чем я могу вам помочь, мисс Симс?

— У вас тут есть ресторан, который еще открыт?

— Нет, мисс. У нас на территории нет ресторана. Но я, конечно, могу направить вас к одному из них в этом районе.

— Вообще-то, мне не хочется никуда выходить. И, похоже, единственные рестораны в этой части города очень дорогие... — Что это за жилой комплекс, где есть консьерж, но нет ресторана?

Я перекидываю волосы через плечо. Этот пентхаус — просто дешевка.

— Не волнуйтесь, мисс Симс. Могу вас заверить, что в городе нет такого места, где бы мне не удалось сделать заказ. Доступно все, что вы захотите.

Ого, а у мистера Суэггера есть связи. А раз я его гостя, то и у меня тоже.

— Могу я посоветовать «Alinea»? Они подают самый лучший лосось и террин, который только может предложить Чикаго.

Что еще за террин-херрин?

— Эм... ну, это я ела за обедом. Знаете какие-нибудь хорошие пиццерии?

— Конечно, мисс Симс. — Я слышу в его голосе улыбку. — Скажите, какую пиццу вы предпочитаете, и я скажу вам свое мнение о лучшем заведении.

— Да, я просто люблю пепперони с большим количеством сыра. И побольше пепперони. И Доктор Пеппер.

— Очень хорошо, мисс. Сейчас же сделаю заказ и доставлю его вам.

Я вешаю трубку, разворачиваюсь в кресле, ковыляю в гостиную и сворачиваюсь калачиком на диване под большим пушистым пледом, накинутым на пуфик. Фильм ужасов кажется подходящим. Но я не могу понять, как включить этот дурацкий телевизор. Я все еще борюсь с ним, когда приходит Альфред с моей пиццей.

Он включает телевизор, показывает мне, как приглушить свет, и даже предлагает принести с кухни стакан для моего напитка. Затем удаляется с напоминанием, чтобы я позвонила ему, если мне что-нибудь понадобится.

Чертов Альфред... такой хороший парень.

Если я когда-нибудь решу написать одну из этих возрастных историй с горячим пожилым «папочкой» и двадцатилетней цыпочкой, я использую его в качестве своей музыки.

Мне требуется всего час на понимание того, что смотреть фильм ужасов в месте, где окна от пола до потолка без жалюзи или штор, — не очень хорошая идея.

Каждые несколько минут я оглядываюсь назад и испытываю небольшой приступ паники, думая, что из отражения на меня плянется жуткая сучка из фильма. Потом понимаю, что это всего лишь я, а не какая-то уродливая бабенция, которой не помешал бы душ и несмываемый кондиционер.

Откидываюсь на спинку дивана, который выглядит как атрибутика из «Звездного пути Энтерпрайз», но на самом деле довольно удобный. Закидываю ногу на спинку и натягиваю плед до подбородка — готовая прикрыть глаза в следующий раз, когда что-то или кто-то в фильме выскочит из темного коридора.

Я полностью готова к тому, что меня напугают до чертиков. Но совсем не готова к голосу, который слышу по ту сторону двери, или мягкому щелчку открывающегося замка.

Знаете тот момент, когда вас охватывает ужас? Когда желудок сжимается, а сердце

останавливается, и вы слышите слабый свист глубоко в ухе, потому что так сильно напрягаетесь, чтобы понять, что же это за шум, который вас так терроризирует?

Вот, что сейчас со мной происходит.

— Какого...

Мне не может быть страшнее, чем сейчас. Возможно, из-за этого мозг переходит в режим выживания и фокусируется на чем-то другом, кроме страха — например, на глубоком, раскатистом теноре, окутывающем меня. Затем загорается свет, на мгновение ослепляя меня, и после того, как я моргаю от шока, мозг начинает регистрировать человека, которому принадлежит этот голос.

И мать вашу.

Это он.

Тот Самый Парень.

Глава 3

Я могла бы вам сказать, что от его вида мои соски твердеют.

Бедра сжимаются.

Сердце разбивается вдребезги.

А киску затапливает влага...

Но в этом нет необходимости. Потому что, когда вы увидите этого парня, то сами испытаете всю эту хрень.

Звучит музыка, и он выходит. Может, что-нибудь из The Weekend. Или под саундтрек из «Челюстей».

Рост — шесть футов два дюйма (*прим.: около 188 см*), вес — двести тридцать фунтов (*прим.: 104 кг*), одет в костюм от Армани и если бы взгляд мог убивать, я бы уже валялась мертвой, даю вам...

Дерьмо.

— Вы мистер Суэггер?

Его руки опускаются на бедра.

— Да. Я Джейк Суэггер. А ты кто такая, черт побери? И какого хрена делаешь в моем доме?

— Секундочку. — Я поднимаю палец и откидываюсь на спинку дивана, затаив дыхание.

Джейк... Джейк Суэггер.

Это имя придает ему еще большую сексуальность.

— Что? — О боже, он сексуален, даже когда смущен.

— Мне просто... мне просто нужна минутка для осознания. Это писательская фишка. Тебе не понять.

Я игнорирую его недоумение. Не обращаю внимания на его гнев. И полностью игнорирую собственный разум. А как же иначе в такой-то момент?

Передо мной стоит мужчина с взъерошенными волосами цвета древесного угля. Ну, знаете, будто он только что провел по ним пальцами. Или после того, как вы сжали их в кулаках, когда его рот присасывается к вашей вагине.

Его челюсть обладает всеми теми мужественными чертами, для описания которых авторы используют слова, наподобие: точеная, волевая, квадратная, покрытая однодневной щетиной.

Губы будто принадлежат Тому Харди.

Форму носа невозможно определить, потому что, хрен его знает, как описать

сексуальный нос.

А эти глаза? Синие, как океан... возможно. Отсюда я не могу разглядеть. И они сузились от любопытства? Похоти? Вероятно, гнева...

Мой взгляд перемещается южнее. На маленькую ямочку в центре подбородка. Вниз по кадыку, который слегка выпирает, когда он сглатывает. Ниже, к небольшой части груди, видимой из расстегнутого ворота белой рубашки.

Темный пиджак облегает длинные руки. Веду взглядом от его плеча до запястий. Сукин сын носит запонки. И пояс. Над ним — твердый, плоский живот. А под ним — очертания большого члена.

Длинные ноги.

Мощные бедра.

Сверкающие ботинки.

Вы видите картинку? Но на случай, если нет, Джейк Суэггер охренительно сексуален.

И чертовски зол.

— Кто, мать твою, ты такая?!

Я стряхиваю с себя идиотский ступор и пытаюсь встать. Полупустая коробка из-под пиццы соскальзывает с моих колен на пол. Она приземляется на бок — рядом с грязными салфетками и двухлитровой бутылкой Доктора Пеппера.

Я стою перед ним, и дрожь страха пробегает по спине от безмолвного гнева, который он излучает. Я хочу снова исчезнуть в своем писательском мозгу. Убежать от реальности и построить идеальный, вымышленный мир, где он — мой Тот Самый Парень, а я — его героиня. Но от его пристального взгляда никуда не деться.

Я одета только в рубашку, и он полностью видит мои ноги. Ключицу. Выпуклость груди. И Джейк Суэггер не просто скользит глазами по моему телу. Он с жаром проводит ими по каждому обнаженному для его взгляда дюйму. Может он и зол, но нет никаких сомнений в том, что этому мужчине нравится то, что он видит.

Как и следовало ожидать.

Я полумертвая выползала из спортзала. Самое время, черт возьми, кому-нибудь это заметить. И кто для этого подходит лучше, чем Тот Самый Парень?

Его взгляд останавливается на моем лице.

— Я тебя знаю? — Он пытается вспомнить. Как будто видел меня раньше. Этому есть только одно разумное объяснение...

— Вероятно, ты знаешь меня по «Вечному спасению». Эту книгу я написала много лет назад. Я, в некотором роде, крупный автор. Правда, уже давно ничего не писала, но у меня все еще есть поклонники и куча подписчиков в социальных сетях. Одно время я вела подкаст. Примерно в 2014 году.

— Нет. Я тебя не знаю. Это моя рубашка?

Я хмуро смотрю на пятно от соуса на его рубашке. Облизываю палец и тру пятно. Дурацкий фильм ужасов... из-за него я извозюкалась.

Пока я пытаюсь оттереть соус, Тот Самый Парень, не сказав ни слова, разворачивается и избегает по лестнице, исчезая наверху.

Я бросаю взгляд на широко распахнутую входную дверь. Для меня самое подходящее время, чтобы сбежать. Но я очень хочу его обнюхать и посмотреть, смогу ли дать название его запаху. Я уже зашла так далеко в своих исследованиях. Уходить сейчас нет смысла. Кроме того, если он действительно Тот Самый Парень, он меня пожалеет, и мы безумно

влюбимся друг в друга, прежде чем у него будет шанс узнать все, что я сделала.

Сворачиваю плед и набрасываю его на спинку дивана, когда он спускается по лестнице.

— Ты рылась в моем доме?

— Что? — фыркаю от смеха — так я всегда делаю, когда мне нужно убить время, чтобы попытаться придумать ответ. — Ммм. Нет.

Я тереблю подол рубашки и избегаю зрительного контакта.

— То есть. Не совсем. Эй... — я наклоняю голову набок и встречаюсь с ним взглядом. — А что находится за той запертой дверью? Ты доминант?

Он этого не подтверждает, но когда выпрямляется в полный рост, его руки опускаются с бедер и сжимаются в кулаки, то я знаю.

И мысленно падаю в обморок.

— Как ты сюда попала? — Он не спрашивает, а говорит так, что я понимаю: если ему не скажу, он меня придушит.

— Ну, началось все с того, что я случайно села не в ту машину.

— Е*анный кретин! — взрывается он, а я тихо стою, пока он берет свой телефон.

Он кричит кому-то, чтобы тот немедленно поднялся сюда, отключается и набирает номер кого-то другого. Должно быть его перенаправляют на голосовую почту, потому что он просит этого человека перезвонить ему.

Он кладет телефон в карман, и его взгляд падает на пакет.

Тот, что я оставила на столешнице.

Он начинает его поднимать.

— Я бы не стала...

Он бросает на меня взгляд, говорящий «заткнись нахрен». Кажется, его глаза скорее темно-серые. Или зеленые. Я должна подойти поближе. Или держаться на расстоянии, учитывая, что пакет сейчас у него в руках.

Он подносит его ближе к лицу.

Нюхает...

— Это...

— Собачье дерьмо.

Он роняет пакет, будто тот отравлен. Берет себя в руки, откашливается и вытирает руки полотенцем, достав его из ящика стола.

— Есть ли причина, по которой ты положила на мой стол пакет с собачьим дерьмом? Стол, где я, мать твою, ем?

— Вау, — выдыхаю я, с благоговением качая головой. — У тебя действительно приятный голос. Такой сдержанный и глубокий. Идеальный для закадрового голоса.

— Какого хрена ты положила пакет с дерьмом на мой стол? Ты повернутая, что ли? — Такой контролируемый...

— Приятель. — Я поднимаю руки вверх. — Это всего лишь собачье дерьмо. Не надо быть таким мудаком. Некоторые люди пробежали бы по улицам Чикаго в снежную бурю за этим самым пакетом собачьего дерьма.

Кажется, он сейчас снова взорвется.

Знаете, как в любовных романах героиня всегда просто «знает», что герой никогда не причинит ей вреда? Будто она чувствует это в нем есть или типа того? Я пытаюсь нащупать в нем это качество. И не совсем уверена, что нахожу его.

Дверь открывается, и мы оба оборачиваемся к мужчине средних лет, одетого в костюм и

фуражку, какие носят водители лимузинов.

— Вы хотели меня видеть, мистер Суэггер?

Мистер Суэггер. Это имя действительно ему подходит.

Он указывает на меня длинным, ухоженным, возможно, талантливym пальцем.

— Росс, кто она, нахрен, такая?

Росс смотрит на меня, потом снова на мистера Суэггера.

— Мисс Симс, сэр?

— Ты действительно думаешь, что эта неотесанная деревенщина может быть мисс Симс? Она не выглядит, как мисс Симс. Она не говорит, как мисс Симс.

Я могла бы обидеться на его попытку сделать из меня неотесанную деревенщину, если бы это не было так чертовски смешно. Или если бы у меня не возникло острой необходимости защитить Росса, который, как я теперь знаю, является водителем.

— Он меня не видел. И я говорила с акцентом. — Они оба смотрят на меня. — То есть, вероятность того, что она на самом деле говорит с акцентом, просто безумна. Я даже не настолько хороша в этом. Не знаю, австралийский он или английский... кстати, кто такая эта мисс Симс? Вы все называете ее мисс Симс? У нее имени нет что ли?

Они смотрят на меня, как на буйно помешанную, когда в дверь входит Альфред.

— Мистер Суэггер, могу вас заверить, что произошла ужасная путаница. — Альфред косится на меня. Разочарование в его глазах заставляет меня впервые с тех пор, как я сюда попала, испытать настоящую вину. — Я никогда не видел мисс Симс.

Какого черта? Неужели никто не знает, как выглядит эта леди?

— Когда машина прибыла, я предположил, что женщина внутри — это она. И она пыталась...

— Я пыталась заставить его отдать мне ключ, но он не захотел, — вмешалась я. Если мои предположения о том, что Джейк — Тот Самый Парень, верны, то он из тех мудаков, кто уволит Альфреда. Конечно, он снова его наймет, как только обнаружит, что был неправ, и Альфред просто выполнял свою работу. Но мне бы не хотелось, чтобы старик остался без работы, пока Джейк приходит в себя.

— Вон из моего дома. Оба.

Мужчины бросают на меня ледяной взгляд. Будто безумно злятся. На меня. На ту, кто только что спас их задницы.

Я тоже должна уйти. Но мне нужен мой пакет с собачьим дерьмом, лежащий у ног Джейка. Я наклоняюсь, чтобы взять его, но меня останавливает поднятый палец.

— Не ты. Ты не уйдешь, пока я точно не узнаю, что произошло.

— Ладно, во-первых, прекрати говорить таким тоном. Он очень...

— Рассказывай! — рявкает он.

Я внутренне вздрагиваю.

— Ладно! Хорошо... итак, моя лучшая подруга проходила здесь летнюю стажировку. Она познакомилась с одним парнем, и они встречались все лето, а когда стажировка закончилась, она вернулась домой, но их отношения продолжились на расстоянии. Но мы оба знаем, что такое не работает.

Делаю паузу, чтобы он, возможно, согласился или как-то отреагировал. Ноль эмоций.

Я откашливаюсь.

— Она приехала его навестить и узнала, что он изменял ей с цыпочкой, с которой встречался здесь, в Чикаго, все время, пока они были вместе. Так что, поскольку я хорошая

подруга, то приехала сюда, чтобы отомстить за ее разбитое сердце.

Я указываю на пакет на полу.

— Я украла собачье дерьмо, чтобы поджечь его на пороге его дома. Видишь ли, у него очень странная фобия — боязнь собачьего дерьма. Короче, собака с хозяином гнались за мной по всему городу. И когда я завернула за угол и увидела машину, стоящую в ожидании, то запрыгнула в нее, чтобы спрятаться. Я собиралась выйти, но потом Росс предложил подвезти эту таинственную мисс Симс, которую никто никогда не видел, и я согласилась, желая оказаться как можно дальше от психованного мужика с собакой. Приехав сюда, я собиралась уйти. Но я пишу книгу о генеральном директоре-миллионере, у которого есть такая квартира. Я умираю от желания найти свою музу и просто... посмотреть на это место! Ты видел эти окна?

Я указываю на окна, а Джейк Суэггер смотрит на меня... ну, сами понимаете, каким взглядом.

— Эм, ладно, да, конечно, ты их видел. В любом случае, можно ли винить девушку за то, что она осталась здесь, чтобы провести исследования? Я так не думала. Тем более, я собиралась уйти до того, как ты вернешься домой, что должно было произойти завтра в полдень. Но ты приехал раньше. Так что, как по мне, если во всем этом и есть чья-то вина, то она ваша, мистер Суэггер.

Он пристально смотрит на меня. Немного удивлен, полагаю. Я не очень хорошо разбираюсь в эмоциях. Но его челюсть дергается. И шея покраснела. А на лбу, над правым глазом, пульсирует маленькая вена.

Ладно. Может, это и не удивление. Вероятно, ярость.

— Выметайся.

Как странно, что его голос так спокоен, когда сам он буквально трясется от гнева?

Или похоти.

Нет. Это гнев.

— Знаешь, я бы с радостью осталась на ужин, — предлагаю я, хотя сейчас три часа ночи.

Его тело напрягается. Он таращится на меня, как на полоумную. На самом деле, это не так. Я просто оппортунист (*прим. человек, пользующийся обстоятельствами, умный, ловкий человек*). Кстати, об обстоятельствах, случайно мне удалось приблизиться к нему на несколько шагов в надежде разглядеть цвет его глаз. Теперь, когда я нахожусь от него всего в нескольких футах, то вижу, что его глаза серо-голубые/зеленые.

— Тебе повезло, что я не звоню в полицию.

Спокойно слушая его разглагольствования, глубоко вдыхаю, чтобы уловить его запах. В книгах это звучит так просто. Они лгут. С расстояния двух футов я ни черта не чувствую.

Подхожу на шаг ближе. Он отступает на шаг назад.

— Что ты делаешь?

— Я, вроде как, хочу тебе сказать, но, вроде как, и не хочу. Почти уверена, что ты взбесишься. Но я делаю это только потому, что ты Тот Самый Парень, понимаешь?

— Какой парень?

— ТОТ САМЫЙ! — я указываю на него. Абсолютно великолепный. Точно так, как написано в книгах. И чертовски пугающий. У него даже прическа правильная. Поза. Рост. Ширина плеч. Все идеально. Словно он только что сошел со страниц одного из этих...

— Проваливай из моего дома. И удостоверься, черт возьми, чтобы я никогда больше не

увидел твоего лица.

Я вздрагиваю от сердитого рычания и быстро киваю.

— Я полностью понимаю. Как насчет объятий? — Верный способ почувствовать его запах... понимаете? Ради исследований. Единственный шанс, который у меня может быть.

Раскрыв объятия, делаю еще один шаг вперед. Он отступает еще на шаг назад.

— Убирайся из моего дома к дьяволу! — Ух, какой взрывоопасный!

— Боже. Ладно. — Просто трусики от него плавятся. Ох. И почему мне нравятся трудные задачи?

— И забери с собой свое собачье дерьмо!

— Безусловно! — Я бросаю на него очень злобный взгляд и хватаю пакет с собачьим дерьмом.

Топаю прочь. Босиком. Полуголая. Возбужденная...

Но затем поворачиваюсь. Мое лицо меняется с угрюмого на хмурое. Глаза широко распахнуты, губки дрожат, я показываю ему свое лучшее несчастное лицо.

— Мистер Суэггер? — Ого. Даже в голосе слышится дрожь. Как же я хороша... — Вы не возражаете, если я воспользуюсь вашей сушилкой? Мои джинсы промокли и...

Он целенаправленно движется ко мне. Чтобы убить? Я отказываюсь рисковать жизнью только ради того, чтобы его обнюхать, поэтому перепрыгиваю через диван и бегу к двери, в спешке хватая одежду.

На мгновение подумываю о том, чтобы притвориться, будто упала, просто чтобы проверить, поможет ли он мне подняться. Но мысль испаряется, когда он оказывается на расстоянии вытянутой руки.

— Подожди! Мой телефон! — кричу я, прежде чем он успевает захлопнуть дверь.

Он хватается со стола мой телефон и кидает им в меня. Удерживая угги и куртку, бросаюсь за чертовой штукой. Ловлю ее, потому что я ниндзя, но его поступок все равно выводит меня из себя.

— Ты настоящий мудака!

Он хлопывает дверь, даже не потрудившись посмотреть мне в глаза, потому что проверяет свой телефон. Швыряю угги в дверь, испытывая некоторое удовлетворение от разлетевшейся при этом засохшей грязи.

Бросаю взгляд на дверь, натягивая сырые джинсы и промокшую обувь. Это должно занять всего несколько секунд, но я тяну время. Часть меня надеется, что он откроет дверь, чтобы посмотреть, здесь ли я еще. Даже если он сделает это только для того, чтобы накричать на меня, перед уходом я бы не прочь еще раз увидеть его лицо. Может, мне даже удастся сделать фото.

Дверь так и не открывается. Разочарованная, но нисколько не удивленная, вхожу в лифт и утыкаюсь носом в угол. Стараюсь не заикливаться на том, что произойдет, если тормоза у ублюдка откажут, и вместо этого думаю о том, как мне повезло.

Он не позвонил в полицию.

Позволил мне уйти.

А что, если бы я пришла домой и кто-то был в моей квартире? Я бы испугалась. Если, конечно, мой незваный гость не был похож на Джейка Суэггера. Тогда я бы заставила его заняться со мной сексом в обмен на то, что не вызову 911.

В момент, когда я выбираюсь из смертельной ловушки, меня встречает все еще злой Альфред. Он презрительно фыркает, и мне приходится прикусить щеку, чтобы не сказать

ему, насколько это непривлекательно.

— Мистер Суэггер желает, чтобы вы немедленно покинули здание. Поэтому вместо того, чтобы ждать такси, он поручил Россу отвезти вас в отель.

Гнев Альфреда заставляет меня чувствовать себя дерьмово. Я могла стоять ему работы. Для него мои поступки все еще могут повлечь за собой последствия.

— Мне жаль, Альфред. Правда. Я не хотела, чтобы у кого-то были неприятности.

Его жесткий взгляд немного смягчается. Совсем чуть-чуть, но, по крайней мере, это хоть что-то. Он кивает один раз и отворачивается. Я следую за ним в вестибюль. По другую сторону стекла, за которым простирается фасад здания, все белым-бело. Снег продолжает валить косыми плотными пластами.

Так вот как выглядит снежная буря.

Более робкая женщина могла бы заплакать, окажись она в моей ситуации.

Но я не плачу.

Никогда.

Впадаю ли я в уныние? Чувствую ли себя немного побежденной?

Да.

Но потребуются нечто большее, чем куча снега и очень сексуальный мудака, чтобы заставить меня плакать.

Альфред смотрит на меня сверху вниз. Его неодобрение очевидно. Он исчезает за дверью, затем возвращается со шляпой и плащом.

— Не самое модное, но лучше, чем то, что у вас. — Я беру предложенную одежду, не глядя на нее, пока он поднимает трубку телефона рядом со стойкой консьержа. — Как называется ваш отель?

— У меня нет отеля. Мой самолет вылетает через три часа.

Он кивает.

— Росс, не мог бы ты отвезти... молодую леди в аэропорт, пожалуйста? Да. Хорошо. Спасибо.

— Альфред, я не поеду в аэропорт.

И вновь взгляд неодобрения. Но гнев рассеялся.

— Нет? У вас не так уж много времени, чтобы заниматься чем-то другим.

— Мне все равно. Я приехала в Чикаго за делом, и намерена довести его до конца.

— Серьезно? И что же вы хотите сделать?

Я поднимаю пакет, который держу в руке.

— Поджечь дерьмо.

Глава 4

Я благодарна Альфреду за шляпу и плащ, которые он мне отдал.

Серьезно. Очень благодарна.

Но выгляжу я в них как идиотка.

«Плащ» — это вообще не плащ. Это тренч длиной до пола, в котором карманов столько же, сколько пуговиц. А «шляпа» — не шапка или бейсболка. Это кепка. С пушистыми маленькими ушами. Добавьте это к моим грязным уггам, мокрым джинсам и белой рубашке мистера Суэггера, и я выгляжу, как чертова бродяжка.

Лишь только я села в машину, сразу извинилась перед Россом. Он ответил, спросив адрес места моего назначения. Я сказала ему, но на полпути поняла, что у меня нет зажигалки. Или бумажного пакета. Когда я попросила Росса сначала остановиться у «7-11»,

он бросил на меня сердитый взгляд в зеркало заднего вида. Тем не менее, не сказав ни слова, подъехал к круглосуточному магазину. Я не ожидала, что машина останется на месте, когда я выйду, но она была там.

Может, таков его способ принять мои извинения.

Стягиваю бумажный пакет с бутылки пива и засовываю его в карман плаща, чтобы он оставался сухим. В этот момент в палец впивается что-то острое. Уголок визитной карточки. Я вытаскиваю ее и изучаю, потягивая пиво.

«Джейк Суэггер»

Выбитое серебряными буквами на черном фоне имя выглядит еще более сексуально, чем воспринимается на слух. Единственное, что еще есть на визитке, — это номер телефона.

Мне хочется поджечь каточку также, как пакет с дерьмом, восседающий на сидении рядом со мной. Вместо этого я прячу ее обратно в передний карман плаща. Не потому, что хочу вспоминать свое время с Джейком Суэггером, а потому, что могу использовать ее для своих исследований. Я создам дизайн визитки Того самого Парня, чтобы она выглядела такой же изящной и сексуальной, как эта.

Машина подкатывает к дому Люка Дюшанана. Росс смотрит прямо перед собой, даже не глядя в мою сторону. Его губы сжаты в тонкую линию.

— Росс, мне, правда, жаль. Я не хотела никому доставлять неприятности. Вы кажетесь милым парнем. — Через мгновение он прочищает горло и натянуто кивает, все еще не встречаясь со мной взглядом.

Я выхожу и захлопываю дверцу. Машина исчезает, и я остаюсь посреди снежной бури в три часа ночи, под хмельком и совершенно одна в большом городе, предоставленная сама себе. Темнота улицы пугает меня. Но фонарь на крыльце Люка сияет, как маяк, напоминая, что все дерьмо, через которое я прошла в этой поездке, будет стоить того, чтобы просто увидеть улыбку Эмили.

Чтобы она пересказала эту историю какому-нибудь незнакомцу.

Трахнула его на парковке.

Влюбилась.

И свалила нахрен из моей квартиры.

Ах, какая же я хорошая подруга.

Я поскользнулась, лечу вперед и чуть не ломаю шею на ледяных ступеньках. Прежде чем добираюсь до верха, остатки пива оказываются у меня на плаще. Возбравшись, наконец, на крыльцо перебрасываю бутылку через перила, вытаскиваю из кармана бумажный пакет, развязываю пластиковый, перекидываю собачье дерьмо и беру зажигалку.

Небольшой козырек над дверью никак не укрывает ото льда и снега, бьющих со всех сторон. Поэтому я опускаюсь на колени и использую плащ, чтобы защититься от ветра, пока поджигаю пакет.

Дерьмо действительно вспыхивает. Пылает очуменно жарко. Я вытаскиваю телефон и нажимаю на запись. Затем даю на звонок и стучу в дверь снова, снова и снова, пока не слышу шаги и голос Люка Дюшанана, требующего, чтобы я «подождала, черт возьми».

Мой план сработал без сучка и задоринки.

Люк открывает дверь. Видит огонь. Топчет пакет своими модными домашними туфлями. Затем мерзкие пары теплого, поджаренного собачьего дерьма поднимаются в воздух и попадают в горло Люка Дюшанана как раз в тот момент, когда от шока он делает глубокий вдох.

Начинаются рвотные позывы.

Видеть, как взрослый мужик верещит, как девочка, между сухими спазмами и слезами, — это больше, чем я себе представляла.

И все это записано у меня на видео.

И это эпично.

Даже я, будущий экстраординарный автор бестселлеров, не смогла бы выдумать такого.

Я так увлечена открывшейся передо мной сценой, что даже не замечаю двух приближающихся полицейских, пока они не оказываются рядом со мной. Засовывая телефон в карман, пытаюсь их обойти, но крыльцо маленькое. А они довольно крупные парни.

— Ладно, леди. Притормозите. Мы предупреждали таких, как вы, не шнырять здесь, — говорит полицейский, хватая меня за левую руку.

Другой полицейский хватает меня за правую руку.

— Я чувствую исходящий от нее запах алкоголя. Сколько вы сегодня выпили? Вы под кайфом? — Он светит мне в глаза.

— Мэм, вы знаете эту леди?

Я моргаю, чтобы избавиться от пятен в глазах, и смотрю на женщину в дверном проеме. Должно быть, это новая сучка. Эмили права. Она вовсе не уродина. На самом деле очень даже хорошенькая. Вся такая милая и роскошная в своем атласном халатике с задорными сосками, пытающимися пробиться сквозь ткань.

— Нет. Я никогда раньше ее не видела. Не думаю, что мой жених тоже ее знает. — *Жених?* — Я спрошу его, но почти уверена, что это просто еще одна попрошайка.

— Мэм, мы можем с ним поговорить?

— Он... нездоров в данный момент.

Где-то из глубин дома доносятся рвотные потуги Люка, и я не могу сдержать улыбку. Девушка прищуривается, глядя на меня. Проклятье. У нее нереально великолепные ресницы.

Я опускаю голову. Если она провела столько же исследований об Эмили, сколько Эмили о ней, она может узнать меня по фотографиям Эмили на Facebook. Как бы мне ни хотелось поставить себе в заслугу то, что я провернула самый старый розыгрыш в истории, и чтобы Люк знал, что это я вызвала его большой переполох, я достаточно умна, чтобы понимать, что статус пьяной бродяжки, вероятно, к лучшему. Кроме того, он узнает, что это я, после загрузки видео.

— Мы часто видим таких в округе. Холодная погода всегда выгоняет их из укрытия. Итак, мы патрулировали местность, когда увидели пожар. Рад, что не обернулось чем-то худшим.

— Да, я тоже, — говорит невеста, вытягивая шею, как чертов жираф, чтобы попытаться получше меня рассмотреть. Тяжело опираясь на полицейского справа от меня, я опускаю голову еще ниже.

— Мы отвезем ее в участок и дадим протрезветь. Если хотите выдвинуть обвинения, вам нужно сделать это завтра до девяти утра.

— Не думаю, что мы будем это делать.

Я должна быть благодарна, но немного злюсь на ее заносчивый тон — будто я не стою ее времени. Пусть идет лесом. Я достаточно хороша, чтобы против меня выдвинули обвинения...

— Хорошего дня, мэм.

Замечаю, как офицер пялится на ее сиськи, и закатываю глаза. Он смотрит дольше, чем

любой джентльмен, а затем ведет меня вниз по ступенькам. Я оглядываюсь на кучу пепла и несгоревших собачьих экскрементов и чувствую странную грусть.

Мы были так близки... я и этот кулек с дерьмом. Я буду скучать по нему.

Я вынуждена отвести взгляд, когда офицер надевает наручники на мои запястья. Затем, прикрывая мне рукой макушку, усаживает на заднее сиденье машины.

Когда адреналин спадает, а оцепенение проходит, я понимаю, как мне чертовски холодно на самом деле. Я дрожу и трясусь. Зубы стучат, а голова дергается. Это только усиливает мой вид бродяжки-алкоголички и даже вызывает сочувствующие взгляды со стороны офицеров, которые разговаривают так, как будто меня нет в машине.

— Это было собачье дерьмо или человеческое?

— С этими людьми никогда нельзя сказать наверняка.

— Видел, как очумел этот придурок Дюшанан? Самое смешное, что я видел за последнее время.

— Да, кто, черт возьми, на такое поведется? Это самый старый трюк в истории.

— Эй, милочка... — тон полицейского разительно меняется. — Я куплю тебе выпивки на неделю, если ты сможешь повернуть свой маленький трюк на Уэст-Бьютро-стрит, 2189. Черт, это стоило бы двухнедельной выпивки, лишь бы увидеть, как моя бывшая жена топчет пылающий пакет с дерьмом.

Они смеются, но и представить себе не могут, как трудно найти собачье дерьмо в здешних краях.

Как только я начинаю согреваться, они вытаскивают меня обратно на холод и ведут в полицейский участок. Пару раз я сидела в камере. Ничего серьезного, но несколько ночей мне пришлось провести в окружной тюрьме из-за неоплаченных штрафов. Один или два раза меня арестовывали за мелкое хулиганство. Поэтому я удивлена, когда они не просят меня сдать личные вещи. Не фотографируют. И даже не интересуются, как меня зовут.

Просто ведут в огромную камеру, выходящую на кабинеты. Вдоль стены стоят двухъярусные кровати, но занята только одна. Мне дают подушку, простыню и одеяло, осторожно вталкивают внутрь, а затем дверь за мной захлопывается, разбудив единственного человека в камере.

Женщина такая же большая, как чертов дом. Выглядит злобно, как гремучая змея. Когда я пытаюсь занять койку напротив нее, чтобы постоянно следить за ней одним глазом, она качает головой. Я перехожу к следующей койке. Она снова качает головой. Все происходит так: я останавливаюсь у койки, смотрю на нее, спрашивая разрешения, она качает головой, я двигаюсь вперед, чтобы мне не надавали по морде.

У последней койки в глубине камеры она издает стон и переворачивается на другой бок. Как можно удобнее обустроиваю верхнюю койку и забираюсь туда полностью одетой. Не требуется много времени, чтобы понять, почему мегера заставила меня спать здесь. Место холоднее, чем чертова задница эскимоса.

Я достаю телефон, и вижу, что у батареи остался один процент заряда. Поэтому смотрю видео, где Люк Дюшанан беснуется, пока телефон не умирает.

И это, черт побери, лучшие тридцать семь секунд в моей жизни.

Глава 5

Я просыпаюсь от пристального взгляда моей сокамерницы.

Она стоит передо мной, и мы смотрим друг другу в глаза.

Эта женщина пугает меня до чертиков.

— Ты храпишь.

Ненавижу, когда люди храпят. Я знаю, как это может раздражать. Поэтому приношу свои извинения.

— Извини. Я перевернусь на бок. — Собираюсь повернуться, но она качает головой.

— У меня есть идея получше.

— Серьезно? Сон на боку обычно срабатывает. Бабушка заставляла деда...

— Перестань дышать.

Я смотрю на нее в замешательстве. Ее взгляд говорит мне, что если я сама не перестану дышать, то она мне в этом поможет.

Делаю вдох, надуваю щеки и задерживаю дыхание. Она удовлетворенно кивает и топает обратно к своей койке. Пружины стонут под ее весом, когда она поворачивается на бок, чтобы наблюдать за мной.

Как раз перед тем, как я теряю сознание, дверь в камеру открывается.

— Ты. — Полицейский указывает на меня. — На выход.

Я выпутываюсь из одеяла и спрыгиваю вниз. Когда прохожу мимо сокамерницы, которая рычит на меня, вероятно, потому, что слышит мое дыхание, совершаю нечто действительно глупое.

— Твое дыхание пахнет пердежом, — шиплю я, показывая ей средний палец.

Прежде чем она успевает встать с койки, благополучно выхожу из камеры, и дверь закрывается, запирая ее внутри. Я улыбаюсь, потому что я свободная женщина, и она не может меня убить.

— Садись.

Офицер указывает на металлический складной стул в проходе рядом с его кабинкой. Я сажусь, и он наливает чашку кофе и протягивает ее мне. Бросает мне пластиковую ложку, пару пакетиков сахара и сухих сливок.

Я готовлю себе кофе, пока он садится и начинает стучать по клавишам клавиатуры двумя пальцами. Он выглядит скучающим. Форма ему слишком мала. Очки заляпаны. Волосы зачесаны на лысину.

Откинувшись на спинку стула, он скрещивает руки за головой и пристально смотрит на меня.

— Парни, которые тебя забрали, сказали, что ты устроила пожар на чьем-то крыльце.

Я киваю и отпиваю глоток кофе.

— Не хочешь рассказать об этом?

Я выдаю ему отредактированную версию правды — начиная с той части, где я прибыла в дом Люка. Мне требуется некоторое время, чтобы рассказать эту историю, потому что он не может перестать ржать. И продолжает перебивать, повторяя все, что я ему говорю, в вопросительной форме. К тому времени, как я заканчиваю, он все никак не успокоится, и у меня возникает желание врезать ему по физиономии.

— Слушай, — говорит он, как только может говорить без улыбки. — Поскольку тебя задержали только за незначительное нарушение, я тебя отпущу... если найдешь кого-нибудь, кто за тобой приедет.

— Неужели я не могу уйти сама?

Он качает головой и пристально смотрит на меня.

— Я делаю тебе одолжение. Не упрямясь.

— Что, если за мной некому будет прийти?

— Тогда мне придется тебя оформить. И накормить. А это будет стоить денег. А мне не хочется этого делать.

Я бы не возражала, чтобы меня арестовали. Я могла бы отбыть свой срок, позавтракать и использовать время в одиночке, чтобы придумать, как, черт возьми, добраться до дома, поскольку мой рейс вылетел три часа назад. Проблема в том, что я разозлила свою сокамерницу. Так что теперь либо я найду кого-нибудь, кто придет за мной, либо умру.

Мой взгляд перемещается на передний карман плаща. Часть мозга кричит, что это плохая идея. Другая говорит, что это лучше, чем смерть.

Офицер тянет телефон через стол и ставит его передо мной, затем уходит, сказав, что вернется через несколько минут.

Я беру трубку и быстро набираю цифры, пока у меня еще хватает смелости. Кто-то отвечает после первого гудка.

— Офис мистера Суэггера. — Дама говорит одним из тех раздражающих высоких голосов, которые бывают только у симпатяшек.

— Здравствуйте, это Пенелопа Харт. Я друг мистера Суэггера. — Слова просто вырвались наружу. Я не могла их остановить.

— Чем могу вам помочь, мисс Харт? — Судя по голосу, женщине скучно. Я же чувствую себя глупо. Вероятно, я не первая, кто звонит ему в офис, утверждая, что он/она его «друг».

— Эм... ну...

Я не могу этого сделать.

Трясущимися руками опускаю трубку обратно на базу.

Как я могла так сглупить?

Действовать настолько безрассудно?

Так... по-идиотски?

Джейк Суэггер не приехал бы за мной. Он меня ненавидит.

Его потеря.

Если бы он пригласил меня остаться на ужин, то узнал бы меня настоящую. Я могла бы его очаровать. Заставить полюбить себя. Мне бы пришлось получить судебный запрет против него, потому что мужчины, как правило, цепляются за таких женщин, как я.

Но он упустил из виду все мое величие и предпочел видеть только плохое — например, то, что я вломилась в его квартиру и оставила пакет с собачьим дерьмом у него на столе. Так что единственное, что Джейк Суэггер может для меня сделать, — это прислать сюда своего адвоката, чтобы выдвинуть обвинения. Он позаботился бы о том, чтобы я прожила свои последние минуты с Большой Бертой, которая, без сомнения, будет сидеть на мне и дышать в лицо, пока я не умру медленной, мучительной смертью.

Я пью уже третью чашку кофе. Понятия не имею, куда, черт возьми, запропастился полицейский. Часы на стене показывают, что его нет уже более получаса. Наверное, я могла бы незаметно прошмыгнуть за дверь, если бы не нелепая кепка, из-за которой весь участок кидает на меня насмешливые взгляды.

Большое спасибо, Альфред.

Я смотрю на визитку в своей руке, размышляя о том, чтобы позвонить по мобильному, указанному на обороте. Номер Джейка. Услышать его голос. Может быть, извиниться. Или подождать возвращения домой и позвонить ему пьяной. Если я, вообще, доберусь до дома.

Думай, Пенелопа!

Эмили.

Эмили знает кого-нибудь в Чикаго. Ведь так? Она здесь стажировалась. Наверняка у нее появился один или три друга, кроме Люка Дюшанана. Может, она позвонит кому-нибудь из них и попросит за мной приехать. Потом я попрошу маму перевести мне немного денег, чтобы добраться домой. Знаю, у нее их в обрез, но она, без сомнения, сделает все возможное. И я могу отдаться какому-нибудь отчаявшемуся мужчине за деньги, чтобы расплатиться с ней. Или продать душу дьяволу. Или свою скорую славу иллюминатам.

— Пенелопа?

Смотрю на мужчину, стоящего надо мной. Нет, не смотрю... пялюсь. Он горячий лучший друг Того самого Парня. С вечной ухмылкой. Игривым характером. Сексуальным взглядом. С таким, вы надеетесь, подружится лучшая подруга героини, и о них будет вторая книга.

Закатываю глаза своему дурацкому писательскому мозгу.

— Да?

Он оглядывает меня от кепки до грязной обуви, мгновение изучает визитку в моей руке, а затем встречается со мной взглядом и приподнимает бровь.

— Ты Пенелопа? — Не уверена, это прозвучало с весельем или скептицизмом. Я их путаю.

— Да. А ты, должно быть, Капитан Очевидность.

Он смеется и тянется за бутылкой воды, стоящей рядом с кофейником. Он поворачивается ко мне спиной, и я делаю полное сканирование его тела.

Классная задница. Хорошее телосложение. Мощные ноги. Дружелюбный. Очаровательный. Похоже, с таким парнем можно приятно провести время. И все же в нем что-то не то. Пистолет на месте, но значка нет. Костюм вместо униформы. Детектив? Но костюм у него очень приличный. Подходит по фигуре. Ткань — не дешевая саржа, которую носят большинство детективов. И у него нет характерной для полицейских ауры. Или усталых, озабоченных морщинок на лице.

— Я могу вытащить его и дать тебе рассмотреть.

Перевожу взгляд с его промежности на улыбающееся лицо. Я разглядывала его задницу. Он повернулся. Это не моя вина.

— Извини, у меня нет очков для чтения.

Меня награждают хриплым, сексуальным смехом. Если бы я не была так увлечена образом моего Того самого Парня, то использовала бы этого красавчика в качестве своей музыки.

— *Touché*, мисс Харт. Готова убраться отсюда?

— Кто ты?

Он ухмыляется и протягивает руку. Я пожимаю ее. Конечно, ладонь теплая, рукопожатие крепкое, рука вся такая замечательная, какая и должна быть у настоящего мужчины.

— Кэм Фавр.

— Детектив? Офицер? Лейтенант?

— Просто Кэм. Но ты можешь называть меня «сэр», если хочешь.

Я игнорирую его шевеление бровями.

— Если ты не коп, тогда кто?

— Настоящий мальчик, — говорит он таким впечатляющим голосом Пиноккио, что я улыбаюсь. — Пойдем. Джейк готовит завтрак.

Вот дерьмо.

— Дж-Джейк послал тебя за мной?

— Да. — Он указывает на визитку в моей руке. — Сказал, что ты звонила в офис.

Звонок прервался. Должно быть, из-за бури. Но мы отследили номер до этого места.

— Вы отследили номер? — О, мой Бог. Что за парень этот Джейк Суэггер, что меньше чем за час может отследить номер и послать кого-то за мной?

— Определитель номера, детка. Когда-нибудь слышала о таком?

Вот я тупица.

Наверное, мне следует задать еще несколько вопросов. Например, кто этот парень на самом деле? Кем приходится Джейку? Адвокатом? Братом? Другом? Любовником? И почему, черт возьми, Джейк хотел, чтобы я приехала к нему домой? Почему он готовит завтрак? Для этого у него должна быть кухарка. Женщина средних лет, у которой тайный роман с Россом. Или Альфредом.

— Так ты идешь или хочешь остаться здесь?

— Да иду я, иду.

Он одаривает меня сексуальной улыбкой, оглядывая с головы до ног.

— Даже сквозь всю эту одежду могу сказать, что у тебя соблазнительное миниатюрное тело, а в сочетании с этим милым личиком и дерзким ртом. Теперь я понимаю, почему Джейк так хочет заполучить тебя.

Хочет заполучить меня?

Что это значит?

Я не могу думать, потому что Кэм идет впереди меня, и я изо всех сил стараюсь не смотреть на его задницу.

И проигрываю битву.

Но я смотрю только секунду.

Рядом с участком припаркован внедорожник со все еще работающим двигателем. Не обычный полицейский внедорожник. Чертов «Рейнджровер» с крутыми колесными дисками, затемненными стеклами и бампером, который мог бы снести танк.

Он открывает пассажирскую дверцу, и на меня обрушивается аромат одеколona и кожи. Такой опьяняющий. Такой эротичный. Такой... плавающий трусики, что я бросаю взгляд на заднее сиденье, задаваясь вопросом, если я разденусь догола и лягу там, будет ли этого достаточно, чтобы убедить Кэма приковать меня наручниками к дверце и делать со мной все, что ему угодно.

Мне срочно нужно прекратить читать эти чертовы грязные книжонки....

Устремляю взгляд в окно на белый пейзаж, чтобы не смотреть на Кэма. Мы еще даже не выехали с парковки, когда его голос заставляет меня повернуться к нему лицом.

— Ты... другая.

— Что ты имеешь в виду?

Его взгляд перебегает с дороги на мою кепку.

Я снимаю ее и пытаюсь пригладить волосы.

— Это долгая история.

— Держу пари, у тебя найдется много хороших историй, учитывая твою профессию. —

Он подмигивает, будто знает какой-то большой секрет.

Уверена, Джейк рассказал ему, что я писательница. Без сомнения, он погуглил название моей книги, как только я ушла. Вероятно, именно так он и узнал мое имя. Собираюсь

сказать Кэму, что нет ничего особенного в том, что у писателя много хороших «историй». Но не хочу быть засранкой.

— Да. Наверное. — Пожимаю плечами и снова смотрю на проплывающий мимо город.

Звонит телефон Кэма, и как бы мне ни хотелось подслушать его разговор, я не могу выкинуть из головы мысль о том, что во всем этом что-то не так. Зачем Джейку спасать меня? Почему он так хочет меня заполучить? Почему позволил мне вернуться в свой дом после того, как так грубо выгнал? Он готовит завтрак, потому что чувствует себя виноватым за то, что отказал мне в ужине?

— Джейк взбесится из-за этого, Лэнс, — смеюсь, говорит Кэм. Будто гнев Джейка веселит его. Поскольку гнев Джейка оказывает на меня такое же воздействие, я настраиваюсь на разговор. Конечно, он заканчивается в тот момент, когда я это делаю.

— Из-за чего Джейк взбесится?

— Министерство транспорта отменило все рейсы из Чикаго.

Хорошо. Может, мне получится перенести свой рейс без необходимости платить за него. А это значит, что мне не придется грабить винный магазин по дороге из города.

— Джейк куда-то собирался? — изображаю я безразличие.

Кэм бросает на меня недоверчивый взгляд и закатывает глаза.

— Нет. Кому нужны самолеты, когда можно взять на прокат ослов. — *Чего?* — Отмена коммерческих рейсов была ожидаема, но сейчас только что объявили, что ни один самолет не сможет вылететь. А значит, даже всемогущему Джейку Суэггеру не удастся получить разрешение поднять свою птичку в воздух.

— У него есть самолет?

Он бросает на меня еще один косой взгляд.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Хорошо ли я себя чувствую?

Мне немного холодно. Я очень устала. И у меня начинается насморк.

— Я в порядке. — Ему не нужны такие подробности.

Кэм снова разговаривает по телефону. Что-то о генераторе, который нужно заменить как можно скорее. Скука. Но я слушаю. Знаете ли вы, что резервные генераторы могут иметь резервные генераторы? Интересно, что произойдет, когда резервный генератор резервного генератора выйдет из строя?

Мы подъезжаем к дому Джейка, и Альфред расплывается в улыбке. Пока не открывает дверцу и не видит меня. Не обращая внимания на его хмурый взгляд, я одариваю его своей лучшей артистичной улыбкой и выхожу из машины.

— Доброе утро, Альфред. Так здорово снова вас видеть. Кстати, кепка просто чудовая. Благодаря ей, я получила кучу комплиментов.

Кэм смеется, шагая рядом со мной и крутя на пальце кольцо с ключами, когда открывает дверь. Альфред в ответ только хмыкает и неохотно придерживает для нас дверь в здание. На этот раз он не идет за нами к лифту. Вместо этого заходит за стойку консьержа и берет телефонную трубку. Пока мы с Кэмом следуем дальше по коридору, я слышу, как он говорит:

— Они уже поднимаются, сэр.

— Никогда не видел, чтобы Альфред на кого-нибудь хмурился. — Кэм приподнимает бровь, глядя на меня, когда мы заходим в лифт. Затем, будто ему в голову только что пришла мысль, одаривает меня волчьей ухмылкой. — У вас двоих есть история или что-то типа того?

— Или что-то типа того.

В лифте я утыкаюсь носом в стену и напеваю, пока мы ракетой взлетаем на тридцатый этаж. Кэм ничего не говорит, но, выйдя в фойе, я вижу его улыбку.

У меня внутри все крутится и переворачивается. Думаю, меня может стошнить. Не от страха, как у нормального человека. А от волнения. Как у сумасшедшего человека, коим я являюсь. Ладно, и, может быть, чуть-чуть от страха.

Джейк хочет сказать мне, что сожалеет о том, что был придурком?

Или потребует, чтобы я заплатила за его рубашку?

Возьмет меня на руки и никогда не отпустит?

Или продаст меня в секс-рабство?

Поцелует меня в макушку и скажет, что я красивая?

Или обвинит в краже какой-нибудь херни? Какой-нибудь секретной херни. Которую сам и упустил. И его план состоит в том, чтобы подставить меня, обвинив в этом...

Кэм открывает дверь и... бекон.

Я чувствую запах бекона.

Аромат окутывает все.

Рот наполняется слюной, и я стону. Потом стон продолжается по совершенно другой причине.

Передо мной стоит Джейк Суэггер. У плиты. С лопаткой в руке, на нем только фланелевые брюки с низкой посадкой. Мышцы на загорелой спине бугрятся. У него широкие плечи. Узкие бедра. Скульптурно вылепленное, но при этом мягкое и гладкое тело. Шкварчание жира от бекона и низкий голос ведущего новостей — единственные звуки в комнате.

Мгновенно представляю этот момент в реальной жизни, как в банальном фильме «Холлмарк». За окном падает снег. Уютное тепло домашнего очага. Я только что встала с постели и сонно люблюсь своим принцем, который проснулся пораньше только для того, чтобы приготовить мне завтрак.

Конечно, я лишь воображаю это, потому что уже просканировала комнату на предмет мафиози и подозрительных людей, которые могли бы захотеть убить меня за кражу чего-то, чего я на самом деле не крада. Здесь никого. Только я. Джейк. Кэм-пятое-колесо. Воздух. Возможность...

Когда Джейк перекидывает кухонное полотенце через плечо, отчего его мышцы сокращаются, сознание за считанные секунды перескакивает от рейтинга PG к рейтингу XXX. Представляю себя на его плече. Мои ноги вокруг его шеи. Его лицо в моей вагине.

Он поворачивается ко мне лицом. Я улыбаюсь. Мои щеки покраснели от грязных мыслей. Глаза распахнуты от вожделения. Но я могу это разыграть. Будто только проснулась от сна. Как в моей фирменной сказке. Он скажет: «Доброе утро, красавица». Я буду такой застенчивой и милой. Он скажет, что у меня прекрасный румянец. Потом поцелует, затаив дыхание...

Вздых.

Поверить не могу, что я действительно здесь. Я. Пенелопа Харт. Автор в процессе создания. Стою на кухне роскошного пентхауса высотки со своим собственным, полуголым Тем Самым Парнем.

И тем, кто мог бы быть его горячим лучшим другом.

И никакой мафии.

И бекон.

И даже божественное вмешательство не может испортить этот момент.

Глава 6

Джейк Суэггер — не Бог.

Но, черт возьми, он может испортить момент.

Он смотрит на меня без улыбки. Вместо этого я натыкаюсь на выражение крайнего ужаса и отвращения. Никакого: «Доброе утро, красавица». Только: «Какого хрена она здесь делает?»

— Что? — спрашивает Кэм.

Мы с Джейком смотрим друг на друга. Джейк выглядит так, словно вот-вот взорвется. Я изучаю две маленькие красные точки на его втором и шестом кубике пресса. Брызги жира от бекона? Возможно. Кто, черт возьми, жарит бекон топлесс?

— Ты же сказал забрать ее и привезти домой. Я предположил, что дом здесь. Или ты хотел, чтобы я отвез ее в другую квартиру?

Йуху! У него две квартиры.

Джейк приходит в себя. Вырастает на дюйм или два. Его мышцы напрягаются. На лбу выступает вена. Кулаки сжимаются. Он такой доминантный.

— Ты Пенелопа Харт.

Я воздерживаюсь от повторения шутки про Капитана Очевидность. И от просьбы прикоснуться к его груди. Или просьбы снова произнести мое имя своим спокойным, глубоким голосом, представив, будто он собирался кончить.

— Да.

— Ты звонила в мой офис.

— Я.

— Сказала, что ты мой друг.

— Люди действительно слишком часто употребляют это слово. Я виню Facebook. В смысле, со сколькими друзьями по Facebook ты действительно дружишь?

— Мы не друзья по Facebook.

— Нет.

— Мы не друзья в реальной жизни. Мы не знакомы. Ты даже не друг друга.

Склонив голову и прищурившись, смотрю на него.

— Уверен? Держу пари, я друг друга по Facebook. Ты бы удивился, насколько, на самом деле, мал этот мир. Особенно, когда у тебя есть такое присутствие в социальных сетях, как у меня. У моей странички около четырех тысяч лайков. И я превысила свой максимальный лимит в пять тысяч друзей.

Проходит несколько мгновений напряженной тишины. Затем Джейк указывает лопаткой на дверь.

— Пошла вон.

— Нет... я не пойду... вон. — Скрещиваю руки на груди, пряча дрожащие пальцы. — Нет, пока не узнаю, что происходит. Это ты меня забрал. Я хочу знать, почему.

— Потому что думал, что ты кто-то другой.

— Подожди... ты знаешь другую девушку по имени Пенелопа Харт?

— Я думал, ты мисс Симс.

Теперь я точно в замешательстве.

— Но я же сказала, что меня зовут Пенелопа. Ты сам только что спросил меня,

Пенелопа ли я, так что ты знал, что меня зовут не мисс Симс.

— Ради всего святого. — Он проводит рукой по волосам и раздраженно выдыхает. — Я перепутал, ясно?

— Как, черт возьми, ты перепутал Пе-не-ло-пу Ха-р-т с мисс Симс?

— Это псевдоним! Имя «мисс Симс» — это псевдоним! — орет он в потолок. — Мать твою, женщина. Ты как чертов грибок!

Я улыбаюсь. Ничего не могу поделывать.

— Потому что я начинаю тебе нравиться?

Глаза Джейка закрываются. Он пытается контролировать свой темперамент. И ему чертовски хорошо это удается. Стоит напряженная тишина. Смех Кэма ее нарушает.

— Стойте-ка, — говорит он, жуя бекон и сексуально посмеиваясь. — Она — не мисс Симс?

Он указывает на меня и переводит взгляд на Джейка, который просто смотрит на него. Наверное, думает о том же, о чем и я: «Ты только сейчас это понял, гений?»

— И кто же она такая? Откуда ты ее знаешь?

Его рука замирает на полпути ко рту, а глаза блуждают по мне с головы до ног.

— Ты фальшивая мисс Симс. — В поисках подтверждения, его внимание переключается на молчаливого, задумчивого Джейка. — Это она всех обманула? Она вломилась сюда ночью? Эта девушка? Эта? Та, кого ты называешь «долбанутая»?

Он снова тычет пальцем в мою сторону.

— Ладно, теперь вы подождите чертову минуту. — Я выставляю ладонь вперед каждому из них. — Позвольте прояснить. Ты послал машину за женщиной, имени которой не знаешь и ни разу не видел в лицо. Дал ей полный доступ в свой пентхаус. Сказал своим сотрудникам, чтобы они удовлетворяли все ее прихоти. Был готов внести за нее залог... пожарить ей бекон, и считаешь долбанутой меня?

— Это Джейк назвал тебя долбанутой, детка. Не я.

— Хватит! — рявкает Джейк с достаточной злобой в голосе, чтобы стереть ухмылку с моего лица и послать дрожь страха по спине. — Убери эту женщину из моего дома, Кэм. И найди мисс Симс.

Он бросает лопатку в раковину и с жутким спокойствием уходит из кухни в свой кабинет. Я напрягаюсь, ожидая громкий хлопок двери, но она тихо закрывается.

— Что же, это было разочаровывающе, — бормочу я, немного раздраженная тем, что он не поддержал шутку. Или не обнял меня...

Мое внимание привлекает низкий смех Кэма. Он стоит, прислонившись к кухонной стойке, качает головой и достает из кармана телефон.

— Ты чокнутая, знаешь это?

Я пожимаю плечами, потому что... да, я чутка со сдвигом.

— И что теперь?

— Теперь я должен найти настоящую мисс Симс. — Он перемещается, нависая надо мной. — А ты, Пенелопа Харт, можешь спокойно уйти со знанием того, что ты единственная женщина в истории, которая прорвалась сквозь могучую крепость Джейка Суэггера и осталась невредимой.

Невредимой.

Означает ли это, что других женщин, побывавших здесь до меня, привязывали к скамье для порки, они испробовали на себе его кожаный ремень, а затем их так трахали, что они

оказывались в другом измерении? Неужели они уходили отсюда в посторгазмическом тумане, не оставив на память о нем ничего, кроме красных полос на заднице и боли в промежности?

— Эй... сумасшедшая девчонка... ты меня слышала?

— А?

Он закатывает глаза.

— Мне нужно сделать несколько звонков, а потом мы придумаем самый быстрый способ вернуть тебя домой, хорошо?

Я киваю.

Выражение его лица становится строгим, а в тоне не слышится ни капли веселья.

— Ничего здесь не трогай. Поняла?

— Кристально. Могу я хотя бы воспользоваться ванной?

— Конечно. — Он указывает на ту, что рядом с кухней. — Только по-быстрому. Я скоро вернусь.

— Ты уходишь?

— Нет... я выхожу из комнаты, чтобы сделать несколько звонков.

— А-а-а. Ладно. А что мне делать, когда Джейк выйдет и убьет меня, потому что я все еще в его квартире?

— Он пробудет у себя некоторое время. — Кэм тянет за козырек моей кепки, надвигая ее мне на глаза. — Он больше лает, чем кусает. Не волнуйся, он тебя не убьет.

Я улыбаюсь и приподнимаю кепку, чтобы посмотреть на него.

— Потому что я втайне ему нравлюсь?

— Нет, детка. Потому что в газетах это будет выглядеть плохой новостью.

О...

— Джефф? Это Кэм Фавр. Мне нужна услуга... — голос Кэма стихает, когда он выходит из кухни.

Я беру оставшийся бекон и наливаю себе стакан сока. Бросаю взгляд на стол, затем снова на дверь кабинета Джейка. Завтрак в ванной кажется самым безопасным вариантом, поэтому я запираюсь внутри и ем, прислонившись спиной к двери.

Пытаюсь понять, что стоит за той таинственной мисс Симс. Зачем ей использовать псевдоним? Кто она для Джейка? Очевидно, ничего важного. Он ведь даже не видел ее чертово лицо. И все же ради нее он пошел на многое. Она его клиент? Чем он, вообще, занимается?

Дурацкий телефон.

Если бы батарейка не сдохла, я бы о нем погуглила.

Покончив с едой и устав от размышлений, снимаю с себя грязную одежду и включаю душ. Кажется, проходит вечность, прежде чем горячая вода согревает мои озябшие кости. Только после этого мою голову — мне приходится добавлять воду во флакон с шампунем, потому что он почти пуст, — и смываю остатки тюремной вони.

Чистая, сияющая и пахнущая чем-то чудесным, заворачиваюсь в большое пушистое полотенце и провожу рукой по запотевшему зеркалу. Я выгляжу ужасно усталой. Каштановые волосы, как обычно, вьющиеся и спутанные, торчат во все стороны и свисают до середины спины. Оливковый цвет лица кажется еще темнее на фоне белого полотенца, отчего золотые искорки в карих глазах сияют еще ярче.

Я роюсь в ящиках у раковины и нахожу совершенно новую зубную щетку и немного

зубной пасты. Затем высушиваю волосы полотенцем и стираю капельки воды с кожи.

В одном полотенце выглядываю из ванной и обнаруживаю, что я одна. Джейк, должно быть, все еще в своем кабинете. Кэм, вероятно, занят тем, что хотел сделать. И страх, что Джейк может убить меня, если найдет в своей квартире, по всей видимости, смылся в душе. Потому что внезапно мысль о том, чтобы посмотреть телевизор, закутавшись в тот теплый плед и свернувшись калачиком на диване, меня несколько не пугает.

Несмотря на обжигающий душ и тепло гостиной, я все еще чувствую озноб. У меня заложен нос. Голова раскалывается. Кости ломит. Изю всех сил молюсь, чтобы не заболеть. Я обожаю девушек, попавших в беду, и хотя мой Тот Самый Парень оказался занозой в заднице во время обеих наших встреч, я уверена, что он сжалится надо мной и вылечит.

В промежутках между фантазиями о том, как он выходит из кабинета и заключает меня в объятия, всплывает реальность, и я вынуждена думать как взрослая.

Сегодняшний день мог бы сложиться совсем по-другому. Что, если бы я не позвонила в офис Джейка? Что, если бы снова застряла в той камере с Большой Бертой? Что, если бы Джейк вызвал полицию и сдал меня, когда вернулся домой прошлой ночью? Или когда я появилась сегодня? Что, если он это сделает, как только обнаружит, что я все еще здесь?

Мне нужна зарядка для телефона. Нужно позвонить Эмили. Загрузить мое видео Перенести рейс. Заставить Джейка влюбиться в меня. Написать роман-бестселлер о себе и моем Том Самом Парне. Познакомить Кэма с Эмили. Написать еще один роман-бестселлер о них двоих. Найти ростовщика, который одолжит мне денег, пока я не получу свои миллионы.

Кто-то стучит в дверь. Я отключаю «Судью Джуди» (*прим.: «Судья Джуди» — остросюжетное реалити-шоу с участием женщины-судьи, оказавшей огромное влияние на американскую систему правосудия*) и бросаю взгляд на кабинет Джейка, ожидая, что он выскочит оттуда, чтобы узнать, кто пришел. Когда стук раздается снова, и никто не выходит, чтобы открыть, я беру дело в свои руки, потому что открывать дверь в чужом доме, — это именно то, чем занимаются люди без здравого смысла.

Мужчина по ту сторону двери — Джейк Суэггер через сорок или около того лет. Если не считать седых волос и морщин вокруг рта и глаз, он выглядит точь-в-точь как Джейк. Крепкое телосложение. Волевая челюсть. Задумчивое выражение лица. Глаза цвета океана. Он даже смотрит на меня с тем же раздражением и отвращением. Наверное, потому, что на мне только полотенце, но все же... эти чертовы злобные взгляды начинают надоедать.

— Здравствуйте, мистер Суэггер. — Что-то в том, что я знаю, кто он, не зная этого на самом деле, заставляет меня чувствовать себя менее неполноценной по сравнению с ним.

— Дайте угадаю... вы — мисс Симс.

Ну вот, снова начинаем с этого дерьма...

Не дожидаясь моего ответа, он протискивается мимо меня. При этом издает какой-то горловой звук — неодобрение? Отвращение? И то, и другое?

— Вообще-то, я мисс Харт. Но вы можешь звать меня Пенелопой.

— Где мой внук?

Я так и знала! Мне хочется улыбнуться. Вскинуть кулак в воздух, потому что я оказалась права. Но я воздерживаюсь от празднования. Не позволю маленькой победе помешать моей миссии — произвести хорошее впечатление на Джейка Суэггера из будущего.

— Он принимает звонок в своем кабинете. — Возможно. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

Но Дедуля Суэггер чувствует себя как дома. Он открывает шкафчик бара и берет графин со стаканом.

Я стою, заставляя себя не ерзать, пока он наливает напиток, а затем поворачивается ко мне. Изучает меня, потягивая виски. В восемь утра. Но, эй, кто я такая, чтобы судить?

— У вас что, нет одежды?

Я краснею и издаю нервный смешок.

— Забавная история, на самом деле...

— Сомневаюсь, что нашел бы юмор в чем-либо, относящемся к вашей работе, мисс Симс. Поэтому, пожалуйста, избавьте меня от подробностей о том, как вышло, что вы открыли дверь чужой квартиры, одетая только в полотенце.

Трудно с гордостью высоко держать подбородок, когда ты одета так, как я, и смотришь снизу вверх на такого властного человека. Не властного, как Стив Джобс или Генри Фрик (*прим.: Стив Джобс — американский предприниматель, изобретатель и промышленный дизайнер, получивший широкое признание в качестве пионера эры информационных технологий. Один из основателей, председатель совета директоров и генеральный директор корпорации Apple. Один из основателей и генеральный директор киностудии Pixar. Генри Фрик — американский предприниматель, финансист и меценат*). А властного, как гребаный Гитлер. Хорошо, что меня не так-то легко напугать.

— Меня зовут Пенелопа.

Он снова издает этот долбаный звук. Я уже не так снисходительна к нему, как несколько минут назад. Услышу его еще хоть раз и...

— Очень надеюсь, что он хорошо вам платит. Хотя не могу себе представить, в какую сумму может быть оценено достоинство человека.

Он оглядывает меня с ног до головы, медленно качая головой. Его губы кривятся в той же гримасе отвращения, что и у Джейка, когда он обнаружил, что пакет на его столе полон собачьего дерьма.

Какого черта?

Я хмурюсь в замешательстве.

— Не уверена, что понимаю.

— А должны бы. Я говорил простыми словами.

Почему этот старый ублюдок...

— Вы намекаете, что я глупа, мистер Суэггер?

Он ничего не говорит. Просто смотрит на меня с этим жестким, стоическим выражением лица. Его попытка заставить меня почувствовать себя неполноценной пробуждает мою гордость. Моя гордость подпитывает гнев. Мой гнев заряжает меня словами. И мои слова срываются с губ прежде, чем я успеваю себя остановить.

— Я задала вам вопрос, мистер Суэггер. И была бы признательна за ответ.

Его бровь слегка дергается. Движение настолько еле уловимое, что я могла бы его не заметить, если бы так пристально не изучала его лицо.

— Ваш южный акцент неподдельный. Как и ваша гордость. — Он садится в одно из мягких кожаных кресел, скрестив ноги, как подобает леди, но при этом выглядит очень по-мужски. — Ему пришлось раскошелиться, но уверен, вы стоите каждого пенни.

Он салютует мне бокалом, будто только что сделал мне комплимент.

— Он мне не платит.

— За это он вам тоже заплатил?

Здесь что-то происходит. Есть несколько причин, по которым я до сих пор не совсем это поняла. Усталость. Обезвоживание. Симптомы, похожие на грипп. Дерьмовый день. Но я собираю детали головоломки. И почти уверена, что таинственная пропавшая мисс Симс — это...

— Если вы здесь не потому, что вас нанял Джейк, тогда почему?

Потому что я вломилась в его квартиру. Меня выгнали. Я подожгла пакет с собачьим дерьмом. Попала в тюрьму. Позвонила в офис Джейка. Он решил, что я мисс Симс, не назвалась настоящим именем. Послал за мной какого-то чувака. Правда вышла наружу. А теперь я жду, когда Кэм закончит поиски наемной работницы, чтобы отвезти меня домой, прежде чем Джейк меня убьет.

Он не похож на человека, который хочет все это услышать. Кроме того, он, в некотором роде, осуждающий мудак, и я не уверена, сколько еще его оскорблений смогу вынести.

— Сколько вы готовы уделить моему рассказу? — спрашиваю я, оттягивая время, пока не придумаю правдоподобную ложь.

— Достаточно много, Пенелопа.

Сникаю под его суровым взглядом. И немного таю, потому что он вспомнил мое имя. Что довольно мило. Я уже начинаю прощать его за то, что он был таким придурком.

Дверь в кабинет Джейка открывается, и меня спасают от правды. И награждают еще одним видом его обнаженного торса.

— Дедушка.

Джейк быстро кивает ему, прежде чем впиться в меня взглядом. Медленным взглядом. Очень медленным. Тягучим, как сгущенное молоко. Как карамель. Проще говоря, Джейк Суэггер — молодой, горячий парень — разглядывает мои обнаженные руки, ноги и верхнюю часть груди, будто его дедушки даже нет в комнате, и у него есть все время в мире.

Я упоминала, что его медленный взгляд еще и обжигающий? Как огонь. Как лава. Как «бросьте-меня-в-открытое-пламя-пока-я-не-превращусь-в-пепел». Его взгляд говорит о том, что он хочет меня съесть. Я прилагаю все силы, чтобы не сорвать с себя полотенце и не растянуться на девственно-белом диване, предоставив ему легкий доступ к моему «шведскому столу».

— Так это и есть та девушка, да? — спрашивает дедушка с намеком на что-то, чего я не могу распознать в его тоне. — Она далека от тех женщин, с которыми я привык тебя видеть.

Я краснею от его... комплимента? Или нет?

— Я впечатлен. Она очаровательная. Вежливая. Настоящая...

Джейк немного выпрямляется, и отблеск медленного огня исчезает из его глаз.

— И ты обнаружил все это менее чем за пять минут?

Дедуля встает и одергивает манжеты пиджака.

— Не верится, что прошло так много времени. Вот почему я впечатлен. За то же время, что я проводил с женщинами, которыми ты обычно себя окружаешь, я приходил к совершенно иным выводам. Они тщеславные. Эгоистичные. Грубые. Они... шлюхи по завышенной цене, Джейк. И все это знают.

Еще одна деталь головоломки встает на место.

Джейк босиком пересекает комнату, подходит к графину и наливает себе выпить. Неужели эти люди не знают, что сейчас только восемь утра?

— Меня никогда не волновало мнение других людей. Ты уже должен это знать.

— И все же, такой жест оценен.

— Да? И что это за жест?

— Что ты так расстарался, пошел на крайние меры, чтобы нанять ту, которая действительно смогла бы сойти за леди.

При упоминании о леди Джейк фыркает.

Я хочу показать ему палец. И еще раз напомнить дедуле, что мне не платят. Но он заговаривает раньше, опережая меня.

— Тебе может быть все равно, что думают другие, Джейк, но твои действия отражаются на всех нас.

— Имеешь в виду себя.

— Определенно.

Дедуля смотрит на меня с намеком на улыбку. Но его взгляд по-прежнему суров. Все еще холоден. Держу пари, в нем есть что-то злое. И его взгляд, а также противостояние между этими двумя могущественными мужчинами сводят с ума мой писательский мозг.

Джейк, вероятно, работает в дедушкиной компании. Дедуля уходит на пенсию. Хочет, чтобы Джейк возглавил семейное дело. Поступает по-своему. У Джейка другие планы. Но он не может действовать в соответствии с этими планами, пока не станет президентом. А это значит, что он должен делать все, что скажет его дед, пока не освободится от образной хватки. Даже если это означает быть тем, кем он не является. Наверное, именно поэтому Джейк такой засранец. Почему он восстал против своих истинных чувств. Он действительно хороший парень, но ему приходится быть мудаком, чтобы успокоить деда и не выглядеть слабым.

Эта книга будет чертовски хороша...

Я снова включаюсь в разговор, который становится несколько более легким, но напряжение все еще не отпускает. Дедушка достает что-то из кармана. Не могу точно разглядеть, что, но похоже на визитную карточку. Я придвигаюсь ближе.

— Я знаю твою слабость к мелким предпринимателям. — Дедушка передает Джейку визитку.

— Кэнтон сказал, что никогда не продаст.

— У него нет выбора. Он вложил весь свой капитал в другую идею и потерял их из-за патента, выданного в конце девяностых. Его компания не представляет для меня особого интереса. Но с небольшой помощью с твоей стороны это может измениться. Тем не менее, его будет трудно убедить. Он слишком гордый. — При этих словах его взгляд перемещается на меня. Я опускаю голову и изучаю свои ногти.

— Я позвоню ему на следующей неделе.

— Ты поговоришь с ним на сегодняшней вечеринке. — Тон дедушки не оставляет места для возражений. Челюсть Джейка сжимается, но он ничего не говорит. — До встречи.

Он кивает Джейку, затем мне, разворачивается и идет к двери длинными, целеустремленными шагами.

Как только он уходит, я оборачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Джейком.

— Мисс Симс — шлюха, не так ли?

— Ты задаешь этот вопрос так, будто ожидаешь, что я на него отвечу.

Я скидываю руки вверх.

— Конечно, ожидаю, учитывая, что твой дед принял меня за нее. Знаешь, о чем он меня спросил, когда я сказала ему, что ты мне не платишь? Он спросил, заплатил ли ты мне за то, чтобы я так сказала.

Джейк меня не слушает. Он смотрит на мою грудь. Я тоже опускаю взгляд на нее. И мои сиськи вот-вот выпрыгнут из полотенца. Скрещиваю руки на груди и сажусь на диван. Затем тяну за конец полотенца, пытаюсь прикрыть как можно больше обнаженных ног.

Где, черт возьми, тот плед?

— Итак? Она шлюха?

— Пенелопа... умоляю, — говорит Кэм, входя в комнату. — Шлюха — это жаргон 1996-го. Джейк предпочитает термин «эскорт».

Не отрывая взгляда от телефона, он опускается на пуфик.

Джейк качает головой.

— Ты когда-нибудь затыкаешься?

— Зачем? Ты ведь молчишь.

— Как насчет того, чтобы мы обсудили то, что действительно важно. Например, какого хрена она все еще здесь делает. Я же сказал тебе, что хочу, чтобы она ушла.

Кэм пожимает плечами.

— Ты также сказал мне найти мисс Симс. Я считаю, что это имеет первостепенное значение. Так что присядь. Успокойся, черт возьми. Дай мне сделать свою работу, а потом я от нее избавлюсь.

Избавится от меня...

Дерьмо.

Что он собирается делать? Выпроводит меня из города или пустить на корм рыбам?

Слова Кэма смягчает Джейка. По крайней мере, немного. Он проводит руками по этим красивым черным локонам и садится на противоположный конец дивана.

Нас разделяет одна подушка.

Мы так близко.

Так близко, что, держу пари, я чувствую его запах.

Пока он сосредоточен на Кэмероне, делаю глубокий вдох через нос. Левая ноздря издает сопливый звук, прежде чем закупоривается и перекрывает мне доступ воздуха. Это самая отвратительная вещь на свете.

Может, Джейк этого не слышал...

Он слышал.

Меня награждают обычным свирепым взглядом. Не то чтобы презрительным, просто с его фирменным гневом. Или, скорее, с неприкрытой, переменчивой ненавистью.

Он ничего не говорит, встает и с важным видом идет в кабинет. Я жду звук захлопывающейся двери, но он возвращается с пиджаком в руках. Достает что-то из внутреннего кармана, бросает пиджак на кресло и возвращается на свое место.

Затем, к моему ужасу и удивлению, протягивает мне носовой платок.

Настоящий.

Тканевый.

Я беру его, гадая, первая ли им пользуюсь. Бьюсь об заклад, он носит его с собой каждый день в надежде, что появится какая-нибудь женщина с сопливым носом и окупит все его заботы, по ношению платка в кармане.

Я прячу ухмылку за носовым платком и вытираю нос. Хочу высморкаться от души, но с этим придется подождать, пока мы не достигнем того уровня комфорта, который бывает у всех пар, когда они влюбляются. У нас, предполагаю, это займет всего пару дней.

Судья Джууди называет даму идиоткой. Я сосредотачиваю свое внимание на ней, а не на

опаляющем меня сбоку взгляде. По коже бегут мурашки. Хотела бы я сказать, что они из-за арктического холода, веющего от мужчины рядом со мной. Но я на самом деле замерзла.

— Тебе холодно? — голос Джейка ровный. Безразличный и скучающий, будто он спрашивает только потому, что должен. Тем не менее, во мне укореняется непринужденная застенчивость при его попытке быть... вежливым.

— Немного.

Не говоря ни слова, он берет с пола плед и передает его мне. Я пытаюсь прикоснуться к его пальцам — ну, знаете, чтобы я могла описать «искру», которую почувствую от нашей связи. Но он все портит, отстраняясь раньше, чем мне это удастся сделать.

— Спасибо.

Он качает головой.

— Не надо.

Я натягиваю плед до подбородка и поджимаю ноги под себя, пока не остается видна только моя голова.

— Не надо, чего?

— Не притворяйся милой невинностью. Не веди себя так застенчиво и покорно...

Покорно.

Он сказал «покорно».

Он — дом.

Я, бл*ть, так и знала!

— ...одурачила дедушку, но не меня.

— А? — Дурацкое воображение. — Прости. Не мог бы ты повторить последнюю фразу еще раз?

Его губы сжимаются, и он делает глубокий вдох через нос. Чего бы я только ни отдала, чтобы у него забились ноздри...

— Я сказал, что твоя игра ранее могла одурачить моего дедушку, но не меня.

— О чем ты? Какая игра?

— Я видел твою истинную форму. Запомни это.

Я отвожу голову назад и смотрю на него так, словно он, вконец, свихнулся. Уверена, в такой позе у меня три подбородка, но мне плевать.

— Мою истинную форму? Кто, черт возьми, так говорит? Что это вообще значит?

— Ты разгуливаешь по моему дому в моем чертовом полотенце, открываешь мою чертову дверь, очаровываешь моего дедушку, заставляя его поверить, что ты какая-то святая. — При каждом слове «мой» он тычет себя в грудь. Я смотрю на появляющееся красное пятно. У него там точно будет синяк.

Должно быть, я сказала это вслух. Потому что он смеется. Без всякого оттенка веселья. Не думаете, что такое возможно? Вы ошибаетесь. Такой смех, похожий на лай, издают люди, когда видят нечто невероятное, и они не находят слов. Конечно, Джейку всегда есть, что сказать.

— Ты пи*дец как невероятна.

— Эм, нет. Что невероятно, так это то, что мудачество действительно передается по наследству. Ты должен гордиться. Вы с дедушкой доказали теорию. Хочу сказать, даже будь я наемным эскортом, он не должен был вести себя как засранец из-за этого. Я рада, что мисс Симс здесь не было, чтобы выслушивать все те ужасные вещи, что он говорил о необходимости платы за достоинство.

— Все сказала?

— Нет. Не все. В любом случае, зачем тебе нужно кого-то нанимать? Ты такой... богатый. И горячий. Ты мог бы заполучить любую женщину в Чикаго.

— Я отвечу, Джейк. — Кэм наклоняется вперед, упираясь локтями в колени. — Видишь ли, Пенелопа, такие важные люди, как Джейк, не встречаются. У них даже нет подруг женского пола. Черт, да у него почти нет друзей-мужчин. Он весь в работе и никаких развлечений. Вот почему ему удобно и необходимо воспользоваться эксклюзивной, очень сдержанной частной эскорт-службой, когда ему нужна... спутница. Например, для праздничных мероприятий. Балов, праздничных и благотворительных вечеринок... — он смотрит на Джейка и ухмыляется. — Церемонии проводов дедушки на пенсию.

Но Джейк смотрит на меня. Будто предвидит мою реакцию. Я стараюсь оставаться равнодушной, но внутри у меня все летит кувырком.

— Значит, он нанял мисс Симс, чтобы она присутствовала на вечеринке по случаю отставки его дедушки?

— Да. Хотя имя мисс Симс мы даем всем девушкам. Оно звучит немного лучше, чем эскорт. Или... шлюха.

— Я все равно не понимаю, почему он не попросит пойти с ним друга или коллегу?

— «Он» сидит прямо здесь, — вмешивается Джейк, и, черт возьми, я не хочу этого, но поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. И когда вижу его красивое, точеное лицо, не могу удержаться от вопросов. Знаю, что не должна спрашивать. Знаю, что это его разозлит. Но это важно. Мне нужно это выяснить.

— Ты пользуешься услугами эскорта, потому что они вынуждены подписывать соглашение о неразглашении? — Его брови в замешательстве сходятся вместе, но он не просит пояснения. Ему и не нужно. — Это потому, что у тебя есть тайный сексуальный фетиш, о котором ты не хочешь, чтобы люди знали? Я понимаю, как важна осмотрительность для человека твоего... статуса.

Он напрягается. Надо его успокоить.

— Я не осуждаю. — Я клянусь, крестя сердце. — Это исключительно ради исследований. Обещаю.

— Исследований?

— Да. Ну, помнишь... для моей книги.

Он медленно кивает, будто только что вспомнил, что я опубликованный автор с четырьмя тысячами подписчиков и восьмьюдесятью тремя отзывами на Goodreads. Средняя оценка — четыре звезды, большое всем спасибо.

— Твоя последняя попытка прошла не слишком хорошо. Так вот почему ты хочешь втянуть меня в это? Надеешься, что люди действительно купятся на это?

Я игнорирую его выпад.

— Не хочу я никуда тебя втягивать. Просто мне интересен кто-то вроде тебя.

— Кто-то вроде меня?

— Так я и сказала.

— Ты, вообще, знаешь, кто я?

— Конечно, — вру я.

— Просвети меня.

Зараза.

— Ну, я имею в виду, что знаю твой типаж.

— Мой типаж?

Я пожимаю плечами.

— Богатый. Одинокий. Трудоголик. Воспринимаешь жизнь слишком серьезно. Любишь все держать под контролем. Амбициозный. Втайне великодушный. — Я делаю вдох. — Деятельный. Независимый. Верный. Питаешь слабость к своей маме. Проблемы с отцом. И ты потратил свою жизнь, пытаешься выбраться из тени своего дедушки.

— Я никому не подчиняюсь.

— Но у тебя нет уважения твоего дедушки.

— Я пользуюсь его уважением.

Наклоняю голову и, прищурившись, изучаю его.

— Неужели?

Он улыбается, но улыбка не касается глаз. Или этой вены на лбу, которая вот-вот выскочит.

— Я тоже тебя знаю, Пенелопа Харт.

Думала, что расту, услышав, как он произносит мое имя. Но все, что я чувствую, — это комок нервов в горле, который угрожает меня задушить. Я выпалила свои мысли о его личной жизни, не задумываясь о том, что они заставят его чувствовать. И теперь он собирался сделать то же самое со мной.

Справедливо.

Подавляю тревожность и одариваю его улыбкой.

— Что ты знаешь обо мне? Кроме того, что сказал твой дедушка. — Я прикладываю палец к подбородку. — Повтори, что он там сказал? Не могу вспомнить. Знаю, что он не упомянул «неотразимая», но это и так довольно очевидно...

— Я помню в точности, что он сказал, — говорит он холодно.

— Просвети меня, — бросаю ему его же слова и ухмыляюсь.

— Он сказал, что ты очаровательная.

— Я очаровательная...

— Вежливая.

— Это тоже я...

— Настоящая.

— «Фальшивка» даже не входит в мой лексикон.

— И моя любимая часть.

Его взгляд скользит по мне. Не медленно. Не горячо. А быстро. Резко. Он собирается сказать что-то, что заденет мои чувства. Я готовлюсь к этому.

— Он считает, что ты действительно могла бы сойти за леди.

— Джейк... — предостерегает Кэм, но Джейк его игнорирует.

— А леди в дедушкином понимании — это женщина с классом, которого у тебя определенно нет. Это красивая женщина... и я проявлю великодушие и оценю тебя на шестерку. Это женщина, которая добилась успеха.

— Я добилась успеха! — огрызаюсь в свою защиту. — Я достигла того, о чем миллионы людей только мечтают.

— Поджог мешка с собачьим дерьмом не считается, милая.

Я прикусываю щеку изнутри, чтобы не закричать на него. Или поцеловать, потому что он назвал меня милой. Даже если это было сделано в негодующей форме. Но это просто говорят во мне обезумевшие гормоны. Правда в том, что предыдущее покушение на мою

писательскую карьеру, а теперь и его вопиющее пренебрежение к ней, задевают мои чувства. Вернемся в мой родной городок. Там я пользуюсь дурной славой эксцентричной, озорной дочери одинокой, печальной леди, которая создает произведения искусства из дерева и печет лучший лимонный пирог в шести графствах. Когда меня короновали королевой на Арбузном фестивале в выпускном классе средней школы, люди поздравляли меня и маму несколько месяцев. Они решили, что это станет моим величайшим достижением. Конечно, что еще могла предложить миру такая девушка, как я, после того, как была рождена вне брака, брошена донором спермы еще в утробе матери и воспитана как язычница одинокой женщиной, которая отвергала ухаживания доступных — и некоторых недоступных — мужчин в городе?

Я знала, что каждую субботу седовласые леди обсуждали мою маму в салоне красоты. Видела ее имя в молитвенном списке в церкви воскресным утром. Я слышала, больше раз, чем могла сосчитать, как они «жалели ее сердечко» из-за неприятности с внебрачным ребенком. Когда я входила в помещение, они закатывали глаза, но когда мама из него выходила, ей в спину каждый раз летели убийственные взгляды.

После окончания школы я поступила в местный колледж. Я превзошла ожидания своего маленького городка, хотя и не пыталась этого сделать, и поскольку они не могли сказать обо мне ничего плохого, сплетни утихли. Отсрочка длилась до события, которое навсегда останется известным как Грандиозное Расставание, произошедшее на последнем семестре второго года обучения в колледже.

Имея за плечами шесть часов до получения степени специалиста, разбитое сердце и гребаный трофей Арбузной королевы на каминной полке в гостиной, служащий постоянным напоминанием о том, что невысказанные слова «мы же говорили» звучали из каждой уст Маунт-Олив, штат Миссисипи, я решила написать книгу.

Ради моей мамы.

Ради себя.

Ради права показывать средний палец каждой седовласой старушенции в городе, чтобы им было о чем по-настоящему молиться.

Так я и сделала.

И три года спустя я все еще этим занимаюсь — то есть отмахиваюсь пальцем от старушек. Но делаю это за их спинами, потому что Центр пожилых пожертвовал деньги на большой рекламный щит на границе города с моей фотографией, на котором написано: «Добро пожаловать в Маунт-Олив. Дом автора бестселлеров Пенелопы Харт».

Как не любить маленький городок.

Что бы я только ни сделала, чтобы оказаться там сейчас и съесть кусочек маминого лимонного пирога. Смотреть викторину и не знать ответа ни один вопрос. Вместо этого я нахожусь в восьмистах милях отсюда. Сажу на диване, который стоит больше, чем мой «Шевроле». Смотрю в глаза мужчине, которого я считала своим Тем Самым Парнем.

Он расплывается у меня перед взором, и я моргаю, чтобы смахнуть влагу с глаз, прежде чем покатятся слезы. Желание плакать очень сильное. Мне хочется рыдать. Сломаться. Сдаться. Но я не могу. Я отказываюсь быть ослабленной словами этого человека. Если бы он выбросил меня в окно или протаранил моей головой экран телевизора, тогда, да, — я бы заплакала. Но лить слезы из-за оскорбленных чувств?

Никогда.

А что происходит, когда мы не справляемся со своими чувствами? Мы атакуем,

используя другую эмоцию. В моем случае, это гнев. Или, по крайней мере, так говорит мой тренер по управлению гневом.

— Ты настоящий говнюк, знаешь это?

— Кажется, ты постоянно забываешь, что это ты вломилась в мой гребаный дом.

Я закатываю глаза.

— Ты еще не устал это повторять? Боже, ты сегодня уже раз сорок это сказал.

— Знаешь, от чего я устал? От твоего присутствия.

— Прекрасно. Я уйду. — Плед падает к моим ногам, когда я встаю. — Могу я воспользоваться твоим телефоном? Пожалуйста?

Он бросает на меня презрительный взгляд.

— Значит, у деревенщины действительно есть манеры.

— Иди нах*й.

Я пулей лечу в его кабинет, игнорируя его возражения. Плюхаюсь в большое кресло и беру трубку. Прижимая ее к плечу, набираю номер и поднимаю глаза.

Джейк стоит в дверях. Упираясь руками о дверной косяк. У него длинный торс. Резко очерченные мышцы. Охренительный пресс. Кончиком языка облизываю губы при виде отметин от брызг жира от бекона. Проклятье, у него даже пупок сексуальный. И в такой позе эти пижамные штаны и без того с низкой посадкой висят в опасной близости от основания его члена.

Он засранец.

Он засранец.

Он засранец.

Между мантрой, его перекошенным хмурым лицом и гудками на другом конце провода мне удается подавить жар, нарастающий внизу живота.

— Ты не возражаешь? У меня звонок.

Он бормочет что-то о том, что я чертовски нелепа, что мне нужно сделать это быстро и ничего не трогать, прежде чем отталкивается от двери и поворачивается ко мне спиной. Мне приходится мысленно дать себе пощечину, чтобы выкинуть из головы образ его дерзкой задницы, которая еще долго стоит перед глазами, после того, как он скрывается из виду.

Джейк Суэггер — козел.

Дурацкое Чикаго.

И я хочу пирога.

Пора возвращаться домой.

Глава 7

Мама проходит через пять стадий горя каждый раз, когда я с ней разговариваю.

Стадия 1: Отрицание.

— Ты не можешь звонить мне из пентхауса в Чикаго и просить денег на дорогу домой. Серьезно, Пенелопа, как такое произошло?

Стадия 2: Гнев.

— Сколько раз я тебе говорила не лезть в чужие дела, а? А теперь, что ты собираешься делать, если Эмили вернет этого парня и они поженятся? Ты сделала больше, чем просто сожгла мешок с собачьим дерьмом, юная леди. Ты до основания сожгла мост к потенциальному будущему мужу лучшей подруги.

Стадия 3: Торг.

— Я вышлю тебе деньги на дорогу домой, только если ты обещаешь мне, что

прекратишь свои проделки.

Стадия 4: Депрессия.

— Ты хоть представляешь, что со мной будет, если с тобой что-нибудь случится? Пока мы разговариваем, я заедаю стресс «Орео». К моменту, как ты доберешься до дома, я буду размером с дом.

Стадия 5: Принятие.

— Рада, что ты в порядке. Это все, что имеет значение.

К тому времени, как я вешаю трубку, я улыбаюсь. Мамино беспокойство оказало свой эффект. Приятно, когда о тебе кто-то заботится. Возможно, в этом проблема Джейка. В детстве его недостаточно любили. Меня бы не убило, прояви я к нему немного больше понимания. В конце концов, с момента нашего знакомства, я не принесла ему ничего, кроме горя.

Ох. Почему разговор с мамой всегда вызывает во мне сочувствие?

И почему Джейк не может больше походить на нее и полюбить меня безоговорочно, несмотря на мои недостатки?

За это я непременно заляпаю свежеотполированную деревянную поверхность его стола своими отпечатками. И поскольку я мелочная и ребячливая, я приподнимаю полотенце и ерзаю голый задницей на его кресле.

Вернувшись в гостиную, чувствую себя легче. Лучше. Скоро мне предстоит прощание, но я не грущу. Хотя это не входило в его намерения, Джейк дал мне так много за время моего пребывания здесь, — материал для моей книги. Поездку на лимузине. Вид на Чикаго и его полуобнаженное тело. Пиццу. Бекон. Бесплатный пропуск из тюрьмы.

Ну, на самом деле, он ничего мне этого не давал. Я все это украла. Но технические детали переоценивают.

— Я, бл*ть, не буду этого делать, Кэм. Забудь об этом. — Я задерживаюсь в дверях кабинета, надеясь услышать больше из их разговора. Джейк сразу же замечает меня.

Вечный разрушитель моих мечтаний...

Я улыбаюсь ему, показывая, что он прощен. Я готова сказать, что уйду. Попрощаться. Но он хмуро смотрит на меня, выбегает из комнаты и поднимается по лестнице. Вот так просто я снова злюсь. И мысль об уходе исчезает. Я бы предпочла остаться, пока он снова не вышвырнет меня, чтобы получить удовольствие от осознания того, что я вновь проникла ему под кожу.

— Он злится не на тебя, детка. — Уголки губ Кэма слегка приподнимаются в извиняющейся улыбке. Это мило и все такое, но я все равно злюсь.

— Ты всегда находишь для него оправдания? — Я направляюсь к бару. Выпивка сейчас не кажется плохой идеей.

— Когда мне нужно.

Я наливаю себе стакан и залпом выпиваю рубиновую жидкость с дымчатым вкусом. Дерьмо, как же жжет. Я пару раз кашляю. Затем наливаю еще и сажусь напротив Кэма.

— Ты хороший друг. Не знаю, почему, но это так.

Кэм пожимает плечами.

— Джейк похож на луковицу. Он многослойный.

— Ты только что процитировал Шрека.

Он ухмыляется.

— Это хороший мультфильм.

— Итак, если он злится не на меня, тогда на кого?

— Он злится из-за ситуации с мисс Симс. И его дедушка всегда приводит его в дерьмовое настроение.

— Ну, ему не нужно было вымещать его на мне. — Делаю маленький глоток. Жидкость идет более плавно. Наверное, потому, что такой напиток, нужно смаковать. А не хлестать стаканами.

— Детка, ты действительно вломила в его дом. — В глазах Кэма пляшет веселье. Я могла бы посмеяться вместе с ним, если бы была в лучшем настроении.

Скрещиваю ноги, и взгляд Кэма на мгновение опускается на мои голые колени, прежде чем вернуться к моему лицу. Его ухмылка становится шире.

Я делаю глоток виски. Или скотча. Или бренди. Или как бы это дорогое дерьмо ни называлось. Я не могу опьянеть от двух бокалов. Но чувствую себя менее напряженной. Мне становится тепло. И внезапно, я более пассивно отношусь к ситуации.

— Слушай... — я делаю глубокий вдох. С выдохом мои конечности наливаются тяжестью. — Я поступила неправильно. Я признаю это. Но мое присутствие сегодня здесь? Это не моя вина. Я могла бы сказать его секретарю, что я мисс Симс. Но я этого не сделала. Я могла бы попросить его внести за меня залог. Но я этого не сделала.

Из меня вырывается икота. Звучит точь-в-точь как ослиный рев. Я делаю еще пару глотков, чтобы от нее избавиться.

— Я положила трубку, Кэм. Положила трубку.

Еще один «ик».

— Знаешь, что я предпочла бы умереть, чем вовлекать Джейка в свои проблемы? Моя сокамерница убила бы меня, вернись я обратно. И мне пришлось бы, — «ик», — вернуться туда, если бы ты не пришел, потому что они не позволяли мне уйти, пока кто-нибудь не заберет меня.

Я допиваю бокал.

«Ик».

— Кажись, я чутка захмелела.

— Ты пьешь семидесятиградусный односолодовый виски, детка. Обычно его наливают на два пальца и пьют по глотку длительное время. Твой первый бокал был примерно на четыре пальца. — Он указывает на пустой стакан в моей руке. — Этот — по меньшей мере, на пять.

— Ха! — «Ик». Я изучаю хрустальный бокал. Наверное, не стоило заполнять засранца доверху. — Знаешь, если бы все было наоборот, и Джейк оказался бы в моем доме, все было бы совершенно по-другому.

Кэм усмехается.

— Любопытно послушать.

«Ик».

— Во-первых, ему не пришлось бы самому наливать себе выпить. Во-вторых, я бы предложила ему позавтракать. В-третьих, ему бы не пришлось, — я понижаю голос и передразниваю голос Джейка: — «разгуливать по моему дому в моем чертовом полотенце», потому что я нашла бы ему что надеть. Или нет, вероятно, потому что хотела, чтобы он был тока в полотенце. Но я бы не стала жаловаться.

«Ик».

Голова тяжелеет. Шее сложно ее удерживать. Поэтому я опускаю голову и вожу

пальцем по краю пустого стакана.

— Кэм, он задел мои чувства.

Кэм задумчиво смотрит на меня.

— Мне жаль, что он задел твои чувства, Пенелопа, — искренность в его тоне неподдельна.

— Спасибо. Дедуля Суэггер — мудака. Джейк — мудака. Альфред — мудака за то, что дал мне эту дурацкую кепку. Росс — мудака за то... не, Росс нормальный. И ты тоже.

«Ик».

— Из них всех, ты — лучший, Кэм.

— Ооу, она назвала меня лучшим из всех. Можно мы оставим ее себе, Джейк?

В поле зрения появляется бутылка воды.

— Выпей. — Я поднимаю отяжелевшую голову и откидываю ее назад, назад, назад, пока не встречаюсь с холодными голубыми глазами Джейка Суэггера. — До дна... пожалуйста.

Я выхватываю у него бутылку. Во всяком случае, пытаюсь. Хорошо, что он крепко ее держит. Мне удастся схватить ее со второй попытки.

— Значит, у самоуверенного засранца, — «ик», — действительно есть манеры.

— Не наглей.

Мысленно показываю ему язык, пока пью воду. До дна. Как он и требовал. Со скрытым обещанием отшлепать меня, если я не подчинюсь. И, нет. Это говорит не алкоголь. И не мой писательский мозг. Я в этом уверена.

«Ик».

У Кэма звонит телефон, и он смотрит на экран, потом на Джейка.

— Не будь мудаком. Я серьезно. И не тупи. Спроси ее.

Джейк показывает средний палец в знак отказа. Его глаза не отрываются от меня. Он игнорирует Кэма, который свирепо смотрит на него через всю комнату. Когда телефон Кэма звонит снова, он тяжело вздыхает и выходит из гостиной — раздражение ясно слышно в его голосе, когда он отрывисто спрашивает:

— Что?

Джейк предлагает мне вторую бутылку воды. На этот раз я не хватаю ее. Беру спокойно, вместе с крекерами, и благодарно киваю.

— Спросить кого и о чем? Он говорил обо мне? Ты хочешь меня о чем-то спросить?

— Нет.

Боже.

«Ик».

— Пофиг. Тогда, мне нужно спросить тебя кое о чем. Об одолжении. И я почти уверена, что ты не будешь против.

— Об этом судить мне.

Так чертовски самоуверен...

«Ик».

Он садится на диван и выжидающе смотрит на меня. Я заставляю его ждать, пока хрумкаю крекер и пялюсь на него в джинсах и серой футболке. Не могу решить, в каком виде он более сексуален.

— Не мог бы ты подвезти меня до автобусной станции? Или заказать один из этих юберов? Я не знаю, как это сделать.

«Ик».

Его улыбка завораживает. Все суровые морщины на лице разглаживаются. Глаза искрятся. Этот мужчина сексуален, когда зол. Но потрясающе красив, когда не психует.

— Убер.

— А?

— Это называется Убер.

— Ой. — Я запикиваю крекер в рот. — Тогда надо писать это слово с двумя «о». Эта хрень сбивает с толку. Там, где я живу, их нет. У нас даже такси нет. (прим: в английском языке двойное «о» произносится как «у»)

— И что вы делаете, когда вам нужно куда-то поехать?

Бросаю на него самый лучший взгляд «ты тупой?», на который способна в своем хмельном состоянии.

— Мы едем.

Он закатывает глаза.

— Я имею в виду, когда едете повеселиться, остроумная моя. К примеру, в бар или в клуб. У вас ведь есть бары и клубы?

— Есть, — говорю я с набитым крекером ртом. И икаю.

— Так что же вы делаете, когда идете в бар, выпиваете слишком много и не можете доехать домой? Или вы, деревенщины, просто разъезжаете пьяными?

Я киваю.

— Да. В основном, так мы и делаем.

— Господи Иисусе, — бормочет он.

— Не произноси имя Господа всуе.

— Я этого не делал. Я призывал его как можно скорее обрушить Конец Света на Маунтин-Олив, штат Миссисипи.

Я одариваю его зубастой улыбкой.

— Ты забавный.

— А ты пьяная.

— Я выпила девять порций виски.

«Ик».

— И ты роняешь крошки на мой диван за тридцать тысяч долларов.

— Между подушками, наверное, еще осталась корочка от пиццы с прошлой ночи.

Он закрывает глаза и качает головой. Но не бесится. Таким он мне нравится — не злым. Он подождет, пока я уйду, чтобы начать вести себя хорошо.

— Так ты отвезешь меня на автобусную станцию?

Он долго смотрит на меня. Не уверена точно, как долго, но я съела четыре крекера. Если бы я могла отмотать назад, я бы все время была пьяная рядом с ним. Так проще. Менее напряженно. Я могу выдержать его продолжительные, молчаливые, стоические взгляды, не нервничая и не чувствуя неловкость. Хотя, возможно, это первый раз, когда он смотрит на меня без осуждения.

— Сегодня виноват был я, — говорит он.

Я бросаю взгляд через комнату, ожидая увидеть огромный дирижабль, проплывающий за окном с надписью «Психушка»!

— Ты извиняешься передо мной?

«Ик».

— Нет. Но ты сказала Кэму правду. Вчерашняя ситуация была полностью на твоей совести. Но сегодня все зависело от меня.

— Ты подслушал наш разговор?

Он бросает на меня свирепый взгляд.

— Это не считается подслушиванием, раз я у себя дома.

— Ты подслушивал.

Он закрывает глаза. Наверное, снова молится. Скорее, просит терпения, чем Конца Света. Когда он открывает глаза, я одними губами произношу «аминь».

И икаю.

— Ты невозможна.

— Я могу понять, почему ты так думаешь.

Он раздраженно сжимает переносицу, но я вижу намек на улыбку. И вдруг я просто хочу, чтобы он поцеловал меня.

Может, это из-за алкоголя.

Может, из-за гормонов.

Может, потому, что он самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела в своей жизни, и я не думаю, что смогу прожить еще хоть мгновение, не познав вкуса его губ. Даже если мне придется забраться к нему на колени, оседлать мускулистые бедра и украсть его, мне нужен этот поцелуй.

Какая разница, если он меня отвергнет? Плевать, если возненавидит. Мне нечего терять, а приобрести можно все. Я скоро отсюда уеду. Возможно, в течение часа. Он больше никогда меня не увидит. Если я не поцелую его, то всегда буду сожалеть об этом. Но если поцелую, даже если это будет ужасно, по крайней мере, у меня навсегда останется это воспоминание. И, возможно, судебный запрет. Но все звучит намного хуже, чем есть на самом деле.

Не то чтобы мне когда-то выносили судебный запрет или что-то в этом роде...

— Можно мне еще бутылку воды? — Я задыхаюсь, а он даже еще не поцеловал меня.

— Да.

Он забирает у меня пустую бутылку, но вместо того, чтобы пойти на кухню, направляется к маленькому мини-бару в другом конце комнаты.

Столько времени, чтобы составить достойный план...

Сейчас или никогда.

Я вскакиваю с дивана. Удерживаюсь на ногах до третьего шага, как раз перед тем, как уткнуться лицом в пол, он оборачивается, и я оказываюсь в двух дюймах от его губ.

— Какого ф...

Произнесите «фига».

Сделайте это.

Прямо сейчас.

Заметили, как ваши зубы впиваются в нижнюю губу на букве «ф»?

Ну... именно в этот момент я прижимаюсь губами к его губам. Так что, вместо того, чтобы поцеловать мягкие, пухлые губы, раздвинуть их языком и вобрать его стон, атакуя его рот со вкусом виски и мяты, хотя никто никогда не пробовал виски с мятой, я заканчиваю тем, что облизываю его зубы.

Десны тоже.

Все это время он просто стоит, застыв на месте.

Знаете, любой порядочный человек, по крайней мере, попытался бы спасти поцелуй. В смысле, он не должен просто стоять и продолжать позволять мне унижаться. Он мог легко отстраниться. Обхватить мою голову руками. Наклонить свою голову. Хоть что-то. Но делает ли он это? Нет. Как и я, потому что буквально опираюсь языком на его зубы, чтобы не упасть.

Ну, хоть икота прошла...

Я хватаю его за плечи и отталкиваюсь от него. Он даже не вздрагивает. Даже когда я спотыкаюсь, он не двигается, чтобы поддержать меня. Его зубы все еще впиваются в нижнюю губу. Брови сведены так плотно, что я боюсь, как бы кожа на висках не лопнула.

Обретя равновесие, скрещиваю руки на груди и, глядя на него, качаю головой.

— Ты целуешься, должно быть, хреннее всех на планете.

— Я?

— Да. Ты. Ты не умеешь целоваться.

— Ты, бл*ть, сейчас серьезно?

— Ты только что все мне испортил, — хнычу я, вскидывая руку в воздух. И снова спотыкаюсь. Он вновь меня не поддерживает. Поэтому я упираю руки в бедра, чтобы обрести равновесие, потому что, очевидно, не могу положиться на Джейка.

Его лицо немного расслабляется, и он проводит языком по углублениям на губе, оставленным зубами. Я должна думать о вкусе этих губ. Этого языка. Я должна завестись, видя, как он облизывает губы.

Ничего этого не происходит.

— Ты пыталась слизать эмаль с моих зубов, Пенелопа. Думаю, можно с уверенностью сказать, что это ты плохо целуешься. Не я.

Я отвожу от него взгляд и бормочу:

— У себя в голове я представляла это по-другому. — Что напомнило мне... — Ты мог бы, по крайней мере, попытаться спасти поцелуй.

— Его невозможно было спасти.

Я пристально смотрю на него.

— Кэм еще здесь?

Он бросает на меня настороженный взгляд.

— А что?

— А то, что я представляла поцелуй у себя в голове и не собираюсь уходить отсюда не целованной. И я всегда получаю то, что хочу, потому что очень упрямая. И раз моя попытка с тобой не удалась...

— Да, не совсем.

— Не буду тыкать этим тебе в лицо...

— Заткнись.

— Эй! Не будь со мной таким мерзким...

— Ш-ш-ш, Пенелопа.

Я топаю ногой.

— Не ши...

Произнесите «не шикай».

Сделайте это.

Прямо сейчас.

Заметили, как губы выпячиваются на букве «ш»?

Так вот... именно в этот момент Джейк Суэггер меня целует.

Его губы гладкие, но не мягкие. Они слишком могущественные. Слишком требовательные. Слишком доминирующие, чтобы считаться мягким. Его язык? Он мягкий. Он проводит им по моей нижней губе. Затем по верхней. Обходя стороной зубы, потому что, в отличие от меня, он не слизывает эмаль. И в отличие от него, я не засранка. Поэтому понимаю намек и приоткрываю губы шире, чтобы он мог проникнуть внутрь. И попробовать меня на вкус. И я чувствую его вкус. И знаете что...

На вкус он как виски с мятой.

Не знаю, откуда взялась мята, но, поверьте мне, я чувствую прохладный привкус мяты. Делаю мысленную заметку проверить, сколько на Ебай стоит бутылка ополаскивателя для рта, которым он пользуется.

Я хнычу, когда его рука скользит по моим волосам. В ответ он рычит. Усиливает хватку. Другой рукой обнимает меня за талию и притягивает ближе к себе. На этот раз, когда я отступаю, он ловит меня. Или, лучше сказать, принимает меня на грудь. В любом случае, я прижата к этой неподатливой бетонной плите, которая у него под футболкой.

Медленно.

Он целует меня очень медленно. Как нечто такое томное, дразнящее, всепоглощающее может быть таким чертовски страстным? Будь я проклята, если знаю. Но этот парень? Ему это удается.

Я не хочу, чтобы это прекращалось. Боже, пожалуйста, не позволяй этому прекратиться. Его рука скользит к моей шее. Обхватывает мою щеку. Большой палец проводит по моей челюсти. Его язык исчезает, но он не прерывает поцелуй. Покрывая нежными, сладкими поцелуями мою нижнюю губу. Я борюсь с желанием снова засунуть язык ему в рот, потому что знаю, что поцелуй подходит к концу.

Я становлюсь бескостной, когда он отрывается от моих губ. Но прижимает меня к себе. Так близко, что я все еще чувствую его теплое дыхание на своих истерзанных губах. Мои глаза распахиваются, и я встречаюсь с ним взглядом. Глубокие омуты темнеют с каждой секундой с каким-то невысказанным обещанием, и я молюсь, чтобы это было что-то грязное и эротическое.

— Вот это, Пенелопа, был поцелуй.

Чертовски верно.

— Гхм...

Джейк отпускает меня так быстро, что у меня кружится голова. Тут же отступает на шаг, но продолжает придерживать за локоть. Потом его рука исчезает, и между нами образуется пространство. Мне оно не нужно. Я хочу его тепла. Его грудь. Его член в своем влагище.

Дурацкий Кэм и его дурацкий кашель.

— Извините, что прерываю.

— Ты ничего не прервал. Чего ты хочешь?

Я в шоке, что Джейк может вести себя, как ни в чем не бывало, будто его губы только что не присасывались к моим губам. Я почти уверена, что из-за этого поцелуя влюбилась в него. И почти уверена, что он тоже в меня влюбился.

Как может быть иначе?

Я отлично целуюсь.

— Звонили из агентства.

Джейк резко разворачивается к Кэму. На тот же маневр у меня уходит минута, но, в конце концов, я повторяю его позу. Скрестив руки на груди, фиксирую сузившиеся глаза на Кэмероне. Молча убиваю его взглядом, потому что он только что испортил лучший момент в нашей с Джейком жизни. Он даже не выглядит виноватым.

Самодовольный ублюдок.

— Мисс Симс села на поезд до Милуоки и оттуда вылетела домой. Она не заинтересована в возвращении. Как я и думал. Вот почему сказал тебе спросить ее.

— Бл*ть!

Ну, началось.

Шоу Джейка становится скучным. Я закатываю глаза и плюхаюсь на диван, затем плотнее закутываюсь в плед и зарываюсь в подушки. Наверное, я пока вздремну. Может, снова промотаю в голове наш поцелуй. Мои губы покалывает, и я улыбаюсь.

— Считаешь, это смешным?

Я бросаю взгляд на Джейка.

— Хм? Что? Историю с мисс Симс? Нет. А что?

— Это ты виновата.

Я пожимаю плечами.

— О, возможно. Но даже будь это не так, ты бы обвинил в этом меня, потому что я вломилась в твой дом.

Он вперивает в меня свой молчаливый пристальный взгляд. Думаю, испытывает некую внутреннюю борьбу. Возможно, пытается отговорить себя от убийства моей скромной персоны.

— Ты хоть представляешь, сколько денег мне стоила, сев в мою машину?

Я зеваю. Нить разговора совершенно до меня не доходит.

— Ты забываешь. Совсем недавно я даже не знала, как произносится Убер. Так что, нет. Я понятия не имею, во сколько тебе обошлась поездка на машине.

— Не поездка на машине... — он делает паузу и сжимает губы в тонкую линию. Либо пытается стереть мой стойкий привкус со своих губ, либо... да. Именно это он и делает. Я почти уверена. — Пятьдесят тысяч, Пенелопа.

Он завладел моим вниманием.

— Что-что, Джейк?

— Я потратил пятьдесят тысяч долларов только на оплату услуг агентства, чтобы найти идеальную женщину, которую можно пригласить на вечеринку по случаю выхода на пенсию моего дедушки. Спроси меня почему.

— Почему?

— Потому что, несмотря на то, что ты думаешь, я бы перевернул небо и землю ради этого старика. Не потому, что пытаюсь заслужить его уважение, а потому что уважаю его. Поэтому, когда он попросил меня найти кого-нибудь, кто не был бы обычной, очевидной шлюхой, которая виснет на моей руке на этих мероприятиях, я пообещал ему, что так и сделаю. Это обещание обошлось недешево. А теперь ее нет. И все потому, что ты украла мешок с гребаным собачьим дерьмом.

Вообще-то, я сама упаковала это дерьмо. Но неважно.

— Очень похвально с твоей стороны — пойти на такой шаг ради своего дедушки. Но ты, правда, заплатил пятьдесят тысяч за один вечер с этой цыпочкой?

— Правда.

— Не мог найти купон со скидкой или что-то в этом роде?

— Ради всего святого...

— Что? Я просто говорю. Я бы сделала это и за половину этой суммы.

— Да?

— Да. Заплати мне двадцать пять штук, и я буду той, кем ты хочешь, чтобы я стала на вечер.

Джейк улыбается. Это... пугающая улыбка. Мне она не нравится.

— Я не буду платить тебе двадцать пять тысяч, Пенелопа.

Я качаю головой, глядя на него.

— Я пошутила. Ты не можешь платить мне за то, чтобы я тусовалась с твоим дедулей-засранцем.

— Хорошо. Рад, что ты так считаешь.

Я настороженно смотрю на него.

— Почему?

Его улыбка становится только шире.

— Потому что ты сделаешь это бесплатно.

Глава 8

— Все как в тот раз, когда ты уверяла, что Джейсон Олдин знал, что мы будем в его концертном автобусе, а потом нас арестовали за незаконное проникновение? (*прим.: Джейсон Олдин — американский кантри-музыкант*)

Почему, спустя три года, Эмили все еще пытается заставить меня чувствовать себя дерьмово из-за той истории? И почему именно сейчас? После того, как я только что сообщила ей лучшую новость в нашей жизни?

Первое, что я сказала после того, как Джейк поставил меня перед фактом, что я иду с ним на вечеринку, было: «Очуметь! Надо позвонить Эмили!» Что я и сделала. И теперь она швыряет в меня ту бомбу из прошлого вместо того, чтобы порадоваться за меня.

Наверное, просто завидует.

— Да, нас арестовали за незаконное проникновение. Но не обвинили. Вопрос с обвинением я решила, помнишь? И ты сделала селфи в концертном автобусе знаменитости. А помнишь то нижнее белье, которое я тайком стащила для тебя?

— С нас сняли обвинения, чтобы им больше не пришлось видеть твое лицо, Пенелопа. Ты ничего не решила.

— Но ты сделала селфи.

— Наши телефоны конфисковали и удалили все селфи! Это было частью сделки, чтобы снять обвинение.

— Но нижнее белье...

— Ты продала его помощнику шерифа...

— Да-да-да, за недоеденный сэндвич из «Сабвэй» и пакет черствых картофельных чипсов. Говори, что хочешь, но эта еда спасла нам жизни той ночью. Без нее мы, вероятно, откинулись бы от алкогольного отравления.

— В ту ночь я серьезно траванулась, — в ее тоне слышится горечь. — Наверное, потому, что ты отказалась делиться тем гребаным сэндвичем.

— Ты упускаешь главное, Эм. Миллиардер только что попросил меня пойти с ним на вечеринку, чтобы произвести впечатление на своего дедушку. Я живу нашей мечтой. Порадуйся за меня. И самое главное, соври моей маме и скажи ей, что ты собираешься

устроить мне поездку-сюрприз в Нью-Йорк, и что мы вернемся через неделю.

— Хорошо.

— И не забудь, ты должна оставаться дома и не включать свет, чтобы, когда мама будет проезжать мимо, она не заподозрила неладное.

— Может, я просто приму горсть таблеток и просплю следующие три дня? Или вечность?

— Не драматизируй. Такие таблетки нам не по карману. И я слышала, что передозировка тайленолом очень болезненна.

Ее смех — это музыка для моих ушей.

— Ты такая дурочка.

Она до сих пор не знает, что я преуспела в своем плане отомстить за ее разбитое сердце. Решаю приберечь это до возвращения домой. Максимум похвалы и все такое.

— Мне пора. Скоро увидимся. К черту Люка Дюшанана.

— К черту Люка Дюшанана.

— Ты только что произнесла: Люк Дюшанан?

Вздрагиваю от голоса Джейка. Бросаю трубку, повозившись еще несколько секунд, прежде чем окончательно поставить ее на базу.

— А? Нет. Я даже не знаю такого имени. Что случилось? — лепечу я бессвязно.

Потому что лгу. И мне бы не пришлось этого делать, если бы он снова не подслушивал. И я, вероятно, смогла бы дышать, если бы он снова не стоял в дверях кабинета. Уперев руки в бока, он снова выглядит слишком красивым. Но я даже не могу говорить, не заикаясь, потому что меня снова заводит его образ. Мысли о том, каково будет объездить его лицо...

Он мне не верит. Но, к счастью, не обращает на это внимания.

— Пойдем. Альфред только что принес гардероб мисс Симс. Давай посмотрим, подойдет ли что-нибудь. — Он поворачивается и неспешно уходит. Я задерживаюсь на секунду, чтобы оценить открывающийся вид. Или минуту. Достаточно долго, чтобы он рывкнул через плечо. — Пенелопа! Кончай придуриваться!

— Кончаю! — Почти буквально.

Я иду за ним в комнату для гостей, где стоит тележка для багажа, переполненная несколькими сумками, круглыми и квадратными коробками с причудливыми лентами и множеством небольших пакетов, набитых разноцветной папиросной бумагой.

— И все это для одного вечера?

— Она должна была остаться на выходные. — Когда я бросаю на Джейка полный надежды взгляд, он качает головой. — Ты не останешься.

Засранец....

Он протягивает мне еще одну бутылку воды. Видимо, хочет, чтобы я протрезвела. Однако, волнение отрезвило меня гораздо действеннее. Вообще-то, я бы не отказалась еще намахнуть вискарика.

Джейк роется в пакетах, скидывая коробки, бумагу и пакеты на пол, а одежду бросает на кровать. Я хватаю черную шелковую ночнушку и прижимаю ее к груди. Мне подходит. Просто мой точный размер. И даже поверх полотенца она мне очень идет.

— Надень вот это. Через час у тебя назначена встреча. — Он бросает мне кремовый кашемировый свитер и джинсы. Ночнушка падает на пол, когда я пытаюсь поймать вещи.

— Назначена встреча?

— Для подготовки к сегодняшнему вечеру. Ты же не думала, что я пушу тебя туда вот в

таком виде?

Я опускаю взгляд на свой наряд из полотенца и хмурюсь.

— Надеюсь, что нет.

— Правильно. Одевайся. Как соберешься, Росс будет ждать в вестибюле. — Он указывает на синий пакет, висящий на вешалке. — Здесь три разных зарядных устройства для телефона. Заряди свой сотовый и держись подальше от моего кабинета.

Мой сотовый!

Facebook!

Toy Blast! (*прим.: Toy Blast — игра на телефоне*)

— Кстати, кто, черт возьми, проделывает весь путь от Миссисипи без вещей, с одним лишь паспортом, кредитной картой и скомканной долларовой купюрой?

— У меня еще есть дебетовая карта.

— На твоём счету меньше пятидесяти долларов.

— Ну, это конец месяца. Мне платят с первого... стой. — Я скрещиваю руки на груди и свирепо зыркаю на него. — Откуда ты все это знаешь?

— Ты остаешься в моем доме, Пенелопа. — Он говорит это так, будто это достаточная причина.

— Но откуда ты все это знаешь?

— Я обыскал карманы одежды, которую ты так любезно разбросала по полу моей ванной. — О, боже... видел ли он... Джейк улыбается. — Да. Их я тоже видел. Я и не знал что выпускают нижнее белье с надписью на заднице «Я твой Гекльберри».

Мне ничего не остается, кроме как стоять и моргать.

— Как я уже сказал, ты остаешься в моем доме. Больше никаких секретов. А теперь одевайся. Росс ждет.

С этими словами он поворачивается, чтобы уйти, и я остаюсь с осознанием того, что он знает обо мне все, и хотя я много знаю о своем Том Самом Парне, я абсолютно ничего не знаю о Джейке Суэггере.

— СКОТСТВО! Ага. Ну, все. С меня хватит.

Я взбираюсь на стол и обхватываю коленями голову женщины, которая последние двадцать минут так пристально разглядывала мою вагину. А также удалила первый слой кожи от моей щелочки до клитора — после того, как сняла воском все остальные волосы на моем теле. Ей повезло, что она не получила пяткой в нос.

— Мы все равно закончили. Я же говорила, что снятие последней полоски будет самым болезненным. — Александра подмигивает мне, будто это дерьмо забавное.

Это не смешно.

Все это — не смешно.

Это хреново.

Если красота — такая боль, я бы предпочла быть волосатым бегемотом.

С того момента, как я вошла в этот высококлассный спа-центр с его безмятежной атмосферой и звучащей мелодией флейты, я была совсем не расслаблена. Глубокий массаж тканей чуть не довел меня до слез. Лицо адски горело. Мне сделали слишком длинные накладные ногти, и когда я указала на это, получила взгляд презрения. А потом меня отправили на эпиляцию воском. Я думала, что это относится только к бровям. Но ошиблась.

— Доверьтесь мне, мисс Симс. Вам понравится.

Ах, да. И все думают, что я шлюха.

— Не настолько, чтобы сделать это снова. Поверьте.

Натянув халат, следую за ней из комнаты к следующей камере пыток. Если бы здесь не были так озабочены запретом мобильной связи, я бы написала Джейку, как сильно сейчас его ненавижу. И потребовала бы, чтобы он целовал каждый покрытый шрамами дюйм моего безволосого тела до тех пор, пока мне не станет лучше.

Мне бы хотелось думать, что Джейк заказал этот сеанс восковой эпиляции для меня, потому что планирует оттрахать до бесчувствия и предпочитает, чтобы на теле его женщины не было ни единого волоска. Но перед выходом из дома он мне сообщил, что, кроме прически и макияжа, он не знает, что меня ждет. Мисс Симс сама назначала процедуры. Я просто шла вместо нее.

Мисс Симс — гребаная мазохистка.

Мы заходим в парикмахерскую, где сплошь белые стены и огромные зеркала. И, слава тебе, Господи, никакой мелодии флейты. Других клиентов в комнате нет. На самом деле, до сих пор я не видела ни одной живой души, кроме персонала. Мисс Симс арендовала весь спа-центр?

— Взгляните на это личико! — Без понятия, что это за парень с взлохмаченными волосами и ослепительной улыбкой, с важным видом приближающийся ко мне, но он мне нравится.

Его руки движутся к моему лицу. Медленно. Осторожно. Словно я некое неуловимое произведение искусства, и он боится, что одним прикосновением может мне навредить.

— Наконец-то, сложная задача.

— Эй! — Я шлепаю его по рукам. — Не будь козлом.

Он откидывает голову назад и смеется.

— Нет, мой сладкий южный персик, это был комплимент. — Его улыбка теплая, а глаза искрятся одобрением, когда он разглядывает мои черты. — Исправлять уродство — это мое призвание. Но сделав тебя еще красивее, чем ты есть, — станет настоящим испытанием моего мастерства.

О.

Ну, раз уж он так говорит.

— Идем. Присаживайся.

Он жестом указывает на кресло, развернутое лицом к зеркалу, затем устраивает грандиозное шоу, взмахнув накидкой и накрыв ею меня.

— Меня зовут Дэвид Майкл. Джейк Суэггер — мой близкий друг. — Я приподнимаю бровь, глядя на него. Он отмахивается от моего взгляда. — К сожалению, не в сексуальном смысле. Но, это его потеря.

— Определенно, его.

— Он рассказал мне о тебе, Пенелопа Харт. — Поднимаю на него удивленный взгляд, но он изучает мои волосы. — Ты довольно умная девочка. Но я должен спросить: неужели ты хотела зайти так далеко?

Наши глаза встречаются, и я качаю головой.

— Я просто хотела сбежать от психованного мужика с собакой.

И он снова откидывает голову назад и от души хохочет. Мне нравится, как он без утайки выражает свои чувства. Его пренебрежение ко всему, что не соответствует его эмоциям — заразительно. И я ловлю себя на том, что смеюсь вместе с ним.

Когда на его лице появляется спокойная улыбка, он встречается со мной взглядом в

зеркале.

— А теперь ты — Золушка, идущая на бал.

— Наверное.

— Тогда, давай больше не будем терять времени. Джейк хочет, чтобы ты вписалась в общество, не привлекала к себе внимания. А значит, он хочет, чтобы я сделал тебя похожей на них всех.

— Всех них?

— Мисс Симс Чикаго. Пластмассовых кукол. Подделок.

— А-а-а. Понимаю.

— Конечно, я согласился, потому что Джейк не просто мой друг, но еще и клиент. Который оставляет достаточно чаевых, чтобы покрыть мою арендную плату за месяц.

Я киваю.

— Понимаю.

— Но... — он бросает на меня озорной взгляд. — Джейка здесь нет. К черту его слова. Ты заслуживаешь того, чтобы выделяться среди них всех.

Мысль о том, чтобы выделяться, всплыть в комнату, словно Золушка, остановить празднество, чтобы все взгляды устремились на меня, заставляет желудок сжиматься от волнения.

— Знаешь, я совсем не против смешаться с толпой. Но, может, мы смогли бы укоротить на дюйм эти ногти?

Он щелкает пальцами, и появившаяся женщина берет меня за руку, изучая ногти. Затем достает из кармана халата пилочку и приступает к работе. Не так уж плохо...

Несколько мгновений я наблюдаю за ней, затем чувствую на плечах руки Дэвида Майкла. Когда он привлекает мое внимание, то наклоняется, чтобы наши головы оказались на одном уровне, и мы оба смотрели в зеркало.

— Будь честна с собой, красавица. Ты не из тех девушек, кто сливается с толпой. Ты, определенно, не мисс Симс. Но и не какая-нибудь диснеевская принцесса, ведь так? Итак, Пенелопа Харт, скажи мне правду. Кем ты хочешь быть сегодня вечером? — его голос падает до шепота: — Какая девушка поставит Джейка Суэггера на колени?

Джейк.

На коленях.

Я слегка хнычу при этой мысли.

Есть только одна девушка, которая может покорить такого мужчину, как Джейк Суэггер.

— Та самая девушка.

Глава 9

Хэштэги в моем Inst*gram:

#нененавидьтеменяпотомучтояневы

#чертовскисексуальная

#безфилтра

#тасамаядевушка

#ромком

#автор

#исследование

#горигорисобачьедерьмо

— Улыбнись, Кэм!

Камера сразу же переходит в режим селфи. Его рука на приборной панели, голова наклонена к центру салона рядом с моей, он подпирает подбородок и ухмыляется. Он выглядит... вау. Он выглядит великолепно. Сексуальный. Высокомерный. Богатый. Все то, что любят девушки. Я делаю снимок и загружаю его в Inst*gram вместе с тремя другими фото.

Как только Дэвид Майкл закончил превращать меня в самого прекрасного человека на планете, я позвонила Россу, чтобы тот приехал за мной. Он был с мистером Суэггером. Так что появился Кэм. И я очень этому рада. Мои подписчики слюной подавятся при виде него.

— Итак... тебе нравится? — Я обвожу рукой лицо и волосы.

— Ты же знаешь, что нравится.

Это правда. Он присвистнул мне, когда я вышла из спа-центра. Изобразил интерес, когда я продемонстрировала свои длинные ресницы, причудливую прическу и депилированные воском подмышки. Покрутил меня несколько раз, будто на мне бальное платье и туфли на каблуках вместо халата и тапочек, предоставляемых спа-центром. Ухмыльнулся от уха до уха и сказал в своей лучшей попытке изобразить южный акцент:

— Деревенщина больше не такая уж и деревенщина.

Это было десять минут назад.

Теперь эти десять минут прошли.

И я нуждаюсь в подтверждении.

— Я красивее, чем другие мисс Симс? А? Красивее? Красивее? — допытываюсь я шевеля бровями.

Он смеется.

— Могу честно сказать, что ты сильно отличаешься от всех остальных. — Он дает мне секунду обдумать это, прежде чем добавить: — И намного, намного красивее.

Я просто поддразнивала, но реакция Кэма искренняя. И я краснею от комплимента. Дэвид Майкл проделал огромную работу над моей прической и макияжем, но я все равно выгляжу собой. Любой, кто меня знает, сразу же узнал бы меня. Это делает комплимент Кэма еще более ценным. Но не оказывает на меня такого же эффекта, как мнение Джейка. Кстати, о нем...

— Когда Джейк вернется?

— Не уверен. Он уходил в дерьмовом настроении, кажется, какие-то проблемы в офисе.

— Разве он не всегда в дерьмовом настроении?

Кэм ухмыляется.

— Только семь дней в неделю. — Мы останавливаемся в пробке, и Кэм поворачивается ко мне. — Он не в восторге от этого... соглашения. Отчасти потому, что ты ему не нравишься из-за того, что сделала, а отчасти потому, что он не контролирует ситуацию. Его загнали в угол, и ты — его единственный вариант.

— Я ему не нравлюсь?

— Ему не нравится то, что ты сделала.

— Ты сказал, что я ему не нравлюсь.

— Из-за того, что ты сделала.

— Это то же самое, Кэм.

— Нет, Пенелопа, не то же самое. Так что перестань хмуриться.

Я не нравлюсь Джейку.

Конечно, ты ему не нравишься, идиотка.

Это хреново.

Это твое наказание.

Я бы предпочла, чтобы меня отшлепали.

Но вечер только начинается.

— Знаешь, мое присутствие на вечеринке — не единственный вариант. Он всегда может пойти один.

— Ни за что. Если Джейк, один из самых завидных холостяков Чикаго, войдет в комнату без женщины под руку, с таким же успехом он мог бы держать над головой табличку с надписью: «Богатый, успешный, одинокий мужчина ищет девушку на одну ночь». К тому же, его дедушка настаивает, чтобы у него была пара.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Просто он такой, какой есть. Говорит, что подобные мероприятия предназначены для общения с клиентами, а не для того, чтобы обмакнуть свой член. А если ты приходишь с парой, это помогает избавиться от отвлекающих факторов. Безумие, если хочешь знать мое мнение. Обмакнуть свой член — это единственная причина, по которой я иду.

Я мысленно представляю член Кэма. Потом чувствую себя виноватой.

Он, в конце концов, будущий парень моей лучшей подруги.

Но я продолжаю представлять.

И он... красивый.

Стоп, надо отвлечься.

— Итак, расскажи о сегодняшнем вечере. Чего мне стоит ожидать?

— Зависть каждой женщины. Заигрывание от каждого мужчины. Тщательный досмотр от каждого сотрудника «Суэггер Корпорейшн». Неодобрительные взгляды дедушки. Капризы Джейка. Любопытство репортеров... — он одаривает меня улыбкой. — Звучит весело, не так ли?

— Нет. Звучит ужасно. На этой вечеринке будет хоть что-нибудь хорошее?

— Да. Я. И алкоголь.

Я смеюсь.

— Ага. Уверена, дедушке понравится. Я напиваюсь, хватаю микрофон и, шатаясь, выхожу на сцену, чтобы рассказать банальные шутки в перерывах между икотой ослицы.

— Твоя икота действительно звучит занимательно.

— У меня еще имеется пара довольно крутых танцевальных движений.

— Не сомневаюсь. И они тебе понадобятся. — Наш разговор прерывает звонок его телефона. Он нажимает кнопку на руле. — Да, мистер Суэггер?

Шуршание бумаг и звук открывающихся и закрывающихся ящиков наполняют салон. Затем звучит голос Джейка, и мое сердце начинает колотиться в груди.

— Где ты?

— Почти доехал до твоего дома.

— Она с тобой?

— Да.

— И?

— И... что?

— Как она выглядит?

Кэм мне подмигивает.

— Не сомневаюсь, что она станет красавицей бала.

Джейк хмыкает.

— Пока не откроет рот.

Вот говнюк....

— Это тот момент, когда ты обещаешь заполнить мой рот, если я не буду держать его закрытым? — спрашиваю я, гораздо более спокойно, чем чувствую на самом деле.

Единственный звук, доносящийся с другого конца провода, — это дыхание Джейка. Ни слов. Ни фонового шума. Никакого неодобрительного ворчания. Просто глубокие, тяжелые вдохи, которые я бы не заметила, если бы не прислушивалась так внимательно к его реакции. Или если бы у Кэма не были самые современные Bluetooth-динамики.

Кэм прикрывает рот ладонью, пытаюсь скрыть улыбку. Он тоже, кажется, ждет, что Джейк что-нибудь скажет. Единственное, что мы получаем, — это гудки.

— Что же... — Кэм посмеивается. — Это заставило его замолчать.

— Несомненно.

— Тебе следует почаще использовать подобные сексуальные намеки, когда хочешь лишить мудака дара речи.

— Возможно, я так и сделаю.

— Держу пари, эта реплика сработала бы и на еще большем засранце, чем Джейк.

— А существует еще больший засранец, чем Джейк?

Я смотрю на него в замешательстве.

Он ухмыляется.

И тут до меня доходит.

Есть мудака покрупнее.

— Дедушка.

И я ни за что, бл*ть, не скажу ему ничего подобного.

Никогда.

Хотя...

Лгунья.

Я бы точно сказала.

И, вероятно, скажу.

Эта девушка?

Та, что в зеркале?

Та красотка, что смотрит на меня в ответ?

Да.

Она не Пенелопа Харт.

Но кем бы ни была эта девушка... что же....

Она чертовски хороша.

«Платье», которое Джейк выбрал специально для меня, представляет собой облегающий, расшитый золотыми блестками наряд с длинным шейфом и V-образным декольте. Оно обтягивает изгибы, о которых я даже не подозревала. Моя грудь третьего размера выглядит на четвертый. Задница стала как у Кардашьян. Два разреза, которые начинаются от середины бедер, демонстрируют ноги, кажущиеся длиннее и стройнее благодаря подходящим босоножкам с ремешками на шестидюймовой шпильке.

И этот цвет — определенно мой. Недавно натертая воском оливковая кожа сияет на фоне золота ткани. Добавьте сюда длинные черные ресницы, естественный оттенок губ с блеском и простую, но элегантную прическу «конский хвост» от Дэвида Майкла, и, вуаля!

Та самая девушка.

Я принимаю позу.

Делаю селфи.

Отправляю его Эмили.

Жду ответа, в котором прозвучит, какая я сногсшибательная.

И получаю эмодзи со средним пальцем.

Вот ведь завистница.

Я знаю, как ходить на шпильках. И в платье со шлейфом. Первое правило — не смотреть под ноги. Но именно это я и делаю, отчего врезаюсь в грудь Джейка в коридоре. Он хватает меня за руки, чтобы удержать, и... пощадите.

Его прикосновение теплое и сильное, и в моих трусиках вспыхивает огонь — если так можно назвать маленькую полоску кружева под этим платьем.

Мой взгляд скользит по нему.

Он в смокинге.

Черном.

С галстуком-бабочкой.

Не сильно отличается от костюма, который он обычно носит. В смысле, почему женщины теряют голову, когда мужчины, обычно носящие костюмы, появляются в смокинге? Кроме той странной штуковины, намотанной на их талии и выглядящей как корсет для спины, разве это не одно и то же, черт возьми?

И все же он горяч. А эти сине-серо-зеленые глаза и темные волосы. Высокий, широкоплечий, самоуверенный, загадочный и рассматривает меня опаляющим взглядом. Мои шпильки. Платье. Грудь. Шею. Лицо. Глаза.

— Я-я хорошо выгляжу?

Он прочищает горло и делает шаг назад, внезапно становясь равнодушным.

— Сойдет.

Я даже не сержусь. Ухмыляюсь, потому что знаю, что ему нравится то, что он видит. И он просто слишком самоуверенный засранец, чтобы признать это.

— Нам нужно обсудить несколько моментов.

Я исполняю небольшой риверданс с ударом носком пятки, щелкаю пальцами и направляю их на него как пистолеты (*прим.: риверданс — ритмичное театрализованное степ-шоу под ирландскую музыку*).

— Каких?

— Во-первых. Никогда больше так не делай.

Я делаю это снова.

Он не впечатлен.

Он смотрит на меня, как на идиотку, пока я не останавливаюсь, стираю улыбку с лица и киваю.

— Поняла.

— Не отвечай ни на какие личные вопросы о нас. Когда кто-нибудь спросит, — а они спросят — откуда ты меня знаешь, просто скажи, что мы старые друзья. Если на тебя будут давить, требуя большего, вежливо извинись и уходи. Никому не называй свою настоящую

фамилию. Если спросят, скажи «Смит». Или «Джонс»...

— Как насчет Суэггер?

— Пенелопа....

— Ладно, поняла. Что еще?

— Держись подальше от моего дедушки. Надеюсь, он будет слишком занят всеми остальными, чтобы уделить достаточно времени и загнать тебя в угол, но ничего не обещаю. По какой-то гребаной причине ты ему интересна. — Джейк задумчиво хмурит брови, неосознанно убирая прядь волос с моего лица.

— И это все? — говорю я с легким придыханием, и он, должно быть, это замечает.

Он убирает руку и пристально смотрит на меня.

— Эта вечеринка очень важна. Так что мне нужно, чтобы ты немного обуздала свое безумие. Сможешь это сделать? Пожалуйста?

Я лучусь от счастья.

— Посмотри на себя. Говоришь «пожалуйста» и прочее дерьмо.

— И так тоже не говори.

— Как?

— «И прочее дерьмо».

— Тебе серьезно нужно поработать над южным акцентом.

— Что же, лучшего учителя мне не найти.

— Отлично. Никакого «и прочего дерьма». Что-нибудь еще?

— Да. Ты умеешь танцевать?

Я снова танцую риверданс.

Он сжимает пальцами переносицу.

— Эй... — я отнимаю его руку от лица. — Да шучу я. Полагаю, ты говоришь о бальных танцах. Да. Это я могу. Среди прочих танцев. Типа танго. Электрик слайд. Арбузный кроль...

— Я понял. У тебя есть ко мне какие-нибудь вопросы?

— Да. Чем именно ты зарабатываешь на жизнь?

Он, кажется, удивлен.

— Ты не знаешь?

— Я знаю, что ты генеральный директор «Суэггер Корпорейшн», но понятия не имею, чем оно занимается.

— Неужели жители Миссисипи не обращают внимания на фондовый рынок? Nasdaq? Индекс Доу Джонса? Когда-нибудь слышала о таком?

— Да, слышала, — огрызаюсь я, свирепо глядя на него. — Скажешь уже, чем занимаешься, или нет?

— Я венчурный капиталист.

— Как в фильме «Незванные гости»?

— Я вкладываю деньги не только в рубашки и брюки, Пенелопа.

— Значит, ты вкладываешь деньги в идеи людей?

— Иногда. Но предпочитаю выкупать их, чтобы иметь полный контроль. Если другого варианта нет, и я не могу от этого отказаться, то соглашусь на пятьдесят один процент владения.

Конечно. Он чертовски помешан на контроле.

— Ты когда-нибудь участвовал в «Бассейне с акулами»? (прим.: «Бассейн с акулами» —

американское реалити-шоу, где участвуют бизнесмены (стартаперы), которым нужны инвестиции в свой бизнес. Чтобы получить деньги, они представляют свой стартап «акулам» — реальным богатым инвесторам, ищущим потенциально прибыльные проекты для вложения средств)

— Нет.

Конечно, он не может быть одновременно Тем Самым Парнем и звездой телевидения.

— Надо думать...

— Что?

— Не важно. Знаешь, — я склоняю голову набок и изучаю его, — ты представлялся мне кем-то, кто занимается слиянием корпораций. Как в «Красотке».

Он натянуто улыбается.

— Должно быть, ты путаешь меня с моим дедушкой. На чью вечеринку мы уже опаздываем. Ты готова?

— Красивее я не стану.

— Надо думать... — он гордо ухмыляется возможности бросить мне мои слова обратно.

Я закатываю глаза.

— А тебя легко развеселить.

Зажав под мышкой золотой клатч в тон, следуя за ним в фойе. Он нажимает кнопку лифта, наблюдая за мной, пока мы ждем. Выглядит... любопытным.

— Что?

— Не верится, что ты не погуглила меня.

— А ты меня гуглил?

— Да.

Я сияю от его короткого ответа.

— Правда? И что там было написано?

— Не знаю. Устал искать после четвертой страницы.

Мое улыбающееся лицо превращается в хмурое.

— Довольно самоуверенно со стороны парня, которому приходится покупать чужие идеи, потому что он недостаточно умен, чтобы придумать собственные.

Удивительно, но он смеется. Я так захвачена этим, что даже не замечаю, как прибыл лифт. Ему приходится схватить меня за руку и втолкнуть внутрь, прежде чем двери закроются.

И в тесном пространстве наша близость дает мне то, что я пыталась узнать с тех пор, как впервые его увидела.

Его запах.

Смилуйтесь надо мной.

Я как чертова ищейка.

Серьезно.

Мой нос касается его плеча, и я вдыхаю так глубоко, что чувствую его запах на задней стенке горла. Пока мы спускаемся, я держусь рядом с ним, а не в углу лифта. Мои глаза закрываются... и я мурлычу свою песню, снова и снова вдыхая его приятный запах.

Я не сильна в описании ароматов. Никогда не могла дать название отчетливому запаху крови, пока не прочитала «Сумерки». Медный. Металлический. Как только Стефани Майер объяснила мне это, я удивилась, как, черт возьми, раньше этого не понимала.

Так что, на самом деле, лучшее, что я могу вам дать, это то, что он пахнет именно так, как, по вашему мнению, должен пахнуть богатый, горячий парень. Как мыло, одеколон,

мужчина, чистота и деньги. О, и какой-то очень классный кондиционер для белья. Я почти уверена, что это «Downy».

Когда лифт останавливается, я неохотно отстраняюсь. И тут чувствую на себе его взгляд.

— Что? — спрашиваю я, не потрудившись поднять на него глаза.

— Зачем ты так делала?

— Я боюсь лифтов.

— Хм. — К счастью, это все, что он говорит.

Альфред встречает нас у дверей вестибюля. Протягивает пальто Джейку, затем распахивает белую меховую шубу для меня. Я просовываю руки внутрь и чуть не кончаю от невероятного ощущения.

— Это настоящий мех?

Джейк приподнимает бровь.

— Да. Это проблема?

— Нет. Просто интересно.

...скольким невинным животным пришлось умереть, чтобы согреть меня...

Мы выходим в метель, и я благодарна всем кроликам, белочкам или другим животным, которых принесли в жертву только ради меня. Росс придерживает заднюю дверцу машины, и Джейк жестом приглашает меня сесть. Я пробираюсь в салон, чуть не порвав платье и не упав лицом в пол, прежде чем, наконец, устраиваюсь на сиденье. Джейк следует за мной. Весь такой грациозный и плавный.

— Итак, нервничаешь? — Я наклоняюсь ближе и понижаю голос. — Ну, знаешь... из-за того, что я фальшивая мисс Симс?

— Нет.

— Потому что ты полностью мне доверяешь?

Я так близко, что когда он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, его губы почти касаются моего носа.

— Нет.

— Ты должен быть уверен, что я справлюсь с этой работой.

— Я уверен, что смогу исправить все, что ты испортишь.

Закатываю глаза и откидываюсь назад.

— Знаешь, раз уж я делаю тебе одолжение, мог бы быть немного повежливее со мной.

— Я мог бы посадить тебя в переполненный автобус и отправить обратно в Миссисипи.

— Но ты этого не сделаешь. Потому что я тебе нужна. Ведь так? — дразню я, тыча пальцем ему в ребра. Он даже бровью не ведет.

— Ты мне не нужна. Я всегда могу пойти один.

— Нет, не можешь.

— Кажется, ты довольно уверена в этом.

— Конечно. Кэм сказал мне.

— У Кэма длинный язык, — бормочет он, наклоняясь вперед, чтобы налить себе выпить. Мне даже ничего не предлагает.

Грубиян.

Я прижимаюсь к нему, обхватываю одной рукой его бицепс, а другой сжимаю бедро. Его руки замирают. Как и стакан в нескольких дюймах от его рта. Он не двигается, только косится на меня.

— Если забуду сказать тебе позже, я действительно отлично провела время сегодня вечером.

Его губы изгибаются, будто он хочет улыбнуться. Но не поддается этому.

— Вечер только начинается, Пенелопа. На твоём месте, я бы пока не стал благодарить меня. Эти люди — акулы. Такую девушку, как ты, они разжуют и выплюнут. — Черты его лица темнеют, тон становится серьезным. — Если кто-то заставит тебя чувствовать себя некомфортно, просто уйди и найди меня. Поняла?

Я отстраняюсь от него.

— Я могу постоять за себя. Но, обещаю, если увижу возможность ситуации «девица в беде», можешь поспорить на собственную задницу, я воспользуюсь ей.

Я подмигиваю ему. Но правда в том, что я понимаю, что влипла по уши.

Эти люди не такие, как я. Надо мной, скорее всего, будут смеяться. Дразнить за моей спиной. Даже глядя мне в лицо. Но смеяться последней буду я. Это одно из преимуществ писательской профессии. Ты можешь поместить злых людей в книгу.

А потом убить их.

Глава 10

Не уверена, чего я ожидала.

Красную ковровую дорожку?

Вспышки фотокамер?

Толпу, скандирующую мое имя?

Крауд-сёрфинг с целью заполучить прядь моих волос... *(прим.: крауд-сёрфинг — когда зрители на музыкальных концертах передают на руках человека над головами друг друга, тем самым, он «плывёт» из одной части зала в другую)*

Да, все это.

Но точно не скучное до тошнотиков появление, когда мы входим через черный вход и должны пройти через кухню, чтобы попасть на настоящую вечеринку.

— Вот тебе и грандиозное появление, — бормочу я, передавая шубу мужчине, который слишком много кивает.

У чувака тик или что-то в этом роде?

Иначе, почему он продолжает так делать?

Потом я замечаю, как он смотрит на Джейка. Глаза широко распахнуты. Движения неловкие. Речь превратилась в бессвязный лепет.

О.

Он поражен звездой.

Вероятно, мне следовало его погуглить...

— Почему мы вошли через черный ход?

— Потому что это шоу Джесси Суэггера, а не Джейка Суэггера. — Он впервые кажется по-настоящему скромным. И, как я полагаю, смущенным своей славой.

— Это станет шоу Пенелопы, когда я выйду на танцпол. — Прежде чем успеваю сделать свое коронное движение, Джейк хватает меня за локоть и прижимает к своему мускулистому телу.

— Еще раз повторишь этот дерьмовый риверданс, и я запрю тебя в холодильник. — Его угроза несколько не мешает моему хорошему настроению.

Глядя на него, шевелю бровями.

— Чтобы ты мог раздеться и согреть меня теплом своего тела? — Он равнодушно

смотрит на меня сверху вниз. — Что, если у меня температура? Ты измеришь мне температуру? Своим большим... градусником?

Эта улыбка снова растягивает его губы. И вновь он не сдается. Он отстраняется и выпрямляется, протягивает мне руку и благодарит парня с верхней одеждой на единственном языке, который он знает, — кивком.

Я делаю глубокий вдох, когда Джейк ведет нас из кухни по широкому коридору. Слышу музыку. Болтовню. Смех. Звон бокалов. Сердце колотится сильнее.

Я одновременно в предвкушении и нервничаю.

Больше нервничаю, чем в предвкушении.

Наверное.

Не знаю.

Дерьмо.

Безумие какое-то.

Я здесь. На супербогатой вечеринке со всеми этими супербогачами, а у меня нет ни единой вещи с этикеткой Prada.

Я поднимаю взгляд на Джейка.

Величественный ублюдок....

Он в режиме Того Самого Парня. Излучает уверенность. Излучает силу. Излучает власть. Каждый его шаг точен. Каждый вдох контролируем. Жаль, что у него не очень развита интуиция, иначе он бы понял, что я вот-вот слечу с катушек.

Это та часть, где все героини романтических книг «черпают храбрость из мужской силы». Но там не объясняется, как это делать. Так что я понятия не имею. Просто перебираю все подряд, — прищурившись, смотрю на него. Прижимаю палец к виску. Поражаю его мозг воображаемыми лазерными лучами.

— Какого хрена ты делаешь? — Он останавливается и смотрит на меня сверху вниз, как на идиотку. Именно так я себя и чувствую, когда расслабляю мышцы лица и глаз и отнимаю палец от виска.

— На случай, если ты не заметил, я чертовски нервничаю... и прочее дерьмо, — добавляю я, просто чтобы досадить ему. — Мы собираемся войти в логово волка, а ты не сказал ни единого слова, чтобы повысить мою уверенность.

— Ты мычала что-то, будто при заклинании вызова духов. Хотел бы сказать, что это для тебя норма, но, увы. Так что ты не можешь злиться на меня за то, что я не дал тебе напутствия.

— Я мычала заклинание?

— Да. Перестань смотреть «Колдовство».

Я прокручиваю это в голове и киваю. Может, в конце концов, я кое-что и знаю о передаче силы от героев...

— Почему у меня такое чувство, что ты переживаешь некое прозрение? — растерянное выражение лица Джейка придает ему совсем мальчишеский вид.

— Потому что это сработало.

— Что сработало?

Я изучаю его и задумчиво киваю.

— Да. Это определенно сработало. Я научилась направлять твою энергию. Ты теряешь контроль. Я добилась своего.

Джейк оглядывается, чтобы убедиться, что мы одни, затем поворачивается ко мне. Он

выглядит немного сердитым. Что я понимаю. Но ему не обязательно тыкать в меня пальцем.

— Возьми себя в руки, Пенелопа. Я серьезно.

Я шлепаю его по руке и смотрю на него.

— Тебя убьет, если ты скажешь мне что-нибудь приятное? Как, черт возьми, я должна смотреть в лицо людям в этой комнате, если все, что ты делаешь, это заставляешь меня чувствовать себя деревенской дурочкой?

— Ну, когда ты идешь по коридору, бормоча: «легкая, как перышко, жесткая, как доска», как еще я должен относиться к тебе?

Да. Я его понимаю.

Но скорее умру, чем признаю это.

Я стою на своем и встречаю его пристальный взгляд лицом к лицу. Чертовски горжусь собой за то, что выдержала его взгляд, не дрогнув.

— Ради всего святого... — он проводит рукой по волосам. Опускает их на бедра. Смотрит на меня. Облизывает нижнюю губу.

Он собирается сказать мне что-то приятное.

Наверное, что я — само воплощение красоты.

Что он влюблен.

Что, если бы это было шоу Джейка Суэггера, он бы сделал предложение сегодня вечером. Но он не может, потому что уважает своего дедушку и прочая чушь в таком духе.

— Самое время вам появиться.

Гребаный Кэм.

— Черт возьми, Пенелопа.

Его глаза очень-очень оценивающе скользят по моему телу. Он впервые видит меня в этом платье. И то, как он смотрит на меня, почти смущает. А я, в принципе, не испытываю смущения. Никогда.

Он прощен.

И слишком хорош в черном смокинге. Несмотря на то, что я видела его в костюме, при полном параде он выглядит по-другому, как и Джейк. Горячее. Сексуальнее. Может, потому, что лишен ауры генерального директора.

— Если ты закончил трахать глазами мою спутницу... — смятение Джейка очевидно. Он хочет, чтобы я принадлежала только ему. Я знала это.

Он прощен.

Кэм ухмыляется.

— На данный момент. Оставишь для меня танец?

Я подарю тебе свою девственность...

Если бы она у меня оставалась.

Но ее нет.

Я улыбаюсь.

— Конечно.

На этот раз Джейк не утруждает себя предложением мне своей руки, просто хватается за руку и тянет за собой. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как Кэм пялится на мою задницу. Я чуть покачиваю бедрами для него.

— Помни о моих словах, Пенелопа.

Я вздыхаю и поворачиваюсь обратно к Джейку.

— Да, да, да. Взять себя в руки.

— Нет. — Он задумчиво смотрит на меня. Его рука застыла на ручке двери, которая впустит нас на вечеринку. — Ты найдешь меня, если я тебе понадобится.

— Боже, Джейк. Эти люди, что, злодеи из комиксов? В смысле, неужели по ту сторону двери чертов Лекс Лютор? Джокер? Шредер? Локи? И если Локи здесь, то Тор тоже здесь? Не Тор из комиксов, а настоящий Тор? Типа, Крис Хемсворт?

Его губы сжаты в тонкую линию.

— Ты смотришь слишком много гребаного телевидения, ты это знаешь?

— А ты — слишком параноидален. Я из маленького южного городка. У нас водятся змеи, медведи и снежный человек. Я могу справиться с кучкой нахальных богатеев. Доверься мне.

— Раз ты так говоришь. А теперь улыбнись.

Я улыбаюсь.

Он улыбается.

Я таю.

Он открывает дверь.

Мы входим, и все взгляды в комнате обращаются на нас. Нам действительно следовало просто войти через главный вход. Не представляю, что мы привлекли бы к себе больше внимания, будь все по-другому. Разговоры прекращаются, и все поворачиваются к нам. Мужчины распрямляют плечи. У женщин чуть ли пена изо рта не идет. Кажется, все ждут прекрасной возможности подойти и поздороваться.

Чертовски странно.

А комната немного... уф. В ней нет ничего необычного, кроме массивных люстр. Обычный бальный зал отеля. Здесь даже нет растяжки с поздравлением Дедуле.

Бедный ненавидимый всеми сукин сын.

Мой взгляд падает на вспышку чего-то огненно-рыжего, и я слегка спотыкаюсь. Хочу остановиться и присмотреться, но Джейк уверенно идет вперед, заставляя меня семенить рядом с ним.

— Джейк. — Я сжимаю его руку. — Джейк. Джейк. Дже...

— Милая, ты теряешь самообладание, — бормочет он, пряча слова за улыбкой.

— Да. Знаю. Потому что здесь Эд Ширан. Прямо вон там.

— Ради всего святого, Пенелопа. Не показывай пальцем.

— Как думаешь, он позволит мне сделать селфи?

— Возьми себя в руки.

— Не думаю, что смогу.

Чертов Эд Ширан.

Прямо. Здесь.

Джейк притягивает меня ближе и склоняет голову к моему уху.

— Держи себя в руках, и, клянусь, я позабочусь о том, чтобы ты встретила с ним, поставила его автограф себе на сиськи, сделала селфи...

— Хочу, чтобы он мне спел.

— Все, что захочешь. Просто... успокойся, нахрен.

Я киваю. Делаю глубокий вдох. Заставляю себя отвести взгляд от Эда, хотя уверена, что он только что помахал мне рукой.

— Джейк! Как дела?

— Марвин, рад тебя видеть. Спасибо, что пришел. Это Пенелопа.

Я улыбаюсь и киваю старому пердуну с залысинами, который загораживает мне обзор на сцену. Джейк продолжает говорить с ним в течение нескольких минут. Задает скучные вопросы о семье. Смеется над глупыми шутками. Я благодарна ему, когда мы идем дальше, но через три шага нас снова останавливают.

— Добрый вечер, мистер Суэггер.

— Сегодня просто Джейк, Чарльз. — Он представляет меня, затем кивает женщине рядом с Чарльзом. — Стефани. Как вам Город Ветров?

Взволнованная Стефани с минуту болтает без умолку, прежде чем прийти к выводу, что город ей нравится. Меня представляют, и я не упускаю из виду обжигающий взгляд Чарльза. Или ненавистный взгляд Стефани. Если Джейк и замечает, это его не трогает.

Дружелюбный принц.

Очаровательный инвестор.

Главный засранец-притворщик на этом мероприятии.

В течение следующего получаса происходит то же самое.

Три шага вперед.

Остановка.

Знакомство.

Любопытные взгляды.

Светский разговор.

Повторение.

Мне скучно. И я проголодалась. Похоже, если я хочу повеселиться на этой вечеринке, мне придется улизнуть и сделать это самостоятельно.

Разрываю хватку Джейка, и он замолкает на полуслове. Поворачивается ко мне. Я улыбаюсь ему, а затем паре, с которой он разговаривает.

— Я собираюсь посетить дамскую комнату.

Джейк не выглядит довольным, но кивает.

— Конечно.

В момент, когда я поворачиваюсь спиной, закатываю глаза. Когда они встают на место, вижу знакомый синий взгляд, наблюдающий за мной с другого конца комнаты.

Дедуля.

Отвожу взгляд и быстро направляюсь в туалетную комнату, к счастью, она пуста. Подумываю о том, чтобы спрятаться здесь, но где-то там Эд Ширан. И у меня припасено несколько потрясающих танцевальных движений, которыми я готова похвастаться. По пути сюда я также заметила буфет. Я никогда не отказывалась от бесплатной еды и убила бы за куриное крылышко.

Держу пари, куриные крылышки у них хороши.

Громкая болтовня наполняет туалетную комнату, и я немного съезживаюсь от появления толпы красивых женщин. Они все такие... высокие. Рост, как у супермоделей.

Интересно, удлиняли ли им ноги...

— Пенелопа! — Блондинка в центре группы лучезарно улыбается мне. Видимо, она — лидер. Я вдруг чувствую себя так, словно нахожусь в серии «Наша секретная жизнь».

— Привет. — Слегка машу рукой женщине, которую никогда раньше в жизни не видела. Предполагаю, она знает меня только потому, что имя таинственной спутницы Джейка Суэггера уже облетело зал.

— Мне нравится твое платье. Valentino?

Чего? Это обязательно произносить по-испански? Она действительно сказала это с акцентом...

Она несколько раз моргает, когда я не отвечаю.

— Дизайнер, милая. Это Valentino?

— О! — я издаю смешок... очень-очень фыркающий смешок. — Валентино. Ага. Да я без понятия. Может и Халапеньо.

Их синхронное движение головами, когда они изучают меня, будто инопланетное существо, немного странное. Они репетировали это дерьмо перед тем, как прийти сюда? Или они роботы? Одна из них бормочет что-то, чего я не слышу, и все кивают — снова синхронно.

— Вы что, хотите превратиться в «Камаро» или типа того?

— Прошу прощения? — спрашивает Блондинка-Барби.

— Ничего. Приятного вечера. — Я натянуто улыбаюсь им и собираюсь уходить. Они, кажется, впадают в панику, понимая, что упустили свою возможность проучить меня.

Когда я прохожу мимо, одна из них спрашивает:

— Так вы с Джейком давние друзья?

— Ага, — бросаю я через плечо, не потрудившись обернуться, и толкаю дверь.

В холле меня встречают еще три женщины. Все высокие. Все красивые. Все почти идентичны друг другу.

Здесь творится какое-то странное дерьмо...

— Ну, привет, таинственная девушка. — Эта Кукла звучит так, будто она могла бы быть хорошим человеком. — Ты — тема всех разговоров здесь.

— Гонишь? — мое удивление неподдельно. Здесь гребаный Эд Ширан. Я чувствую, что мне нужно сказать им это. Так я и делаю. — А вы знали, что здесь Эд Ширан?

Раздаются звонкие смешки.

— Да, Пенелопа. Эд — хороший друг моего мужа.

— Ты жена Тейлор Свифт или кого-то в этом роде? — Я указываю на то место, где видела его в последний раз. — Потому что это не какой-то конченный певец из девяностых. Это Эд Ширан.

В ее глазах веселье и теплота.

— Я Кэролайн. Мой муж, Карвер, финансовый директор мистера Суэггера.

— Какого именно Суэггера?

— Злого.

— Какого из них?

Она усмехается.

— Джесси. Но из того, что я слышала, Джейк тоже может быть занозой в заднице.

Я все еще не уверена насчет этой Кэролайн. Она кажется милой, но слишком похожа на всех остальных, чтобы я могла ей полностью доверять. Поэтому, как бы сильно мне ни хотелось подтвердить, что то, что она слышала, — правда, я воздерживаюсь. Джейк, может, и мудака, но я не собираюсь признаваться ей в этом.

— Было приятно поболтать, Кэролайн. Ненавижу убегать, но...

— Эд Ширан. — Она кивает. — Понимаю. Но ты же осознаешь, что он здесь не для выступления. Он здесь в качестве гостя.

— Что?

Она поднимает изящный пальчик в воздух.

— Ты ведь не слышишь его голос, не так ли?

Я прислушиваюсь тщательнее.

Она права.

Это не голос Эда.

Черт возьми, это вообще не голос. А какое-то классическое дерьмо.

— Так ты и Джейк? Как это произошло?

— Ты не поверишь, если я расскажу.

Она подмигивает, будто знает какой-то большой секрет.

— Испытай меня.

— Как-нибудь в другой раз. Увидимся?

Я ухожу прежде, чем она успевает ответить, и исчезаю в переполненном зале. Мимо меня проходит официант с подносом, уставленным пустыми бокалами из-под шампанского. Я киваю, чтобы привлечь его внимание.

— Да, мисс?

— Это может показаться странным, но у вас есть пиво?

Он борется с улыбкой.

— Уверен, я смогу что-нибудь найти. Какие-то особые предпочтения?

— Что-нибудь местное. «Bud». «Coors». «Miller». Я не привередлива.

— Две минуты?

— Черт, да хоть десять, сделайте перерыв на перекур. Я никуда не спешу.

Он посмеивается.

— Скоро вернусь.

С того места, где я стою в дальнем углу комнаты, у меня хороший обзор. По всему периметру разбросаны небольшие группы людей. Кто-то сидит. Кто-то стоит. Кто-то даже танцует под музыку, которую часто можно услышать в лифте.

Могли бы, по крайней мере, нанять группу.

Украстить все тут цветами.

Арендовать дым машину.

Официант возвращается раньше, чем ожидалось, и протягивает мне «Budweiser».

— Держите, мисс. — Он предлагает мне бокал для вина, но я уже откупорила бутылку. Пиво очень вкусное. Такое холодное, что пробирает до дрожи. Именно так, как мне нравится.

— Хорошо?

— Идеально. Можете продолжить приносить?

— Безусловно.

— Спасибо, и я лучше возьму бокал, — говорю я, зная, что Джейку будет что сказать мне, если он увидит, как я посасываю пиво из бутылки в уголке комнаты.

— Позвольте мне. — Официант выливает пиво, не пролив ни капли, и протягивает мне бокал. Издалека мой «Bud» может сойти за «Moscato».

Хочу спросить, есть ли у них куриные крылышки, но в клатче, зажатом под мышкой, вибрирует телефон. Сообщение от Эмили.

«Как вечеринка?»

«Полный отстой»

Я нажимаю «отправить», еще раз благодарю официанта и начинаю пробираться сквозь толпу в поисках Эда. Но первым обнаруживаю Джейка. И не могу сказать, что разочарована.

Он такой расслабленный. Беззаботный. Счастливый. Смеется так, как я никогда раньше не видела.

Он стоит с четырьмя мужчинами. Они напоминают мне актеров из «Супер Майка». За исключением того, что они в костюмах. И ухмыляются. И с прическами как у Джастина Бибера из 2011 года. Но даже такие горячие, они не идут ни в какое сравнение с моим Тем Самым Парнем.

Джейк замечает меня, и его улыбка гаснет. Он выглядит... жаждущим.

Его взгляд скользит по моему пиву, моей груди, затем по моему лицу. Он манит меня пальцем — уголки его губ изгибаются, обнажая сексуальную полуулыбку. Я даже не поняла, что остановилась. Неуверенным шагом подхожу к нему.

— Пенелопа, — говорит он глубоким протяжным голосом, от которого у меня дрожат колени. Его пальцы касаются моего локтя, и он наклоняется, будто хочет поцеловать мои волосы.

Только он этого не делает.

— Где, мать твою, ты была? — вместо поцелуя рычит он и отстраняется — его улыбка возвращается на место. Если бы от прикосновения его пальцев к моему локтю не было бы так приятно, я бы вырвалась и ударила его. — Джентльмены, хочу познакомить вас с моей девушкой, Пенелопой.

От Джейка у меня может перехватить дыхание, но я из тех девушек, кто может оценить красивого мужчину, когда я его вижу. В данном случае четырех мужчин. Хлопаю ресницами и одариваю их мегаваттной улыбкой в полную мощь.

— Привет.

Пожимаю руки троим. Джейк называет мне их имена, но они забываются в тот же момент, когда он их произносит. Запомнилось только одно имя. Бриггс. Имя мужчины, который берет мою руку, подносит ее к губам, целует, а затем говорит с самым горячим английским акцентом:

— Приятно познакомиться, Пенелопа. Вы чертовски сногшибательны.

Кто-то в компании усмехается. Джейк, кажется, вздыхает. Но все, на чем я могу сосредоточиться, — это его слова. И то, что с этим парнем... что-то... не так.

— Джейк, — говорит он, его красивые карие глаза не отрываются от моих. — Могу я украсть твою прекрасную спутницу? На танец?

— Осторожнее, Бриггс, — голос Джейка напряженный. Немного раздраженный.

Не могу найти в себе сил волноваться об этом. По крайней мере, этот парень проявляет ко мне некоторое внимание. Джейк же почти не разговаривал со мной с тех пор, как мы здесь, не говоря уже о том, чтобы пригласить на танец.

Я сую ему в руку бокал и позволяю Бриггсу увести меня на танцпол. По-видимому, группа все же есть. Она еще не играет, но уже настраивается. Не важно. С Бриггсом я бы танцевала хоть под песню из рекламы колбасы «Oscar Mayer». Так что, классическая музыка из лифта подойдет просто идеально.

Все еще сжимая одну мою руку, Бриггс притягивает меня ближе, а другой обнимает за талию. Его объятия — это объятия любовника, пока мы медленно кружимся по кругу. Несколько чересчур крепкие. Несколько неудобные. Я чувствую каждую твердую выпуклость под его костюмом. Чувствую жар его тела. Просто мы не очень... подходим друг другу.

— Ты — само воплощение красоты, Пенелопа.

Я улыбаюсь. Но очень хочу нахмуриться. Предполагалось, что это будет фразой

Джейка...

— Ты и сам не так уж плох, красавчик. — Через его плечо вижу Джейка, разговаривающего с женщиной. Он смеется. Его голова наклонена, чтобы лучше ее слышать.

Бриггс следит за моим взглядом и улыбается.

— Ревнуешь?

— Нет. — Лгунья.

Он ничего не говорит. Просто... смотрит на меня своими сверкающими глазами. Его губы изогнулись в неизменной веселой ухмылке.

— Итак, откуда ты знаешь Джейка? — спрашиваю я, желая, чтобы он скорее развернул меня обратно, чтобы я тоже могла увидеть, что там делает Джейк. И, возможно, получше разглядеть женщину, с которой он разговаривает.

Может, она старая.

Беременная.

Его сестра...

— Мы вместе учились в колледже. Я только приехал в штаты. Джейк взял меня под свое крыло. После выпуска убедил меня остаться. Остальное уже история.

— Оу. Что же, это мило.

— Ммм...

Я отвлеклась. Джейк уходит с этой женщиной. Которая красивее меня. Я ревную? Если, да, то почему? Джейк не мой. Я не его. Я ничья. Если захочу, могу перепихнуться с Бриггсом в туалете. Вот так запросто. Называйте меня шлюхой. Мне плевать.

Мы кружимся еще два раза. Джейка по-прежнему нет. Мое настроение испорчено. Этот танец по кругу уже надоедает. Бриггс слишком тихий. Я скучаю по своему пиву. И все еще хочу куриные крылышки.

— Ты предоставляешь внештатные услуги? — вопрос Бриггса возвращает меня назад. Но я не уверена, что правильно его расслышала.

— Прошу прощения?

— Пара часов — это все, что мне нужно. Не вижу смысла связываться с агентством и составлять контракт на такое короткое время.

Сбитая с толку, смотрю на него. Во-первых, потому что его акцент пропал. Чтс объясняет, почему я с самого начала чувствовала, что с ним что-то не так. Во-вторых, потому что понятия не имею, о чем он говорит. Потом вспоминаю, что я должна быть мисс Симс. Которая — шлюха. И хотя я должна бы обидеться, мне просто любопытно.

— Сколько ты готов заплатить?

— Назови свою цену.

Ну, говорить такое с его стороны было глупо...

— Сто тысяч долларов.

Он смеется.

— Ни один кусок задницы не стоит ста тысяч.

— По-моему мнению, стоит.

— Забавно. Не думал, что шлюхам позволено иметь свое мнение.

Самоуверенный мешок дерьма....

— И все же оно у нас есть. Мы также при необходимости даем советы. И я дам тебе один бесплатно. — Перестаю кружиться и опускаю руки. Он все еще держит меня за талию. — Придерживайся акцента. Это единственный шанс, при котором тебе может что-то

перепасть.

Его уязвленная гордость выставляет высокомерие на первый план.

— Сомневаюсь в этом, учитывая, что я мог бы поиметь здесь любую женщину.

— А я сомневаюсь в этом, учитывая, что ты только что предложил мне заплатить за секс с тобой. Спасибо за танец.

Когда я делаю шаг назад, его рука, которая всего несколько мгновений назад была теплой и мягкой в моей ладони, обхватывает мое предплечье. Крепко сжимает, и я чувствую, как кончики его пальцев оставляют синяки на чувствительной коже тыльной стороны руки.

Я призываю своего внутреннего Дензела Вашингтона. Мой взгляд фокусируется на его хватке, и все остальное становится размытым пятном. Я собираюсь воспроизвести сцену из «Великого уравнителя», но тут кто-то произносит его имя.

— Бриггс!

Его хватка на моей руке сразу ослабевает. И тут я замечаю, что нас обступили трое мужчин, с которыми я познакомилась раньше. Но Джейка среди них нет. И по какой-то причине это причиняет боль.

Я вырываюсь из его рук, и на этот раз Бриггс отпускает меня. Мужчины беседуют с ним вполголоса. Говорят ему, что пора уходить. Я все еще в режиме Дензела, поэтому вся такая хладнокровная, спокойная и собранная, поворачиваюсь, чтобы уйти.

Делаю два шага, когда слышу, как Бриггс окликает меня. Поскольку я отказываюсь пасовать перед этим мудаком, разворачиваюсь, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. С его потемневшими глазами. Сердитым взглядом. Он указывает на меня пальцем. Когда он говорит, его голос похож на низкое рычание, но достаточно отчетлив, чтобы разнестись по шумной комнате.

— Если бы не такие люди, как я, таким оборванцам, как ты, даже не нашлось бы места в этой жизни.

— Да? А, знаешь что? — Я делаю паузу для пушного драматического эффекта, а затем мило улыбаюсь. — Если бы кролик не остановился поспать, собака бы его не поймала.

Глава 11

У них нет куриных крылышек.

И нет копченых колбасок.

Никаких сырных шариков.

Никаких чипсов и соусов.

Ни единой гребаной фиגнюшки, завернутой в бекон.

Что это за вечеринка такая?

Официант ставит на стол поднос с какими-то необычными закусками. Схватив его, я бегаю напрямиком на кухню, через которую мы с Джейком вошли. Кивающего парня здесь нет. Но я помню дверь, через которую он появился, и прохожу через нее, попадая в небольшую комнату отдыха для сотрудников.

Сажусь на скамейку и ставлю поднос с закусками себе на колени. Морщусь при виде ломтиков огурца, намазанных каким-то белым дерьмом, посыпанных стружкой из сырого мяса и украшенных маленькой веточкой зелени.

Мерзость.

— Добрый вечер, мисс Харт.

Резко вскидываю голову и встречаюсь глазами с Дедулей. Здорово. Еще один человек, которого я не хотела бы видеть. Что же, его дерьмо я тоже не в настроении выслушивать.

— Дедуля Суэггер. Что привело вас сюда?

— Это моя вечеринка, Пенелопа. Почему бы мне не быть здесь?

— Ладно... позвольте перефразировать. Почему вы забрели в комнату прислуги?

— Думал, Джейк вам не платит.

— Все верно. Я имела в виду наемную прислугу, вроде, кухонного персонала. Не то чтобы это имело значение. Вы все равно мне не верите.

Он изучает меня с минуту. Я не отвожу взгляда. Хотя очень хочу, потому что его взгляд чересчур пугающий.

— Вы совсем не похожи на присутствующих здесь женщин.

Я одариваю его широкой, кокетливой, наигранной улыбкой.

— Ох, и слава Богу.

— Вы их не одобряете?

— Вы с ними встречались? Кроме того, я думала, вы ожидали увидеть кого-то другого. Вот почему так убеждены, что Джейк, заплатил за меня кругленькую сумму.

Его глаза слегка прищуриваются, будто он хочет улыбнуться, но не может. Он смотрит на нетронутое блюдо в моих руках.

— Вам не нравится еда?

На этот раз я изучаю его.

— Не уверена, что вы захотите услышать мое мнение, или вы задаете все эти вопросы, потому что действительно не знаете ответа.

— Мне интересно узнать ваше мнение.

— Точно? Потому что оно вам может не понравиться.

— Да, точно. Пожалуйста. Не сдерживайтесь.

Без проблем, старина.

Делаю вдох и прислоняюсь спиной к стене.

— Прошлую ночь я провела в тюрьме. Совсем не спала. То, что должно было стать расслабляющим днем в спа-салоне, превратилось в день в аду. Меня протыкали, прихорашивали, щипали и натирали воском в тех местах, где я и не подозревала, что у меня есть волосы. У меня болят ноги. Это платье неудобное. Все здесь смотрят на меня, как на шлюху. Джейк — засранец. Как и его друзья. Я голодная, как собака. А это дерьмо выглядит так, будто его выbleвал веган.

— Интересно. Но я спрашивал только о еде.

— А я хотела только чертово куриное крылышко. Вместо этого получила это дерьмо и разговор с вами. Так что, видимо, мы оба получили больше, чем рассчитывали.

Он дарит мне здоровую дозу молчания Суэггера, затем говорит:

— Пойдемте со мной, — после чего поворачивается и уходит.

Такого я не ожидала...

Не знаю, что делать.

Последовать за ним?

Сбежать?

Заорать?

Я встаю и высовываю голову за дверь. Он идет в сторону кухни. По крайней мере, там есть свидетели. А еще ножи.

Ты не хулиганка, Пенелопа Харт!

Я смотрю на поднос, не уверенная, стоит ли мне брать его с собой на собственную

погибель.

— Оставь поднос, Пенелопа.

Дедуля Суэггер — колдун!

Ставлю поднос на стол. Разглаживаю руками платье. Делаю глубокий вдох. Вздергиваю подбородок. Ставить одну ногу впереди другой... это все, что мне нужно делать. К тому времени, как я присоединяюсь к нему на кухне, чувство тошноты становится невыносимым.

— Конечно, мистер Суэггер, — говорит шеф-повар с поклоном. Затем выкрикивает команду на языке, которого я не понимаю, и весь кухонный персонал исчезает.

Дедуля стоит спиной к массивной плите промышленных размеров. Не отводя от меня взгляда, снимает пиджак, вешает его на стул и начинает расстегивать запонки. Кивает головой в сторону табурета рядом со стойкой для приготовления пищи.

— Садитесь.

Я сажусь, потому что напугана до смерти.

Он закатывает рукава рубашки и снимает с крючка на стене фартук.

Какого хрена?

— Не хотите ли чего-нибудь выпить? Может, пива?

Конечно, он знал, что я пила пиво.

Он открывает холодильник и достает две бутылки «Budweiser» из упаковки, стоящей на верхней полке.

— Филипп, официант, которого вы попросили принести пива, держал его в багажнике своей машины. — Он откручивает крышечки и вручает одну бутылку мне, а другую оставляет себе. — Ему было сказано лично убедиться, что вам предоставили все, что вы пожелаете. К счастью для вас, ваши вкусы к пиву совпадали.

— Серьезно? Кто сказал ему это сделать?

— Мой внук.

Мое сердце млеет. И мне хочется пнуть себя, потому что я все же могла съесть куриные крылышки.

— Джейк всегда делает все возможное, чтобы о его... гостях... заботились. И могу сказать, что он относился к вам так же, как и к остальным. Так что представьте мое замешательство, когда вы называете его засранцем.

Кровь приливает к лицу. Услышав это, я чувствую себя настоящей засранкой. Но упрямая гордость заставляет хвататься за что угодно, лишь бы защитить себя.

— Он еще ни разу не сказал мне доброго слова. Даже, что я хорошенькая. Просто: «Сойдет».

— Вам действительно нужно говорить, что вы красивая?

— Да, — отвечаю невозмутимо.

— Понимаю.

— А еще он обещал познакомить меня с Эдом. Даже заставить его спеть мне песню. Он и этого не сделал.

— Каким Эдом?

— Эдом Шираном. Певцом. Он здесь. На вашей вечеринке. Вы где были?

Он игнорирует меня, растапливая на сковороде масло.

— Слышал, у вас возникли проблемы с Бриггсом.

Я съеживаюсь от напоминания.

— Типа того.

— Не хотите поговорить об этом?

— Конечно, нет.

— Вы в порядке?

— Безусловно.

Он бросает на меня осуждающий взгляд, затем берет нож, чтобы нарезать буханку свежего хлеба.

— У меня такое чувство, что если я попрошу назвать правдивую причину вашего присутствия здесь, вы это сделаете.

— Все, что вам нужно сделать, это спросить.

Он бросает хлеб на сковороду. Добавляет сыр, немного специй. Все это время я наблюдаю за его работой. Потягивая пиво. Наслаждаясь уютной тишиной с мужчиной, с которым никогда не думала, что буду наслаждаться уютной тишиной.

— Сначала поешьте. Потом поговорим. — Он ставит передо мной тарелку.

Он приготовил мне сэндвич с сыром на гриле.

Я бы заплакала, если бы не была так чертовски голодна.

За несколько минут проглатываю сэндвич целиком.

— Восхитительно.

— Знаю.

Я ухмыляюсь самоуверенному мужчине. Удивительно, но он улыбается в ответ. И, как и Джейка, улыбка делает его потрясающе красивым.

— Так вы хотите знать правду... Причину? Почему я здесь? — спрашиваю я, облокотившись о стойку и устраиваясь поудобнее.

— Это не важно. Джейк — взрослый мужчина. Он может делать все, что захочет. Мне просто любопытно. И я не могу получить от него ответы, поэтому спрашиваю вас.

Я делаю глоток пива. Оно придает мне немного смелости.

— Могу я быть с вами откровенной, мистер Суэггер?

— Был бы за это очень признателен.

— Вы такой дерьмовый лгун.

Его бровь приподнимается. Прежде чем он успеваает что-то сказать, я продолжаю:

— Вы разыскали меня не для того, чтобы сделать сэндвич. Точно так же, как вы оставили своих гостей не только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Правда важна для вас. И если вы хотите ее от меня услышать, тогда мне нужно знать *вашу* настоящую причину.

Он кривит губы в усмешке.

— Проницательная маленькая штучка, да?

— Нет. Просто очень любознательная.

Несколько мгновений он молчит. Затем, будто решив наплевать на все, ослабляет галстук и откидывается на спинку стула.

— Джейк никогда не действует по наитию. Его стратегия заключается в том, чтобы всегда быть на три шага впереди. Он такой дотошный. Так было всегда. Я достаточно хорошо знаю своего внука, чтобы понять, что вы не были частью его плана. Он ведет себя так, словно у него не было другого выбора, кроме как привести вас сюда. И мне нужно знать, почему человек, в чьи руки я собираюсь передать свою компанию, ведет себя так нехарактерно.

— Ого. Да. Хороший вопрос. Интересно, почему он просто не сказал вам правду вместо

того, чтобы рисковать тем, что вы усомнитесь в его способности управлять вашей компанией?

— Наверное, потому, что не знает, что я оставляю ее ему.

Я чуть не падаю с табурета.

— Что? Он не знает?

— Нет. И я был бы признателен, если бы это осталось между нами.

Почему он должен обременять меня такой огромной тайной? Необходимость держать ее в себе почти меня убивает. Мне буквально потребуется вся сила воли, чтобы не повторять: «Я знаю кое-что, чего не знаешь ты».

— Итак, если он не в курсе, что вы отдаете ему компанию то, что, по его мнению, произойдет, когда вы уйдете на пенсию?

— Он предполагает, что после этого я останусь единственным владельцем и оставлю совет директоров управлять компанией. Но единственный способ для меня уйти в отставку — это уйти полностью. Поэтому я планирую передать ему единоличное владение, и он сможет решить, хочет ли назначить совет директоров, будет ли управлять сам или объединит свою компанию с моей.

— Подождите. Вы работаете не вместе?

— Мы — два отдельных предприятия. Он инвестирует в идеи людей. Я скупаю целые корпорации. Его страсть — помогать людям. Моя — деньги. Я упорно трудился всю жизнь, чтобы однажды насладиться плодами своего труда. Но не хочу видеть, как все, над чем я работал, рушится без моего руководства. Не думаю, что Джейк бросит свою компанию, чтобы управлять моей, но не сомневаюсь, что он позаботится о том, чтобы компания продолжала процветать под его руководством и руководством назначенного совета директоров. Он не подведет. Такое слово ему просто не знакомо.

— Но что, если он откажется? Что, если компания ему не нужна?

Он усмехается.

— Власть — очень захватывает, Пенелопа. Сейчас она владеет Джейком, но с моей компанией это перейдет на новый уровень. И у него будет моя компания и все, что с ней связано. Никакие ваши слова не изменят моего мнения по этому вопросу. Но они удовлетворяют мое любопытство. И хотя вы сомневаетесь, что это причина моего пребывания здесь, могу вас заверить, что это не так. Я просто хочу знать историю необычного поведения моего внука.

Я вздыхаю. Почему я не родилась в богатой семье? Джейку чертовски повезло. Он станет миллионером. Благодаря мне. А я ничего не получу.

Вот она — история моей жизни.

— Ладно, Дедуля. Я вам расскажу. — Я указываю на него пальцем. — Но в таком случае вы будете у меня в долгу.

Он кивает.

— Справедливо, мисс Харт.

— Что же... наверное, стоит начать с самого начала. Так что, устраивайтесь поудобнее. И, полагаю, нам понадобится еще пиво.

— И я думаю: роботы. А когда думаешь о роботах, на ум приходят Трансформеры, верно? Поэтому с невозмутимым видом я спрашиваю их... — делаю паузу, чтобы подавить очередной смешок, а затем наклоняю голову набок и прищуриваюсь. — Вы что, хотите

превратиться в «Камаро» или типа того?

Вся кухня взрывается смехом. И громче всех звучит глубокий баритон Джесси Суэггера. Дедули. Или, как он теперь согласился позволить мне называть его, Деды.

Вместе с кухонным персоналом мы провели последние полчаса, высмеивая всех мисс Симс на вечеринке. У сотрудников нашлось несколько интересных историй, которыми они поделились. У меня, естественно, была своя. А Дедуля просто слушал. Он с отвращением качал головой от некоторых поступков женщин, и от души смеялся, когда они получали по заслугам... то есть, всегда.

Но прежде чем персонал вернулся на кухню, и начались веселые времена, я все рассказала Дедуле. От начала и до конца. И снова он просто слушал. Как только правда выплыла наружу, мы поговорили о моей жизни в Миссисипи. Моей маме. Моей карьере писателя. Взлетах и падениях жизни в маленьком городке.

Затем он рассказал о своей жизни. О своей покойной жене, которая умерла, когда Джейку было всего два года. О своем сыне, отце Джейка, который женился на матери Джейка, своей школьной любви, на первом курсе университета. Что он стал работать профессором английского языка, и в нем отсутствовала корпоративная жилка. Как он вместе с мамой Джейка позже вступил в Корпус мира и теперь преподавал английский деревенским детям в Африке.

У меня было так много вопросов. Я хотела узнать о детстве Джейка. Когда он в последний раз видел своих родителей. Были ли они близки? Имелись ли у него проблемы с обязательствами? По шкале от одного до десяти, каковы были мои шансы заставить его жениться на мне?

Но потом вернулся персонал. За те несколько секунд, что мы оставались одни, прежде чем они добрались до нас, Дедуля взял меня за руку. Устремил на меня задумчивый взгляд. И сделал то, что, я уверена, такой человек, как он, делал всего несколько раз в своей жизни.

Извинился.

Он сказал, что сожалеет о том, что обвинил меня, по сути, в том, что я шлюха. И за то, что обращался со мной так, намекая, что у меня нет ни достоинства, ни ума и я ниже его — человека, который честно зарабатывал на жизнь.

Я приняла его извинения.

Так между нами создалась связь.

И теперь я почти уверена, что он меня любит. Я бы не удивилась, если бы он начал посылать мне поздравительные открытки со стодолларовыми купюрами и говорить людям, что я его давно потерянная внучка.

Кто-то прочищает горло.

Наступает тишина.

Мне не нужно смотреть, чтобы знать, что позади меня стоит Джейк. У него типичное присутствие Того Самого Парня — его можно почувствовать еще до того, как его увидят. Я все равно оглядываюсь через плечо. Потому что прошло много времени с тех пор, как я видела его в последний раз. И хотя последний час я провела, разглядывая его более взрослую версию, ничто не сравнится с ним настоящим.

Его взгляд перемещается на меня, сидящую на табурете. В моей руке холодная бутылка «Bud». Ноги скрещены. Разрез на платье обнажает бедро до неприличия. Затем он смотрит на дедушку. Пиджак снят. Рукава рубашки закатаны. Галстук ослаблен. В руке пиво. Зажженная сигарета свисает с губ. Он откинулся на спинку вращающегося кресла, которое

прихватил из комнаты отдыха персонала.

Джейк обводит взглядом остальную часть помещения — обслуживающий персонал, шеф-повара и повара в белых халатах, все потягивают виски или пиво. Одни сидят на столешницах, другие на ящиках с молоком, а парочка небрежно прислонилась к стене. В конце концов, его глаза снова останавливаются на мне.

— Пенелопа.

Я киваю.

— Джейк.

Я аплодирую его стоическому выражению лица. По большей части, открывшаяся перед ним сцена, похоже, не оказывает на него никакого эффекта. Но я вижу в его глазах вопросы. Сомнение. Жгучее желание броситься ко мне, стянуть со стула, затащить в холодильник и потребовать, чтобы я рассказала ему, какого хрена происходит.

Затем измерить мне температуру с помощью своего большого градусника...

Дедушка встает и расправляет рукава рубашки.

— Было приятно, но, полагаю, мне пора возвращаться к моим гостям. — Он застегивает запонки и берет предложенный ему пиджак. — Благодарю, Джефф. Было очень приятно. Как всегда.

— Для меня это удовольствие, мистер Суэггер. Поздравляю вас с выходом на пенсию.

Они пожимают друг другу руки. Дедушка смотрит в глаза каждому сотруднику, благодаря их молчаливым кивком. Что я нахожу милым. Затем он поворачивается ко мне, поправляя галстук.

— Как я выгляжу?

— Как жеребец.

Он смотрит на Джейка и ухмыляется.

— Слышал? Я жеребец.

Он подмигивает мне, в последний раз кивает присутствующим в комнате и со вздохом превращается из крутого Дедули в Джесси Суэггера.

— Я выступлю с речью через десять минут. Жду тебя там, — говорит он Джейку, пересекая кухню. Оказавшись рядом с ним, он задерживается и наклоняется, чтобы сказать что-то, чего я не слышу.

В попытке прислушаться, чуть не падаю с табурета. Джейк поднимает на меня глаза, Дедуля хлопает его по плечу и выходит из кухни.

Шеф-повар начинает выкрикивать приказы. Персонал стонет, но все оказываются на ногах, и вскоре на кухне снова царит хаос.

Мощное тело Джейка заслоняет меня, когда он подходит и встает передо мной.

— Похоже, ты очаровала моего дедушку.

Я пожимаю плечами.

— Очаровывать — это то, что я делаю.

— С каких это пор вы стали лучшими друзьями?

— С тех пор, как я, наконец, убедила его, что я не мисс Симс, и он осознал свою ошибку и извинился передо мной.

— Не носи чуши.

— Клянусь сердцем. — Ставлю на сердце крест.

Он помогает мне встать, и его руки опускаются на мои бедра. Он изучает меня с нежным выражением. Я смотрю на него. На эти губы. Интересно, поцелует ли он меня.

Внезапно, я нуждаюсь в его поцелуе так сильно, что почти прошу о нем. Его глаза следуют за его рукой, когда он поднимает ее к моему лицу и убирает назад выбившуюся прядь, прежде чем провести большим пальцем по виску.

— Что мне с тобой делать, Пенелопа Харт?

Трахни меня.

Люби меня.

Женись на мне.

Накорми куриными крылышками...

Я с трудом сглатываю.

— У меня есть несколько идей.

— У меня есть несколько своих, детка.

Не уверена, в чем дело: в его словах, в том, как он их прошептал, в его нежном взгляде, в том, что он только что назвал меня деткой — самое неоригинальное и в то же время самое нежное обращение на свете, — или в его ласковых прикосновениях, от которых у меня мурашки по всему телу. Будто по моим венам текут конфеты-шипучки. В ушах щекочет. Тяжелое тепло давит на грудь. И все же я не могу отделаться от боли, вызванной зияющей пустотой, которую не описать. Одно дело, когда он возбуждает сексуально. А это... это что-то другое.

Мне нравится.

Но не нравится, что мне нравится.

Из бального зала доносятся громкие аплодисменты и радостные возгласы. Джейк моргает, и туман в его серо-зелено-голубых глазах рассеивается.

— Нужно вернуться на вечеринку.

Он забирает у меня бутылку пива и кладет мою руку на стиб своего локтя. Весь путь обратно я пытаюсь отвлечься от этого чувства. Думая о черепахах.

Каймановые черепахи.

Морские черепахи.

Коробчатые черепахи.

Черепашки-ниндзя.

В панцирях герои.

— Черепашья сила!

Твою. Мать.

— Что такого в этом коридоре, что заставляет тебя нести всякие глупости? — спрашивает Джейк, не замедляя шага, и смотрит на меня сверху вниз этим своим взглядом «ты-выжила-из-гребаного-ума».

— Тебе удастся не напевать эту песню, когда думаешь о Черепашках-ниндзя?

— У меня таких проблем не возникает. Потому что я не думаю о Черепашках-ниндзя. Или любом другом случайном дерьме, всплывающем в твоей хорошенькой головке.

Я смотрю на него и улыбаюсь.

— Ты считаешь меня красивой?

— Я этого не говорил.

— Ты сказал, что у меня красивая голова.

— Лучше ей такой быть, учитывая цену услуг Дэвида Майкла. — Прежде чем я успеваю ответить, он открывает дверь в бальный зал.

Командный голос Дедули гремит по всей комнате. Глубокий и сильный. Но слова

звучат мягко. Уверенно. Мощно. Эта речь — нечто большее, чем просто благодарность или прощание. Это свидетельство величия. Обещание, что все возможно, если немного потерпеть и много трудиться.

Охрененно классная речь.

Когда он благодарит весь зал за сорок лет воспоминаний, мы стоим справа от импровизированной сцены рядом с Кэмом. И я хлопаю громче всех. На самом деле, мне хочется, как Джулия Робертс, вскинуть кулак в воздух, издавая при этом «Ура, ура, ура!» Но Джейк, вероятно, прибьет меня. Да и Дедуля, скорее всего, тоже не одобрит такую вспышку эмоций.

— Как вы все знаете, сегодня вечером здесь мой дорогой друг Эд Ширан...

Дедуля смотрит на меня. У меня отвисает челюсть. Я мысленно посылаю ему сообщение, пока он ждет, чтобы толпа перестала хлопать.

Провались ты пропадом, Дедуля Суэггер! Ты не говорил, что он твой друг! «Какой Эд?»... Ах ты, хитрец-жеребец... и старый пердун!

— И в качестве одолжения для меня он согласился исполнить песню, чтобы я мог отплатить за услугу прекрасной девушке моего внука Джейка, Пенелопе.

Где, нахрен, мой телефон...

Эмили не поверит в это дерьмо!

— Дамы и господа, мистер Эд Ширан.

Я все еще стою, разинув рот. Смотрю на огненно-рыжие волосы одного из моих любимых знаменитостей, когда он выходит на сцену. Желая, чтобы он посмотрел на меня. Чтобы я могла использовать свою молчаливую силу передачи мыслей, чтобы сказать ему: «Да. Я рожу тебе детей».

Но прежде чем успеваю помахать ему, как дура, чтобы привлечь внимание, Кэм забирает у меня из рук раскрытый клатч. Затем меня подхватывает и заключает в объятия Джейк Суэггер.

И я.

Не могу.

Дышать.

Конфетки-шипучки, щекотание в ушах, теплая грудь, ощущение зияющей дыры вернулись. Потому что улыбка Джейка — это... все. Может, она для виду. Чтобы доказать что-то своему деду. Не дать присутствующим женщинам вонзить в него свои зубы. Чтобы выглядеть красивым на фотографиях, сделанных всеми этими чертовыми вспыхивающими камерами. И это пугает меня до чертиков, потому что мне все равно, притворяется он или нет. Мне она кажется настоящей.

Он не обнимает меня как любовник.

Он обнимает меня, как женщину.

Его объятия — не странные.

Или слишком крепкие.

Они собственнические.

И успокаивающие.

Мы подходим друг другу.

Мы идеально подходим друг другу.

Песня — *Perfect*.

Серьезно.

Эд исполняет *Perfect*.

— Расслабься, Пенелопа. Или ты хочешь, чтобы мы просто стояли и не танцевали, пока все взгляды в комнате устремлены на нас?

Я оглядываюсь вокруг и, конечно же, все смотрят. Танцпол пуст. На нем только мы. Делаю вдох и расслабляюсь в крепких объятиях Джейка. Его улыбка становится шире, и он подмигивает. И мы начинаем двигаться. Не медленно вращаясь по кругу, как танцуют нормальные люди. Нет, он прилагает все силы, чтобы устроить из этого шоу, вальсируя по танцполу длинными, грациозными шагами. А я понятия не имею, какого хрена делаю. Но, так или иначе, все же делаю. При этом задом наперед.

Я повторяю его шаги. Двигаюсь, когда чувствую его толчки. Рука на моей пояснице успокаивает. Если я промахнусь в шаге, не сомневаюсь, он просто усилит хватку, подхватит меня и понесет по полу. С Тем Самым Парнем мои заслуги хорошего танцора даже не учитываются. Все делает Джейк.

— Готова?

— Ммм?

— К поворотам. Готова?

— Что?! Нет! Подожди...

Слишком поздно. Он отталкивает меня от себя. Отпускает мою талию. Крепче сжимает мою руку. Раскручивает. И прежде чем я успеваю все испортить, притягивает обратно к себе. Ни разу не сбившись с шага.

— Не делай так больше, — рявкаю я, все еще пытаюсь осознать, что я только что совершила крутое вращение, не упав лицом вниз.

Он смеется. Звук эхом отдается в его груди и ударяется о мою грудь.

— Ты же говорила, что умеешь танцевать.

— Умею. И как только закончится эта песня, продемонстрирую Эду свой ривердэнс.

Он смеется.

Снова.

В его груди снова, будто что-то урчит.

Звук мне очень нравится.

Джейк кружит меня.

А вот это мне не нравится.

— Может, уйдем?

— Почему? Чего ты боишься?

— Эм... шлепнуться на задницу и поставить себя в неловкое положение перед Эдом.

Его взгляд устремляется на сцену.

— Сначала ты говоришь моему дедушке, что он жеребец. Теперь беспокоишься о том, чтобы произвести впечатление на Эда? Есть ли еще мужчины, о которых мне нужно знать?

Моя улыбка немного сникает.

Его тоже.

— Мне не следовало оставлять тебя наедине с Бриггсом.

— Как ты узнал об этом? Тебя даже рядом не было. — Воздерживаюсь от того, чтобы указать, что он тем временем был с какой-то потаскушкой. Хотя мне очень этого хочется, просто для того, чтобы он заверил меня в обратном.

— Беременная жена одного из моих старших сотрудников попросила разрешить дружеский спор между ее мужем и его помощником о том, могут ли они определить пол

ребенка по ультразвуковому снимку. Когда я вернулся, Бриггса уже выводили. Я последовал за ним, чтобы узнать, что случилось. Мне очень жаль, Пенелопа. Ты этого не заслужила.

Пытаюсь подавить волнение от того, что та красивая женщина замужем. И беременна. Сейчас мне трудно сохранять безразличие, но я справляюсь с этим как профессионал.

— Ой. Что было, то было.

— Нет. — Он качает головой. — Не отмахивайся от его поступка. Это было неправильно.

— Возможно. Но это не твоя вина.

— Моя. Этим вечером ты со мной. И моя работа — защищать тебя. А я этого не сделал. Но уверяю тебя, с ним уже разобрались.

Я приободряюсь от этого.

— Ох! Звучит как поступок альфа-самца. Что ты сделал? Избил его на парковке? Сломал что-нибудь? Скажи, скажи, скажи.

Его брови сходятся вместе.

— Нет.

Вращение.

Двойное вращение.

— Может, прекратишь? Я серьезно.

Он игнорирует меня.

— Здесь не какой-нибудь бар с музыкальным автоматом или берег реки Миссисипи. Это корпоративный мир, милая. Мы не деремся на кулаках. За нас сражаются наши адвокаты. Это гораздо больнее, чем синяк под глазом. Поверь мне. Я ударил его по самому больному месту.

— Если бы ты врезал ему по яйцам, это было бы действительно больно. Это я так, к слову.

Он ухмыляется.

— Что ж, в следующий раз, когда мне придется защищать твою честь, попробую твой способ.

Вращение.

Вращение.

Вращение.

— Из-за тебя я заблую твои ботинки.

— Неа. — Его губы складываются в кривую улыбку. — Я просто разверну тебя к Кэму и позволю наблехать на его ботинки.

— Я бы этого не сделала. Кэм мне нравится.

Не уверена, действительно ли он хмурится.

— Думал, я — твой Тот Самый Парень.

— Да, но Кэм сказал мне, что я красивая. Он свистнул мне. Дважды. Сегодня вечером меня даже назвали воплощением красоты. И сногшибательной.

Его глаза темнеют.

Вращение.

— Я хочу, чтобы ты забыла все, что Бриггс сказал тебе сегодня. Даже это.

— Может, я бы смогла забыть, если бы для воспоминаний у меня было что-то получше.

Он качает головой.

— Тебе это так нужно.

Я пожимаю плечами. Да, нужно. Меня не волнует, что он это знает.

Он облизывает губы. Бросает на меня серьезный взгляд. Точно так же, как в прошлый раз, когда чуть не сказал мне что-то приятное.

— Помнишь, как мы сидели на моем диване, и ты сказала, что я могу выбрать любую женщину на свой вкус? Что не понимаешь, зачем мне кого-то нанимать?

— Да.

— Ты была права. Я мог бы выбрать любую женщину в Чикаго, чтобы она сопровождала меня сюда. Вместо этого я выбрал тебя. Знаешь почему?

— Потому что я была твоим единственным вариантом. Я уже говорила тебе. Помнишь? В машине по дороге сюда? Когда сказала, что Кэм рассказал мне об этом, а ты сказал, что у него длинный язык.

— Помню. А Кэм — лжец. Я привел тебя не для этого.

— Тогда зачем?

— Я увидел платье. — Его глаза окидывают меня с головы до ног. — Это платье.

Вращение.

Вращение.

Я не ругаю его. Мне слишком не терпится услышать, что он скажет дальше.

— Пока ты разговаривала по телефону со своей мамой, Альфред упомянул его. И я просто не мог выкинуть из головы твой образ в нем. Вот почему попросил тебя, Пенелопа. Потому что должен был увидеть тебя в этом платье. А когда увидел, в тот момент понял, что ни за что, бл*ть, не приду на эту вечеринку без самой красивой женщины Чикаго.

Прочь, странное чувство. Кыш. Кыш. Кыш. Забирай с собой этих порхающих бабочек-засранок. И возвращайся с водой, чтобы смочить внезапно пересохшее горло. И салфеткой для моей промокшей вагины.

— Я... я не знаю, что сказать.

Вращение.

Вращение.

Вращение.

Вращение.

Остановка...

Опрокидывание.

— Ничего, Пенелопа. Тебе не нужно ни черта говорить.

Я парю над полом. Он склоняется надо мной. Мышцы его бицепсов туго натянуты под тканью смокинга. Губы слегка приоткрыты и находятся на волосок от моих. Серо-синезеленый взгляд пронзителен. Наши носы касаются друг друга. Дыхания смешиваются. Мое — затрудненное. Его — контролируемое.

Он выпрямляется, увлекая меня за собой. Голова кружится. Больше от его признания, чем от вращений и неловкого положения с выгнутой спиной, в котором я только что находилась. Я не отпускаю его рук. Он не отпускает меня. Смотрит еще секунду, затем поворачивается к собирающейся толпе и улыбается.

Я облизываю пересохшие губы. Пытаюсь контролировать дыхание. Замедлить сердцебиение. Улыбнуться. Не выглядеть влюбленной идиоткой. Это сложнее, чем кажется.

Затем мелькает рыжая вспышка. И странное чувство рассеивается, сменяясь всепоглощающим волнением при звуке голоса с ирландским акцентом.

— Итак, я слышал, у кого-то имеются довольно крутые танцевальные движения.

Глава 12

— Нет, Кэм. Это не ковбои и индейцы. Не издавай звука «пию-пию», когда показываешь пальчиковые пистолеты. Можешь только прищелкнуть языком и подмигнуть, но на этом все.

Мы на заднем сиденье лимузина. Я и Виктория — девушка Кэма — на одном сиденье, Кэм и Джейк на сиденье напротив нас.

Кэм стреляет в меня из пальчиковых пистолетов. Издаёт звук «пию-пию». Сдувает дым со своих «револьверов». Убирает их в кобуру. Затем приподнимает свою воображаемую шляпу.

— Вот как это делается, маленькая леди.

Я смеюсь так сильно, что у меня болит бок, и прислоняюсь к Виктории. Она съезживается и отодвигается от меня. Я смеюсь еще громче. Кэм тоже смеется. Полагаю, он уверен, что сегодня он перепихнется, что бы он ни делал, поскольку заплатил за это. Джейк же, напротив. Не смеется. На самом деле, он ни черта не сказал и не сделал с тех пор, как мы сели в машину, только трахал меня глазами.

На вечеринке он был совершенно другим человеком. Мы оба слишком много выпили. Но Джейк справился с этим лучше меня. В то время, как я все время беззаботна, харизматична и потрясающа, для того, чтобы стать таким, ему потребовалось безбожное количество дорогого алкоголя.

После выступления Эда я показала ему свой риверданс. Он показал мне несколько собственных танцевальных движений. Джейк, казалось, гордился тем, что представил меня как свою спутницу. Мы смеялись. Танцевали. Шутили. Он обнимал меня за талию, когда я стояла рядом. Я льнула к нему, просто чтобы почувствовать, как его хватка усиливается. Потом я наблюдала, как он игнорировал тех, с кем разговаривал, чтобы оглядеть меня с ног до головы и понять, все ли со мной в порядке. Удостоверившись в этом, он улыбался. Иногда подмигивал. И меня одолевало особое чувство.

Но теперь, когда он стал молчаливым, задумчивым и появился этот сексуальный взгляд, у меня возникло другое чувство. Не тепло. Жар. Опаляющий огонь. Возбуждающий и горячий. Горячий типа как «промежность-вот-вот-подпалит-сиденье».

Страхиваю с себя это чувство и поворачиваюсь обратно к Кэму.

— Готов к следующему?

— Да. Если это хорошо, ты получишь оружие. — Он показывает мне свои пальчиковые пистолеты. — Если это отстой, получишь пальцы.

Он показывает мне оба средних пальца.

— Спрячь их, ковбой. Это считалка для пальчиковых пистолетов, если я когда-либо ее рассказывала.

— Об этом судить мне.

— Нам еще долго? У меня начинает болеть голова.

Я поворачиваюсь к Виктории и встречаюсь с ней взглядом.

— Виктория. У тебя от нас болит голова?

— Да, — невозмутимо отвечает она.

— К счастью для тебя, у меня есть кое-что, что поможет.

— О, слава Богу. — Она выпрямляется на сиденье и протягивает мне руку ладонью вверх.

Я качаю головой и цокаю. Обратная сторона того, что я напилась? Мой рот лишается

фильтра.

— Виктория, лучшее лекарство — смех. — Я поднимаю руку вверх. — И прежде чем в тебя вопьются занозы от этой палки, что в твоей заднице, просто выслушай меня. Если не рассмеешься над этим, до конца поездки я не скажу больше ни слова.

Она выглядит сомневающейся.

— Правда?

— Честь скаута. — Показываю ей вулканский салют (*прим.: вулканский салют — приветственный жест рукой, поднятая вперед ладонь с разведёнными средним и безымянным пальцем и вытянутым большим, исполненный Споком, персонажем-полувулканцем телесериала конца 1960-х годов «Звёздный путь». Обычно понимается как «Живи долго и процветай», а также считается жестом согласия*). Она ни хрена не понимает разницы.

— Хорошо.

— Твои пальчиковые пистолеты готовы?

Она тяжело вздыхает, поднимает пальчиковые пистолеты и саркастически дергает головой.

— Счастлива?

Я почти теряю самообладание, когда она действительно убирает их в кобуру. Кэм отворачивает голову, чтобы скрыть улыбку, и даже губы Джейка кривятся.

— Да. Спасибо. Итак... Жил-был человек из Гента. Чей член был таким длинным, что загибался. Чтобы избавить себя от лишних хлопот, он сложил его вдвое и вместо того, чтобы кончить, скончался.

Кэм «стреляет» в воздух. Джейк поднимает бокал. Я оглядываюсь через плечо на Росса, тот показывает мне большой палец. Виктория изо всех сил старается не рассмеяться. И терпит неудачу. Покорно вздохнув, она стреляет из своих пальчиковых пистолетов.

Мы с Кэмом подбадриваем друг друга. Он указывает на Викторию.

— Твои пальчиковые пистолеты такие чертовски сексуальные.

Затем Виктория бросает на него мечтательный взгляд и говорит:

— Не могу дождаться, когда проглочу твой член.

Постойте.

Чего?

Эй... откуда, черт возьми, это взялось?

Неловкое молчание.

Даже Кэм не знает, что сказать. Он даже не шевелится. И стонет. Что усиливает неловкость, потому что теперь все в машине знают, что у него стояк.

— Мистер Суэггер. — Росс объявляет о нашем прибытии и, когда машина замедляет ход и останавливается, быстро поднимает перегородку. Бедный парень. Дорога через весь город до дома Кэма в такую погоду займет целую вечность.

— Не трахайся в моей машине, Кэм. Я серьезно, — предупреждает Джейк, как только дверца открывается. Мне кажется, я слышу, как Росс бормочет «спасибо», но не уверена.

Джейк помогает мне выйти и держит за руку, когда мы ступаем в вестибюль. Но как только мы оказываемся внутри, отпускает.

— Мы сами, Альфред. — Он салютует бокалом, и Альфред кивает.

— Приятной ночи, сэр.

— В планах, — голос Джейка звучит хрипло.

Срань господня.

Что это значит?

По пути к лифту он держится от меня на почтительном расстоянии. Оказавшись в ящике смерти, я встаю в один угол, а он остается в другом. Мурлычу свою лифтовую песню. Я ужасно фальшивлю, потому что очень отвлечена сексуальной химией, возникшей между нами, и всеми сексуальными вопросами в своей голове.

Он собирается меня трахнуть?

Будем ли мы заниматься этим всю ночь?

Например, раз шесть?

Прямо как в книгах? Даже, несмотря на то, что мы оба под мухой и никто не хочет просыпаться в четыре утра с похмельем и липкими бедрами, чтобы удовлетворить свои ненасытные желания?

Мы доходим до двери его квартиры. Он открывает ее и отступает назад, жестом приглашая меня внутрь. Мои руки теребят мех шубки. Боясь, что могу общипать чертову шкуровку налысо, снимаю ее и кладу на кресло. Затем подхожу к окнам. Потому что мне нужно отвлечься. Это не помогает. Я чувствую себя так, словно нахожусь в пузыре.

Пузырь.

Жевательная резинка.

Сочный фрукт.

Зимняя свежесть.

Двойная мята.

— Заявление о двойной мяте — величайшее достижение жевательной резинки.

Делаю оборот на сто восемьдесят, оказываясь спиной к окну. У меня было отличное финальное движение, но Джейк стоит без пиджака. Галстук-бабочка снят. Первые три пуговицы рубашки расстегнуты. И спасибо вам, боги смокинга, на нем нет этой странной фиговины в виде корсета для спины.

— Судя по всему, дело было не в коридоре. Ты все время несешь странную чушь, да?

— Да. Несу. Вроде как. И много. Особенно, когда нервничаю.

Он идет ко мне. Медленно. Как хищник.

Дыши.

Сглотни.

Соберись с мыслями.

— Ты нервничаешь, Пенелопа?

Моя спина ударяется о стеклянную стену позади. Он берет меня в клетку. Одной рукой опирается на окно рядом с моей головой и смотрит на меня сверху вниз. Я чувствую в его дыхании запах виски. Мой взгляд падает на стакан, и он подносит его к моим губам. Я делаю глоток.

— Отвратительно, — говорю я, пытаюсь не подавиться жидким огнем, опаляющим горло.

Его губы кривятся.

— Я спросил, нервничаешь ли ты.

— Н-нет. Нисколечко. Не-а. Нет.

— Твой пульс говорит о другом. — Он проводит пальцем по моему горлу.

— Должно быть, это из-за виски.

Сердце! Перестань так сильно биться!

— Тебе понравилось, когда я поцеловал тебя, Пенелопа?

Почему он так произносит мое имя? Будто ведет грязные разговорчики. Как будто мы в спальне, и он шепчет мне на ухо: «Сними трусики».

Я дрожу.

— Предположу, что это означает «да».

— Да. Это «да». Мне понравилось. Было приятно. Отлично... здорово. Ага.

— Хм. — Он ведет пальцем по центру моей груди. Дно стакана в его руке скользит по коже, заставляя меня извиваться. Он допивает остатки виски и ставит стакан на стол рядом с нами.

Наклоняется ко мне. Его взгляд перемещается с моих глаз на губы. Туда-сюда. Туда-сюда.

— Можно я тебя поцелую?

Я киваю так сильно, что затылком ударяюсь о стекло. Я даже не чувствую этого.

— Скажи это.

Эм. Ладно.

— Поцелуй меня, Джейк.

И он целует. Его поцелуй нежный. Сладкий. Чувственный. Эротичный. Он становится еще более насыщенным, когда виски и присущий Джейку вкус, и мой вкус, смешиваются в самый восхитительный коктейль, который я когда-либо пробовала.

Он целует меня бездумно. Небрежно. Целует так, что я улетаю в другую Вселенную. Чикаго больше не за моей спиной, а за тридевять земель отсюда.

— Моя, моя, моя Пенелопа. — Он прерывает поцелуй, чтобы прошептать эти слова мне в губы. — Какой у тебя сладкий ротик.

— Спасибо. — Прозвучало очень глупо. Почему я так сказала?

— За что? За комплимент или поцелуй? — поддразнивает он.

— За все? Хотя в основном за поцелуй. В смысле, комплимент был приятным, но поцелуй был еще более приятным.

— Рад, что тебе понравилось. — Его голос срывается. — Но это был не тот поцелуй, с которым я просил.

Ладони.

Они скользят вниз по моей талии. По бедрам. Под платье. Вверх по обнаженному бедру. Джейк опускается передо мной — опускается на одно колено самым медленным, самым соблазнительным способом, который только можно вообразить. Все время, не сводя с меня глаз, цепляет кружевную полосочку моих трусиков и спускает их вниз по ногам. Поднимает одну мою ногу, снимая с нее трусики, затем другую, и отбрасывает кусочек кружев через плечо.

Кончиками пальцев прокладывает путь обратно вверх по моим ногам. Ласкает лодыжки. Икры. Колени. Местечко под коленями. Выше. Забирает с собой ткань платья, пока оно не скомкано в этих больших ладонях на моей талии.

Ему видно все.

Кажется, вид ему нравится.

Он, конечно, пристально рассматривает меня *там*.

Я краснею во всех местах. Извиваясь от неуверенности, потому что его идеальное лицо находится прямо перед моей голой киской.

Спасибо тебе, цыпочка с воском. Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Зелено-серо-голубые глаза поднимаются, затуманенные похотью и почти скрытые под длинными темными ресницами. Когда уголок его губ приподнимается в сексуальной ухмылке, мне хочется съесть его лицо.

— Скажи мне правду, Пенелопа. Тебя когда-нибудь целовали... — его взгляд на мгновение возвращается к моему лону, а затем снова ко мне. — Сюда?

О, мой бог.

Что мне делать?

Солгать?

Сказать правду?

Проверка мочевого пузыря....

Ладно, я в порядке.

Так что же мне делать?

Сказать что-нибудь язвительное?

Вообще ничего не говорить?

Сказать, чтобы он перестал тратить время впустую и просто сделал уже это сейчас?

Правду. Я собираюсь сказать ему правду. И мне не будет стыдно.

— Нет.

— Нет, что?

С трудом сглатываю. Я знаю, что здесь сказать. Я читаю книги и прочее дерьмо.

— Нет, сэр.

Он одаривает меня дьявольской ухмылкой.

— Я имел в виду, что хочу, чтобы ты произнесла эти слова, Пенелопа.

Твою мать... возможно, за той запертой дверью все-таки не игровая комната.

— Я... — Закрываю глаза и делаю вдох. Тот факт, что моя вагина все еще перед его лицом, не расслабляет и не заставляет думать яснее. — Не могли бы вы, пожалуйста, повторить вопрос, сэр?

Вот ведь гадство, я сказала это снова.

— Как почтительно. Вообще-то это никогда не было мое фишкой, но, думаю, мне нравится слышать это слово из твоих уст.

Я приоткрываю один глаз и вижу, что он смотрит на меня снизу вверх. Он явно развлекается. Я полностью унижена. А он еще даже не лизнул меня.

Его большие пальцы рисуют круг на внутренней стороне моего бедра. Я дергаюсь и издаю самый жалкий хнычущий звук. Мне стыдно. Я стесняюсь. Нервничаю. Все это мне не привычно. Должно быть, он замечает это, потому что сжаливается надо мной.

— Пенелопа, посмотри на меня. — Ухмылка исчезла. В его глазах нет ни капли веселья. Только дикое желание и грубое чувство собственности. — Мужчина когда-нибудь целовал тебя сюда? Да или нет?

Я качаю головой.

— Нет.

Его веки опускаются, и он рычит.

— Чертовски жаль.

Моя голова откидывается назад. Пальцы цепляются за стекло в поисках чего-нибудь, за что можно зацепиться. Голосовые связки раскрываются, и крик вырывается из глубины моей груди.

Его рот на моей вагине.

Его язык на моей вагине.

Облизывает щелочку.

Скользит между губ.

Исследует.

Дегустирует.

Пожирает.

Он двигается подо мной. Поднимает одну мою ногу, чтобы опустить себе на плечо. Раскрывает меня. Дает себе полный доступ ко всему. Я стону так громко, что это заглушает грохот в ушах. Что бы он ни делал с клитором, я превращаюсь в бесстыдную, возбужденную, сумасшедшую маньячку, которая эгоистично хочет больше этого... круг языком-посасывание-поцелуй-повтор.

Нащупываю его голову. Пальцами перебираю волосы. Крепко удерживаю его. Там, где он сейчас. Громко умоляю:

— Да. Так. Вот так.

Он стонет.

Я дрожу.

Колени почти подгибаются.

Его хватка усиливается.

Сжался.

Этот мужчина стоит на коленях. Заставляя меня чувствовать то, чего я никогда не испытывала. Целует там, где меня никогда не целовали. Никаких ограничений. Никаких поддразниваний. Сосет и лижет, поднимая меня все выше, выше и выше.

Я и представить себе не могла, что это может быть так хорошо.

Никогда не знала, чего была лишена.

Но даже если бы у меня имелся опыт в этом типе поцелуев, сомневаюсь, что любой мужчина, кроме Джейка Суэггера, знал бы, как прикасаться ко мне так, как это делает он. Как дать именно то, что мне нужно. Как взять то, чего он хочет, потому что он знает, что я тоже этого хочу.

Можно представлять это красивым и называть это красивым, но есть только один верный способ описать оргазм.

Безрассудное.

Охрененное.

Освобождение.

Что я и делаю.

Я не сдерживаюсь. Не могу. Это физически невозможно. Но даже будь это так, я бы этого не сделала. Потому что Джейк Суэггер не только ожидает, что я отдамся ему вся, но этот мужчина, черт побери, заслуживает этого. Он заслужил право знать, что со мной делает. Что творит. Как увел меня от всего, что я знаю, далеко от того места, где я нахожусь, и где когда-либо находилась, и перенес туда, где единственное, что имеет значение, — это его рот.

На моей вагине.

Избавлю вас от подробностей моих криков, дрожи и пульсирующих волн изысканного удовольствия и просто скажу: я кончаю.

Он прокладывает поцелуями путь вверх по моему телу. Ладони скользят по моей спине, расстегивая молнию платья. Стягивает ткань с плеч, и та лужицей растекается у моих ног.

Его рот опускается к моей груди. Он целует один сосок, одновременно теребя пальцами другой.

Я дрожу. Мурашки покрывают тело. Не от холода, а от последствий того, что я только что испытала. Я все еще пытаюсь оправиться от лучшего оргазма в своей жизни. И его прикосновения к моему сверхчувствительному телу не помогают спуститься с вершины кайфа — они заставляют меня хотеть большего.

Меня приподнимают. Мои ноги обвиваются вокруг его талии. Пальцы все еще в его волосах. А он поддерживает меня за задницу. Губы оставляют влажные следы на моей шее. Я ударяюсь спиной о диван. Большое, теплое тело Джейка накрывает меня.

— Я хотел трахнуть тебя на этом диване с того момента, как пришел домой и нашел тебя на нем.

Я киваю.

— Да, — выдыхаю я, задыхаясь. — Я тоже.

Он снимает рубашку. Кончиками пальцев скольжу по его груди. Соскам. Плечам.

— Твои прикосновения так же хороши, как и твой вкус.

Я смотрю на него. Он наблюдает за мной. На коленях между моих бедер. Поглаживая его член через штаны, исследую его руками.

— Наверное.

Он выгибает бровь.

— Ты не знаешь, какова ты на вкус?

Я качаю головой.

— Я всегда надеялась, что это похоже на солнечный свет. Или дождь. Или Skittles. Но я ела всякую нездоровую пищу. И много сегодня танцевала. Поэтому боюсь, что на вкус могу быть как дешевое пиво. Или подмышки. Или, боже упаси, морепродукты.

Он смеется.

— Клянусь, если бы твоя наивность не была такой охрененно сексуальной, или твое тело не было таким великолепным, или от того, как ты кончаешь, у меня так чертовски не твердел член, ты могла бы испортить настроение тем дерьмом, что несешь.

Хм... что ж, это самое приятное, что он когда-либо мне говорил. И, честно сказать, от этого я немного стесняюсь. Прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку, и отвожу взгляд.

Его большой палец скользит по моему лону. Он слегка поглаживает клитор, затем погружает кончик большого пальца внутрь. Я хнычу, когда он выходит. И снова хнычу, когда он облизывает и прикусывает подушечку большого пальца.

Он наклоняется и касается носом моего носа. Делаю вдох. Глубокий. Он ухмыляется. Затем целует меня достаточно долго, чтобы наполнить мой рот моим вкусом.

— Ну?

Я хмурюсь.

— Не уверена. Я, правда, не могу дать этому описания. Но это определенно не подмышки. И не морепродукты.

— Нет, не они.

— Дешевым пивом или дождем я бы это тоже не назвала. И, к сожалению, на вкус это совсем не похоже на Skittles.

— Значит, солнечный свет?

— Не будь смешным, Джейк. — Я закатываю глаза. — Никто не знает, каков солнечный свет на вкус.

Мне очень нравится, как его смех грохочет у меня в груди. И когда он опускает голову, чтобы поцеловать меня в шею, мне это тоже нравится.

— Хочешь знать, какая ты на вкус для меня, Пенелопа? — Его губы движутся вниз по моей шее, оставляя дорожку поцелуев на моем плече.

— Л-ладно.

— Как самый сладкий вид греха.

Поцелуями он возвращается к шее.

— Как сексуальная невинность.

Покусывает мочку моего уха. Лижет ушную раковину. Затем рычит:

— Как мой чертов криптонит.

Меня обвиняли во многом. Быть чьим-то криптонитом не входило в их число. Я даже не уверена, хорошо ли это. Тем не менее, это что-то зажигает во мне.

Я притягиваю его губы к себе. Крепко целую. Вдыхаю в себя свой грех. Вкушаю собственную невинность. Использую ту недавно обнаруженную радиоактивную силу, которой обладаю, чтобы заставить его дать мне то, что я хочу. То есть его, голого. И внутри меня.

Пальцами тереблю пуговицу на его брюках. Он отталкивает мою руку и принимается за дело сам. Спускает штаны чуть ниже бедер. Вытаскивает член. Поглаживает его пару раз. Затем, пока он достает бумажник из заднего кармана, я поражаюсь большой штуковине, которая каким-то образом должна поместиться внутри меня.

Да, я знаю, что этим злоупотребляют в каждом любовном романе. Репликой «вместится ли он», за которой следует ответ: «не волнуйся, детка, вместится». Но серьезно. Как, черт возьми, он туда влезет?

Эта штуковина выглядит как чертова пол литровая банка кока-колы. Влагалище не просто растянется. Его разнесет ко всем чертям, чтобы вместить это чудовище. И этого не произойдет. Секс? Между нами? Нет, его тоже не будет.

Кстати, теперь я понимаю, что имеют в виду героини, называя пенис прекрасным. Никогда не думала, что член может быть красивым. Но он действительно красив. Ну, для члена. В смысле, он не идет ни в какое сравнение с закатом, или ясным голубым небом, или долгожданным рождением детеныша знаменитого жирафа, но по сравнению с другими пенисами, которые я видела — в реальной жизни и по телевизору — он прекрасен.

— Эй... — нежный голос Джейка вырывает меня из моих мыслей. На его лице отражается беспокойство. — Ты в порядке?

— М-м-м? О. Да. Но, эм, да. Нет. Это, — я указываю на его член, — это не войдет и это. — Моя рука скользит вверх и вниз вдоль моего торса. Я бы дошла до самого горла, но здесь я придерживаюсь реальности. Ни один пенис не бывает таким длинным.

На его лице медленно расплывается улыбка.

— Это более лестно, чем «сэр».

Я приподнимаюсь на локтях.

— В самом деле? Думала, ты разозлишься.

— Потому что ты сказала, что у меня большой член? Детка... умоляю.

Он продолжает называть меня деткой, и я позволю ему засунуть эту штуку мне в задницу.

— Я чуть не кончил, просто услышав это.

— Тогда, хочешь, повторю это еще раз? Раз ты желаешь кончить таким способом?

Потому что я говорила серьезно, когда сказала, что ничего не получится. — Я снова провожу рукой по торсу.

Его голова слегка наклоняется, и он изучает меня со смесью надежды и неверия.

— Ты девственница?

— Ты серьезно только что спросил меня об этом? — Качаю головой, глядя на него.

— Значит, нет?

— Нет, не «нет». Я недоверчиво покачала головой. Таким был мой ответ.

— Значит, да?

— Джейк, это очень личный вопрос.

— Мы пересекли границу личного, когда ты, прижавшись к окнам, выкрикивала мое имя, кончая мне на лицо. Полагаю, для меня безопасно спросить, девственница ли ты.

Справедливо.

— Я не девственница. У меня был секс. Немного, но достаточно, чтобы понять, что твой член слишком для меня велик. У меня узкий канал, Джейк.

Он стонет, будто от боли, и ласкает себя.

— Твой язык убивает меня, детка.

Ладно. Пусть делает, что хочет. А если разорвет меня пополам? Оно того стоило.

Шучу.

Он этого не сделает. Слова мужчины «Я погублю тебя для любого другого мужчины на планете» предполагают, что он великолепен в постели. В этом случае Джейк погубил бы меня по совершенно другой причине. Поговорим о сардельке в коридоре.

— Я боюсь.

Признание становится для меня шоком. Почему я так сказала? Почему прошептала это голосом, в котором слышался страх? Почему, глядя на его красивое лицо со смягчившимися чертами, чувствую, что сказала именно то, что нужно?

Джейк засовывает твердый член, на котором теперь презерватив, в боксеры и натягивает штаны на бедра, не потрудившись их застегнуть. Наверное, потому, что не может. Он встает и протягивает мне руку.

— Пойдем.

Я беру его за руку и позволяю поднять меня с дивана. Он хватает плед и укутывает им мои плечи, прежде чем отвести на кухню. Там он поднимает меня, усаживая на стойку, наливает нам по бокалу вина, протягивает один мне, чокается со мной и делает большой глоток.

Я выдуваю свой до капли.

Он наливает мне еще.

— Лучше?

Я киваю.

— Да. Спасибо.

— Не такой уж он большой, Пенелопа.

Закатываю глаза. Я думала, у нас приятный момент. А он просто хочет напоить меня и трахнуть.

— Ты проводил исследования на эту тему? Сколько пенисов ты видел, Джейк?

— Вероятно, больше тебя. И сотри это выражение со своего лица. Нет. Я не гей и никогда им не был. Но я мужчина. Который мочится в общественном туалете. И смотрит порно. И, возможно, мерился или не мерился членом со всеми парнями из университетского

братства.

— И кто же победил?

Он делает глоток вина.

— Так я и думала.

То, как он смотрит на меня — с любопытством, будто я загадка, но в то же время очарованный тем, что уже разгадал, — заставляет меня снова испытать это чувство. То, как он облизывает уголок губ и опускает глаза на мои ноги, заставляет меня переосмыслить всю эту ситуацию с «он не вместится». И когда он заправляет мои волосы за ухо, смотрит мне прямо в глаза и шепчет: «Ты действительно само воплощение красоты, Пенелопа Харт», клянусь, я чувствую, как мое влагалище расширяется только для него.

Какого хрена я делаю?

Действительно ли он такой большой?

Я даже не выпиваю пол литровую банку кока-колы.

Не помню, когда в последний раз такую видела.

Но что я знаю?

И помимо того факта, что я сижу голая на кухонной стойке пентхауса, принадлежащего самому завидному холостяку Чикаго, который, так уж случилось, является самым горячим мужчиной на планете, у меня есть возможность получить реальный жизненный опыт с моим Тем Самым Парнем. Это исследование. Никто не попал в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» с книгой, для которой не было проведено исследования.

Вздых....

Я делаю это, чтобы стать хорошим писателем.

Допиваю вино. Забираю у него бокал и допиваю его тоже. Сбрасываю плед с плеч. Обвиваю руками его шею. Притягиваю к себе. Обхватываю ногами его талию. И стискиваю его волосы в кулаке.

— Поцелуй меня, Джейк.

Через несколько мгновений мы снова на диване. Наши движения безумны. Мои, потому что он мне нужен. Его, потому что он, вероятно, боится, что я могу передумать. Но этому не бывать. Потому что он хватает меня за запястья. Фиксирует их у меня над головой. Смотрит на меня долгим, задумчивым взглядом, а затем спрашивает:

— Детка, ты уверена?

Детка.

Ах.

Если бы я не была уверена раньше. Теперь точно уверена.

— Пожалуйста.

Его рот на моем соске. Руки обхватывают мою задницу. Бедрa прижимаются ко мне. Он опускается ниже. Ниже. Ниже. Его язык находит клитор и исполняет тот танец, в котором он так хорош. Он просовывает внутрь меня палец. Я немного смущена тем, как легко он проскальзывает внутрь. К первому пальцу добавляется второй, и им тоже нет особого сопротивления.

Мне не требуется много времени, чтобы достичь той точки, когда мне все равно, сможет ли туда въехать маленький внедорожник. Я кончаю так сильно, кричу так громко, взлетаю так высоко, чувствую себя так. Охрененно. Хорошо. Я боюсь, что могу потерять сознание.

Он спрашивает меня о чем-то, и я киваю. Понятия не имею, на что только что

согласилась, но это не имеет значения. Если я умру, то уйду на тот свет, зная, что искры действительно сыпятся из глаз, когда испытываешь правильный оргазм.

Знаете, сейчас мне даже стыдно смотреть Джейку в глаза. Потому что его большой член-банка, который, как я клялась, не поместится во мне, скользит в меня без каких-либо усилий, кроме медленного, настойчивого толчка. Джейк произносит свою речь «Такая чертовски тугая» с жалобным вскриком, и я знаю, что это просто для того, чтобы мне стало лучше.

— Ты должна расслабиться, красавица. Поверь мне. Я не причиню тебе вреда.

Я смотрю на него. Серьезно, засранец? Тебе обязательно было говорить это вслух? Очевидно, что он не причинит мне вреда. Потому что также очевидно, что я не такая узкая, как мне казалось.

Чтобы ублажить его, я громко выдыхаю и расслабляю каждый мускул. Словно из меня выпустили весь воздух. Полностью сдуваюсь и погружаюсь примерно на три дюйма в диванные подушки. Я и не подозревала, насколько напряжена была на самом деле.

Как и не подозревала, что Джейк даже наполовину не вошел в меня.

Ничего не могу с этим поделать. Я улыбаюсь. Широкой, коварной ухмылкой. Ну, знаете... потому что узкий канал и все такое.

— Вижу, ты очень гордишься собой.

Он толкается глубже, и моя улыбка превращается в букву «О». Он отстраняется, толкается еще немного, и я стону. В следующий раз у меня перехватывает дыхание, и он делает паузу, чтобы бездумно зацеловать меня и напомнить мне дышать, прежде чем выйти и полностью погрузиться обратно.

Ох...

Ты ж...

Бл*ть.

Он большой. Очень-очень большой. Я слышала, что подобное ощущение описывается как чувство наполненности. Я уже наполнена до краев. У меня перегрузка членом. Я чувствую ублюдка позвоночником. Одно неверное движение — и паралич обеспечен. Эта хреновина неестественна.

— Пенелопа...

Я чертовски надеюсь, что этот сдавленный крик вызван тем, что он только что кончил, и все завершилось, и он может выйти из меня, пока я все еще чувствую свои ноги.

— Если не прекратишь сжимать мой член, ты его задушишь.

— Что?

Он усмехается. Что-то бормочет. Опускает рот к моему. И я таю. В тот момент я понимаю, о чем он говорит. Он не уменьшается в размерах. Мое влагалище тоже не становится больше. Но без мертвой хватки Кегеля ощущения меняются. Все еще более чем наполненные, но совсем не неприятные. Что хорошего в больших членах? Они могут достичь таких мест, вызывая ощущения, о существовании которых большинство женщин даже не подозревают.

Но поверьте мне на слово. Они существуют.

— Ты слишком много думаешь. — Он вращает бедрами, и я ахаю. — Если я не могу заставить тебя забыть обо всем, кроме меня, значит, делаю что-то неправильно.

— Ты прав. — Я улыбаюсь ему. — Возможно, вам следует усилить свою игру, мистер Суэггер.

Его улыбка порочна.

— С удовольствием, мисс Харт.

Мне правда нужно научиться держать рот на замке.

Меня бы устроил обычный ванильный секс — я на спине. Он толкается и всхрапывает, пока я стону и цепляюсь за его предплечья. Но когда Джейк Суэггер активизирует игру, это все равно что перейти из младшей футбольной лиги в НФЛ. Просто... в одну минуту ты квотербек ростом в три фута, у тебя не хватает двух передних зубов, ты делаешь паузу на середине броска, чтобы твоя мама могла сфотографировать тебя, а в следующую ты шестифутовый гигант из рекламы Nike, с «Maserati» и двумя супермоделями, одна из которых готовит тебе ужин, а другая лижет твои яйца.

Джейк Суэггер не валяет дурака.

Прежде чем успеваю осознать, что происходит, меня переворачивают на живот. Бедрa приподнимают. Колени раздвигают. Задницу подтягивают вверх. Спину выгибают дугой. Волосы собирают в кулак. Голову тянут назад, чтобы я могла видеть наше отражение в окнах.

Мне нравится, как он прикасается ко мне. Как скользит рукой вверх по моей спине и ребрам, гладит грудь, вместо того, чтобы просто дотянуться и схватить ее. Это делает непристойную позу, в которой я нахожусь, чувственной. Заставляет меня ощущать себя сексуальной. И делает его хорошим любовником.

— Когда я трахаю тебя вот так... на коленях... и твоя хорошенькая маленькая попка в воздухе... ты чувствуешь меня всего. — Его рука скользит вниз по моему животу, обхватывая киску. — Эта сладкая пи*да будет ощущать меня несколько дней.

Кончик среднего пальца погружается в меня. Затем он проводит влажной подушечкой по моим складкам, по клитору.

— Мы начнем медленно и осторожно. Ты скажешь мне, когда захочешь большего. Я позволю тебе задавать темп, детка. — Его голос падает до шепота. — Но мне решать, когда ты кончишь.

Он нежно целует меня в висок, будто дорожит мной. Будто я значу для него больше, чем вздернутая вверх задница и быстрый трах. В этот момент близость противоречит всему. Именно то, чего я всегда хотела от секса. Но не знала до сих пор.

Все тело вибрирует от пульсирующей энергии, которая никогда не угаснет. Когда Джейк отпускает мои волосы, чтобы провести руками по моему позвоночнику и бедрам, я со вздохом меняю позу. Он быстро поправляет меня.

— Задницу выше, красотка. Выгни спину. Я хочу видеть каждый дюйм тебя. Смотреть, как твоя киска поглощает мой член.

Бл*ть. Черт. О, боже.

Делаю, как он говорит. Не теряя времени, Джейк толкается в меня. Я оглядываюсь через плечо и дрожу при виде этих серо-зелено-голубых глаз, затуманенных похотью. Потемневших от страсти. Губы приоткрыты, он дышит глубоко — его грудь поднимается и опускается медленно, в такт толчкам. Его вид возбуждает так же сильно, как и то, что он делает со мной.

Он глубоко — очень глубоко. Я восхитительно наполнена. Сильно растянута. Его размер вызывает ощущения, граничащие с болью, что только усиливает удовольствие. Мой ответ — непрерывная песнь громких стонов, которые подобны катарсису. Я больше их не контролирую, ими владеет то, что движется в моих глубинах. Или пот, выступающий

бисеринками на моей коже, когда я борюсь с дрожью, горящей внутри меня. Или потребность в большем. Совсем немного большем. Ровно настолько, чтобы столкнуть меня с обрыва.

— Еще, Джейк.

Он движется немного жестче. Этого недостаточно.

— Еще.

Его бедра двигаются немного быстрее. Этого недостаточно.

— Еще... пожалуйста.

Его слова становятся немного грязнее.

— ...мне нравится, какая жадная твоя гребаная киска...

И все же я не могу достигнуть освобождения. Он толкается в меня, безжалостно двигая бедрами. Оставляя синяки на задней поверхности моих бедер. Раздвигая меня руками. Обнажая каждую частичку меня и напоминая, как сильно это зрелище его возбуждает. Но без прикосновения его языка или пальцев к клитору я просто... не могу.

— Джейк, я...

Мой голос срывается. Неудовлетворенность нарастает. Потребность становится непреодолимой. Я подмахиваю ему. Встречаю его толчки. Я мокрая, распутная, бесстыдная дрянь. Никакого смирения. Я полна отчаяния.

— Скажи мне, детка.

Он перемещается позади меня, и от этого движения я напрягаюсь. Он не останавливается, лишь немного замедляет темп, пока я приспособливаюсь. Через несколько секунд я снова толкаюсь в него. Надеюсь, это нужный мне ракурс. Но мое освобождение все еще вне досягаемости.

Я хнычу. Если не кончу в ближайшее время, то сгорю или, по крайней мере, мое влагалище будет безвозвратно растерзано.

— Пожалуйста, Джейк. Мне нужно... мне нужно...

— Я знаю, что тебе нужно, милая девочка. — О... то, как он говорит.

Глубоким тенором. Утешая. Давая невысказанное обещание свободы. Сейчас я готова на все ради этого мужчины. Я никогда не испытывала такого желания угодить кому-либо, как ему в этот момент.

Его ладонь обхватывает мой живот и поднимает меня. Моя спина прижата к его груди. Его губы на моей шее. Руки на моей груди. Потом... ох.

Ох.

ОХ.

— Вот оно — сладкое местечко, — бормочет он, входя в меня длинными, плавными движениями.

Ладонь скользит вниз по моему животу. Находит клитор. Ласкает самым медленным, самым мучительным способом. Удовольствие набирает обороты, но в таком темпе, на который у меня не хватает терпения.

— Расслабься. Чем меньше будешь торопить события, тем лучше будут ощущения. — Он снова целует меня в висок. — Обещаю.

Делаю, как он говорит, и расслабляюсь. Это чувство усиливается по мере того, как я поднимаюсь все выше, пока не доходит до того, что я начинаю бояться того, что ждет меня наверху. Я подавляю рыдание.

— Джейк....

— Знаю, детка.

— Я не могу...

— Ш-ш-ш....

Ногтями впиваюсь в его бедра. Все мое тело становится жестким. Дыхание покидает меня. За веками на фоне темноты вспыхивают цветные круги. В ушах звучит глухой, почти оглушающий звон.

Я рассыпаюсь вокруг него.

Удовольствие захлестывает волнами.

Снова, снова и снова, пока я безвольно не прижимаюсь к нему. У меня нет сил что-либо делать. Мои конечности вялые, и единственное, что удерживает меня от падения, — это его хватка.

Он выходит из меня и осторожно опускает на бок на диван. Плед окутывает меня теплом. С моих ног снимают туфли.

Его шаги бесшумны, когда он уходит. Наверное за теплой салфеткой, чтобы вымыть меня, как делают все хорошие Те Самые Парни. Свет гаснет. Или, возможно, этим он и был занят.

Я предвкушаю, как снова почувствую его губы на виске, получая поцелуй на ночь. Дрожу при мысли о том, как он скользит под плед и притягивает меня в свои объятия. Борюсь со сном только для того, чтобы дождаться его возвращения.

Но он так и не приходит.

Глава 13

— Пенелопа.

Низкий голос, зовущий меня по имени, принадлежит не Эмили. Сильная рука, трясущая меня за плечо, тоже принадлежит не ей.

Ко мне возвращаются воспоминания.

Пылающее собачье дерьмо.

Тюрьма.

Джейк.

Вечеринка.

Секс.

Ммм... секс.

— Пенелопа. Вставай.

Я стону и натягиваю плед на голову.

— Отстань.

Громкий, драматичный выдох.

— Кэм, сделай что-нибудь.

Тишина.

Еще больше тишины.

Теперь мне любопытно.

Я переворачиваюсь и выглядываю из-под пледа, чтобы увидеть Кэма, сидящего на пуфике менее чем в двух футах от меня. Он ухмыляется.

— Доброе утро, принцесса. Выглядишь ужасно.

В костюме он — само совершенство.

— Сегодня воскресенье. Почему ты так одет?

— Потому что я на работе.

Я оглядываю гостиную.

— Ты работаешь здесь?

— Да.

— В доме Джейка?

— Когда это необходимо. — Он поднимает дымящуюся чашку. — Кофе?

— Днем я предпочитаю «Маунтин Дью». — Я смотрю в окно. Снаружи так же серо, как и вчера. — Ведь уже после полудня, да?

— Сейчас восемь утра.

— Тогда зачем ты меня будишь? — не могу сдержать раздражения в голосе.

— Потому что мне так сказали.

— Ты работаешь на Джейка, да?

Он щиплет меня за кончик носа.

— От тебя ничего не ускользнет. А теперь вставай. Серьезно.

Меня захлестывает волна печали.

— Ты отвезешь меня домой?

— Что она все еще делает на диване?

Громоподобный голос Джейка кружит мне голову. Он только что из душа, одет в джинсы и свитер. Он подходит к нам и садится в кресло. Боже, как же классно он выглядит этим утром. Мои бедра покалывает от воспоминаний, каким великолепным он был прошлой ночью.

Бросаю взгляд в сторону окна. На то самое место, где он опустился на колени. Краем глаза замечаю, как его взгляд следует за моим. Я смотрю на него, когда он поворачивается обратно.

Он ухмыляется.

— Чего только не сделаешь по-пьяни.

Ой.

Вероятно, не было бы так больно, если бы не всплывшее воспоминание о том, что еще произошло тем вечером. То, что я попыталась забыть этим утром. На вечеринке между нами что-то вспыхнуло. Он назвал меня самой красивой женщиной в Чикаго. Мы вместе танцевали. Большую часть вечера он держал меня за руку.

Потом мы вернулись домой. И он трахнул меня так, как никто не трахал. Целовал там, где никто не целовал. Говорил такое, отчего я чувствовала, что что-то значу для него. Я не настолько глупа или наивна, чтобы думать, что он безнадежно влюбился в меня, и прошлая ночь стала началом нашего счастливого будущего. Но я ожидала от него большего, чем это — остаться на диване в одиночестве.

Он обращался со мной как с мисс Симс.

Такой я себя и чувствую.

Он надевает ботинки и встает. Возвышаясь надо мной, заставляет меня чувствовать себя маленькой. От пренебрежения в его глазах я чувствую себя ничтожеством. И боль в груди усиливается.

— Сегодня ко мне придет очень важный клиент. Мне нужно, чтобы ты не попадалась ему на глаза. Можешь воспользоваться спальней для гостей. Вздремнуть. Принять душ. Мне все равно. Но ни при каких обстоятельствах не появляйся в моем кабинете. Поняла?

Мне нечего сказать, поэтому я просто киваю.

— Мой помощник занимается организацией твоего отъезда. К тому времени, когда моя

встреча закончится, нам дадут об этом знать.

Почему он так себя ведет?

Я никогда не была из тех, кто жалеет себя. Этот раз ничем не отличается. И так, Джейк Суэггер хочет отправить меня домой. Сегодня. И он задел мои чувства. Уже не в первый раз. И так же, как и в предыдущий раз, я сдерживаю эти чувства. О них я подумаю позже. Или никогда. Прямо сейчас я потрачу то небольшое время, что у меня осталось, сосредоточившись на своей мести — единственной вещи, которую я знаю лучше, чем Этого Самого Парня.

— Прекрасно.

Я встаю, прикрывшись пледом. Он соскальзывает и почти обнажает грудь, но я ловлю его как раз вовремя. И не пропускаю вспышку собственнического жара или предупреждение в глазах Джейка, когда он встает перед Кэмом, загораживая меня.

Отворачиваюсь, чтобы скрыть улыбку, и пытаюсь выйти из комнаты. Все не так просто. Моей бедной вагине хорошенько досталось этой ночью. И сейчас я это чувствую. Поэтому, в конечном итоге, мне приходится идти враскорячку, что, как я надеюсь, не слишком очевидно.

Но Кэму насрать на мои чаяния.

— Кому-то ночью засадили...

Сволочь.

Я не собираюсь принимать душ в гостевой спальне. После такого утра я заслуживаю понежиться в горячей, пенной ванне размером с аквариум в хозяйской спальне. Хотя, наверное, мне не стоило включать все эти пузырьки и форсунки. Оказывается, эти хреновинки могут стремительно выйти из-под контроля.

Кстати, когда героини утверждают, что у них «восхитительно болит» после грубого траха с горячим героем, они лгут.

В том, что я чувствую сегодня, нет ничего восхитительного. Это боль. Болит все. Мой долгое время не использовавшийся узкий канал раскурочен. Бедра в синяках. Клитор и соски сверхчувствительны. Конечности болят и затекли. А голова, кажется, вот-вот взорвется. Частично от алкоголя, частично от дерганья за волосы.

Следовало бы надрать задницу Джейку Суэггеру за то, что он не позаботился обо мне, не предложил массаж и не смазал обезболивающим кремом мои женские части тела. Первое, что он должен был сделать сегодня утром, это спросить о моем самочувствии. Затем сказать, что позаботится обо мне сегодня. Вот как поступил бы идеальный Тот Самый Парень.

Но сделал ли это Джейк?

Нет.

Почему?

Потому что он козел.

За отсутствием одежды, проскальзываю в гардеробную Джейка и роюсь в его вещах. Выбираю серую рубашку, которая свисает почти до колен. Закатав рукава, разглядываю себя в зеркале и делаю мысленную пометку украсть ее перед уходом. Если бы я подпоясалась в талии и надела туфли на каблуках, то наряд получился бы очень милым.

— Он бы взбесился, узнав, что ты здесь.

Я встречаюсь в зеркале со смеющимися глазами Кэма и пожимаю плечами.

— Тебе нравится жать на его кнопки, не так ли?

— Докажи мне, что он этого не заслуживает, и я остановлюсь. — Я поворачиваюсь к

нему. Он прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди. — Что ты здесь делаешь? Я думала, ты работаешь.

Он приподнимает плечо.

— Он злится на меня. Поэтому я ушел, прежде чем он сможет ранить мои чувства. — Его улыбка говорит мне, что он ни капельки не беспокоится о своих чувствах.

— Из-за чего он злится на тебя?

— Из-за того, что я сказал, что вы, — он стреляет в меня коварной ухмылкой, — ... трахались.

О.

— Предполагаю, он не распускает язык о своих похождениях?

— Это-то меня и смущает, Пенелопа. Он всегда рассказывает о своих похождениях. И я выражался так много раз. Но впервые это вывело его из себя.

Я бледнею.

— Хочешь сказать, что видел, как другие женщины совершали позорную прогулку на кривых ногах?

Он смеется.

— Нет. Это было впервые. Но только женщина на диване с растрепанными волосами и с похмелья всегда означает одно и то же. Кому-то засадили.

Кэм только что подтвердил мои худшие опасения. Ночью он действительно обращался со мной как с мисс Симс. И та бутылка, в которой хранятся мои оскорбленные чувства, почти переполнена. Но я освобождаю место. И сосредотачиваюсь на чем-то, что заставит меня злиться, а не грустить. Например, на том, что Джейк разрушил еще одну фантазию о Том Самом Парне. Если в этой истории он — герой, а я — героиня, тогда он должен был трахнуть меня там, где никогда не трахал другую женщину.

Заявляю официально.

Джейк Суэггер — не Тот Самый Парень.

Он — Тот Самый Мудак.

— Всегда в своих мыслях. — Кэм улыбается и отталкивается от дверного косяка. — Я ухожу. Тебе что-нибудь нужно?

— Нет. Я в порядке. Но, вероятно, мы видимся в последний раз, так может, обнимемся? Кроме того, мне нужен номер твоего телефона, чтобы дать его моей лучшей подруге Эмили, потому что мне нужно, чтобы ты в нее влюбился.

Глядя на меня, он качает головой.

— Ты спятила. И ты еще будешь здесь, когда я вернусь. Я уверен.

Мне хочется засыпать его вопросами. Спросить, почему он так чертовски уверен, что я все еще буду здесь. Но он загадочно, сексуально подмигивает и оставляет меня в тупике.

Пофиг. Я рада, что он ушел. Мне все равно нужно кое-что сделать. Например, найти чего-нибудь пожевать. Составить план. И испортить все, что происходит в кабинете Джейка.

— ...все остальное можно обсудить, но я обещаю вам, что мы будем твердо стоять на своем... — голос Джейка стихает, когда наши глаза встречаются.

Я стою в дверях его кабинета. В одной руке держу серебряный поднос с кучей всякого дерьма, что я нарыла на кухне Джейка. Другая рука — на моем бедре. На мне ничего, кроме рубашки и улыбки.

Вена на лбу Джейка дает о себе знать, и он ерзает на стуле. Вместо того чтобы сидеть в

своём рабочем кресле, он расположился рядом со своим клиентом — мужчиной средних лет, в «стетсоне», ковбойских сапогах, джинсах Wrangler и блейзере.

Идеально.

— Я так и думала, что вы, мальчики, проголодались, — щебечу я с самым сильным южным акцентом.

Мужчина встает. Джейк в ошеломленно-разгневанном состоянии немного медленнее следует его примеру.

— Так-так, — говорит мужчина и тепло улыбается мне. — Кто тут у нас?

Я улавливаю намек на акцент в его голосе. Определенно, не из здешних краев. И не такой глубоко южный, как у меня.

— Мистер Кэнтон — Пенелопа Харт. Пенелопа, это мистер Кэнтон. Он здесь по делу, — напоминает Джейк с ноткой раздражения, пытаюсь скрыть ее за улыбкой, которая не затрагивает его глаз.

— Приятно с вами познакомиться. Крекер? — Я протягиваю поднос.

— Нет, спасибо, дорогая. Я плотно позавтракал. — Он потирает свой слегка выпирающий животик.

— Выпьете?

— У нас все хорошо...

— Виски, если у вас есть? — перебивает Джим, бросая на Джейка косой взгляд.

— Конечно. Я тебе помогу, Пенелопа, — вызывается Джейк, подходя ко мне и бормоча что-то о том, что убьет меня, как только я скроюсь из поля зрения Джима.

— Спасибо, Джейк. — Сую поднос ему в руки и, проигнорировав его сжатую челюсть и жесткий взгляд, обхожу его и занимаю его место. — Могу сказать по вашему акценту, что вы не местный.

Продолжаю смотреть на мужчину, чтобы не встречаться взглядом с Джейком. Но все равно чувствую смертоносные волны энергии, которые от него исходят.

Джим усмехается, откидываясь на спинку стула.

— То же самое я мог бы сказать и о вас, мисс Харт.

— Зовите меня Пенелопа, пожалуйста.

Он приподнимает шляпу.

— Хорошо, Пенелопа. А вы можете звать меня Джим. Из какого штата ниже линии Мэйсона — Диксона вы родом? *(прим.: линия Мэйсона — Диксона — граница, проведенная в 1763–1767 гг. английскими землемерами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Джеремией Диксоном для разрешения длящегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке: Пенсильванией и Мэрилендом. Линия четко определила границы современных американских штатов Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и Западная Виргиния. До гражданской войны линия Мэйсона — Диксона служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга)*

— Из Миссисипи. А вы?

— Канзас. Я здесь по делам уже неделю. Должен был вылететь пару дней назад, но погода испортилась.

Я ахаю и наклоняюсь вперед, слегка хлопая его по колену.

— То же самое случилось и со мной!

— Вы в Чикаго тоже по делам? — Он подмигивает мне. — Или по какой другой причине?

— Определенно, по другой причине.

— Правда? — Его улыбка теплая и многозначительная. Будто, моя возможная причина пребывания здесь — Джейк. — И что же это за другая причина?

— Поджечь мешок с собачьим дерьмом.

Он хмурит брови.

— Прошу прощения?

— Ну, знаете, положить немного собачьего дерьма в пакет. Оставить его на крыльце. Поджечь. Позвонить в дверь и дожидаться, пока кто-нибудь выбежит и станет его топтать. Довольно интересное зрелище. Но трудноосуществимое. — Я подаюсь вперед, прикрываю ладошкой рот и шепчу: — Вы не поверите, как здешние жители защищают дерьмо своих собак.

Джим молча смотрит на меня несколько долгих мгновений, прежде чем разразиться хохотом. Появившийся в дверях Джейк смотрит на нас в замешательстве. Я просто улыбаюсь.

— Эта... — Джим указывает на меня, делая паузу, чтобы перевести дыхание. — Эта девушка — нечто, Джейк. Она мне нравится.

Фальшивый смех Джейка заставляет меня закатить глаза.

— Она, определенно, нечто. — Выйдя из поля зрения Джима, он одними губами произносит: — Что за хрень ты выкинула?

Я пожимаю плечами и беру второй стакан с виски из рук Джейка, который явно предназначался для него, а не для меня. Эта гребаная выпивка по утрам превратит меня в алкоголичку. Пока не делаю глоток, и меня чуть не выворачивает.

— Вы должны прийти на ужин с Джейком сегодня вечером.

— К сожалению, Джим, она не может. У нее дела.

— Ничего подобного.

Джейк окидывает меня взглядом и награждает холодной улыбкой.

— Конечно, ты занята.

— Ммм... — притворяюсь, что секунду раздумываю. — Нет. Я свободна.

— Отлично! — Джим встает и протягивает руку Джейку, который немедленно превращается в очаровательного, любезного хозяина. — Увидимся с вами обоими за ужином. Моим девочкам она понравится.

Выражение его лица становится серьезным, несмотря на улыбку.

— Возможно, убедить их станет немного легче. Без обид, но корпоративный мир может быть пугающим. Им будет приятно увидеть, что вы окружаете себя людьми, которые чуть больше похожи на тех, к которым привыкли мы.

Теперь Джейк выглядит по-настоящему довольным.

— Я понимаю. Мы придем. — Он провожает его, а я остаюсь сидеть и ждать взрыва.

Когда Джейк возвращается, он обходит стол и садится в свое большое, важное кресло. Он невозмутим, и я не могу его прочесть. Я бы почти предпочла, чтобы он злился.

— Этот человек был убежден, что его дочери не согласятся продать свои акции в компании. Последние полчаса я потратил на попытки пересмотреть условия нашей сделки, потому что не желаю отказываться от этих инвестиций. Ничто из сказанного мной не убеждало его дать мне шанс озвучить свое предложение его семье.

Он замолкает на секунду и делает глубокий вдох. Могу поспорить, он собирается сказать то, чего на самом деле не хочет говорить. И от этого я невероятно счастлива.

— Но какого бы нелепого или безумного дерьма ты ни натворила за те две минуты, что я отсутствовал, этого оказалось достаточно, чтобы убедить его в обратном. И я не знаю, хочу ли вышвырнуть тебя в эти окна, оттрахать тебя до бесчувствия, прижав к ним, или упасть на колени и делать то, что делал прошлой ночью, пока ты не сможешь стоять самостоятельно.

Не знаю, куда я засунула ту бутылку чувств, которую планировала вытащить, чтобы напомнить себе, кто такой Джейк на самом деле, на случай, если он попытается обратить свое обаяние против меня. Потому что внезапно я превратилась в кашу, гормоны и жар. Но я держу себя в руках — с трудом — и внешне остаюсь невозмутима.

— Простого «спасибо» будет достаточно.

— Ни единого гребаного шанса. Что ты сделала?

— Ничего.

— Ты что-то сделала. Что именно, черт возьми.

Я закатываю глаза.

— Правда, Джейк. Я ничего не делала. Люди просто естественным образом тянутся ко мне. Я довольно незаурядный человек. Но ты слишком занят, будучи эгоцентричным мудаком, чтобы заметить это.

Он усмехается.

— Эгоцентричным? После всего, что я для тебя сделал.

Теперь моя очередь усмехаться.

— Что ты для меня сделал? А как насчет того, что сделала я для тебя? — Он намеревается что-то сказать, но я тычу в него пальцем и прищуриваюсь. — Да поможет мне Бог, если ты напомнишь, как я вломила в твой дом. Я перепрыгну через этот стол и завалю тебя.

Завалю...

Бл*ть.

Неподходящее слово.

— Я имела в виду, собью с ног.

— Ты женщина своего слова?

— Конечно! — рывкаю я, не понимая, что заглотила наживку, пока он не показывает мне крючок, леску и грузило.

— Ты вломила в мой дом.

Я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди. Его взгляд перемещается к моему обнаженному декольте.

— Можете забыть об этом, сэр.

— Значит, ты не женщина своего слова.

— Я женщина, которая сегодня едва может ходить.

Он хмурится, и между его бровями образуется симпатичная маленькая V-образная складочка.

— Тебе больно?

— О, теперь тебе есть до меня дело.

В моих словах не звучит никакой обиды. Честно говоря, я даже не хотела их произносить. Я бы предпочла кивнуть, надуть губки, заставить их дрожать, заползти к нему на колени и позволить ему утешить меня. Но я еще не потеряла достоинства. Его немного, но оно есть.

Джейк встает и направляется ко мне. Чем ближе он подходит, тем сильнее колотится

сердце. И он продолжает поглощать весь воздух, не оставляя ни капли для меня. Он берет меня за подбородок, когда я отказываюсь смотреть на него. Эта V-образная складочка все еще между его бровей.

— Что я могу сделать? Хочешь болеутоляющее?

Я отбрасываю его руку.

— Меня жестко трахнули. Я не попала под автобус.

Я злюсь, потому что это не те слова, что я хочу от него услышать. Он не должен меня ни о чем спрашивать. Сейчас он просто должен подхватить меня на руки. Отнести в свою постель. Осмотреть меня. Зарычать и сказать что-нибудь о том, как сильно меня хочет, но ему придется подождать. Потом укрыть одеялом. Приказать оставаться на месте. Принести мне стакан воды, две таблетки ибупрофена и настоять, чтобы я приняла их и отдохнула.

Я так устала от того, что он вечно лажает...

— В чем, черт возьми, твоя проблема, Пенелопа?

— Проблема не во мне.

Он отшатывается, будто я вlepила ему пощечину.

— О, так она во мне?

— Да.

— Ради всего святого, из-за чего ты так разозлилась?

Я вскакиваю и тычу пальцем ему в грудь.

— Для начала из-за того, что ты ничего не понимаешь.

— Тогда почему бы тебе не просветить меня?

— Прекрасно! Так я и сделаю.

А-а-а, так вот ты где, бутылка с эмоциями.

Я топаю по комнате и размахиваю руками, устраивая грандиозное представление.

— Ты мил со мной, пока пьян или пытаешься обмакнуть свой член. Говоришь мне всякую чепуху. Зовешь деткой. Обращаешься со мной, как... я не знаю... с человеком! А потом, как только протрезвеешь и твой член высохнет, обращаешься со мной так, словно я камешек в твоем ботинке. А я здесь спасаю твою задницу, когда единственное, чего я действительно хочу, чтобы ты сел на нее в лужу.

Он качает головой, пока я перевожу дыхание.

— Ты даже для угрозы не можешь придумать оригинальную реплику.

Хотя я уже знаю, о чем он, все же спрашиваю:

— О чем ты?

— Эта последняя фраза? О том, чтобы я сел задницей в лужу? Это цитата из «Грязных танцев».

Уперев руки в бедра, пристально смотрю на него, пытаюсь подыскать ответ.

— Ну... ты не станешь нравиться мне больше только из-за того, что знаешь эту фразу. Так что... неважно.

— Неважно?

— Не... важно.

— Поцелуй меня.

— Что?

— Поцелуй меня.

— Н-не буду.

— Предпочитаешь, чтобы я просил? Отлично. Я попрошу. Поцелуешь меня?

Что, мать вашу, происходит?

— Нет. Не стану я целовать тебя.

— Я не буду просить снова, Пенелопа.

Эта сволочь считает себя таким... обходительным....

— Ну и не проси.

— Запросто.

Три шага.

Столько требуется ему, чтобы преодолеть расстояние между нами.

Два вдоха.

Именно столько требуется ему, чтобы протянуть руку, обхватить меня за талию и прижать к своей груди.

Один поцелуй.

Это все, что требуется, чтобы я разомлела.

Я даже не помню, почему разозлилась. То есть, не то чтобы он мне что-то обещал. Я могу принять хорошее вместе с плохим. Конечно, мы поссорились, но если нам суждено быть вместе, это ожидаемо.

Он отрывается от моих губ и поднимает меня вверх за талию.

— Знаешь, почему я не могу быть милым с тобой?

Он сажает меня на стол, у меня не хватает слов, поэтому я качаю головой.

— Потому что, когда я милый, у тебя такой вид. — Он стягивает с себя свитер через голову. Разрывает на мне рубашку и стонет. — Такой затуманенный, полный похоти взгляд, от которого мой член сходит с ума.

Его губы находят мои в неистовом, нетерпеливом поцелуе. Я отвечаю с тем же пылом. Задыхаюсь от желания, когда он хватается за меня под колени и подтягивает к краю стола.

— Как сильно у тебя болит? — напряженный взгляд предупреждает не лгать.

Отчаяние берет верх над всяким здравым смыслом.

— Не настолько, чтобы сказать «нет».

Он прижимает ладонь к моему животу и толкает меня на спину. Мои пятки каким-то образом находят дорогу к краю стола. Мои колени раздвигают, и он там, смотрит на меня сверху вниз. Совершенно голую.

Костяшками пальцев Джейк ласкает внутреннюю сторону моего бедра, прежде чем провести большим пальцем по моей щелке.

— Ты опухла.

— Да, насчет этого. Меня ужалила пчела. Это не имеет никакого отношения к прошлой ночи. Я в порядке.

И, очевидно, отчаянно желаю сказать какую-нибудь нелепую хрень вроде этого.

Он решает проигнорировать мои глупые слова и проникает в меня одним длинным пальцем.

— Бл*ть, ты такая же мокрая, как и прошлой ночью. Еще уже, чем была прошлой ночью. Там у тебя тоже опухло.

Я же говорила вам, что он размером с банку колы...

Он убирает палец из моего дурацкого опухшего влагалища, чтобы еще раз погладить мое бедро. Он также хмурится и проявляет небольшую озабоченность, которую я считала горячей, но теперь просто нахожу раздражающей.

— Это пустяки. Серьезно. Я от природы узкая. Это все мой узкий канал, Джейк.

— Пенелопа... пожалуйста, прекрати говорить «узкий канал».

— Это подходящий медицинский термин.

— Подходящий или нет, я нахожу его чертовски сексуальным, хотя и не должен бы. Не говоря уже о том, что я пытаюсь не идти против здравого смысла, жестко взяв тебя прямо здесь, на моем столе, не забываясь о твоей реакции на пчелиный укус.

Он сказал «пчелиный укус».

Я хихикаю.

Он свирепо смотрит на меня.

— Твой милый смех тоже не помогает.

— Ты пробовал думать о черепахах?

Он молчит.

— Жевательной резинке?

Снова тишина.

— Хочешь, перенаправлю свою энергию? — Я прижимаю пальцы к виску.

Он хватается меня за руку и тянет в сидячее положение. Мои ноги падают вместе с движением, и вскоре свисают с края стола, а он оказывается между ними. Он делает свою фишку, прикасаясь к моему виску.

— Я слишком жестко обошелся с тобой этой ночью.

Мое тело мгновенно вспыхивает. Я хнычу и ерзаю на столе. Откликаюсь на его прикосновение. Тянусь к нему и пытаюсь уложить на себя. Он — непоколебимая стальная стена.

— Позволь мне позаботиться о тебе сегодня.

О, теперь он хочет быть Тем Самым Парнем и заботиться обо мне.

Сейчас.

Когда я разгоряченная и возбужденная.

Что ж, это не момент идеального Того Самого Парня. Это момент Джейка Суэггера. Момент «я трахну тебя своим большим членом, и ты примешь его, и тебе понравится, потому что я так сказал» Джейка Суэггера.

— Если ты действительно хочешь позаботиться обо мне...

— Выкинь из головы грязные мыслишки, Пенелопа.

Он сдергивает меня со стола и ставит на ноги. Стягивает с моих плеч разорванную рубашку. Хватает с пола свитер. Надевает его мне через голову, а потом целует в лоб, как гребаный Папочка Дом. Что точно не моя фишка.

— Это ты пытаешься так сильно надуть губки или это твоя естественная реакция?

Надуть губки....

Сказано очень по-отцовски.

— Если ты сейчас достанешь поильничек, я уйду.

Он смотрит на меня мгновение, качает головой, затем поворачивается и уходит, бормоча себе под нос:

— Какую же хрень она несет...

Глава 14

Может, идеальный Тот Самый Парень не так уж и плох. Просто он не всегда появляется в подходящее время. Как сегодня утром, когда я хотела, чтобы он заботился обо мне, а он этого не сделал. Потом, позже этим же утром, когда я хотела, чтобы он не заботился обо мне, а он заботился. В конце концов, я получила то, что хотела. Просто не тогда, когда я

этого хотела.

И... не все, что я хотела.

На его столе я уже провела оценку своих женских сокровищ. Потом он заказал нам завтрак... даже спросил, чего я хочу. Я ограничилась беконом, яичницей, блинчиками, свежими фруктами и овсянкой с изюмом из «Макдональдса».

А вы знали, что Uber может привезти вам еду? В снежную бурю? Это называется Uber Eats. Для некоторых людей это может не иметь большого значения, но когда вы из городка, где даже местная пиццерия не доставляет еду, подобные новости поражают.

Короче, после этого я, наконец, получила те две таблетки ибупрофена и высокий стакан с водой, а также приказ отдохнуть. Что я и сделала. Только вместо его кровати я спала на диване, потому что слишком объелась всем тем, что доставил Uber Eats, чтобы подняться по лестнице.

После трехчасового сна я приняла горячий душ, чтобы проснуться. Когда я закончила, мне было приказано «пошевеливать задницей, пока мы не опоздали». Я начала ныть, что мне нечего надеть, но потом обнаружила, что на кровати в гостевой комнате для меня уже разложен наряд. И все косметические средства, которые я могла попросить, стояли на тумбочке в ванной.

Я оставила густые локоны необузданными, чтобы они выглядели дикими и безумными, но в то же время стильно милыми. Сбрызнула их, шею и запястья «Chanel». Нанесла густой слой туши, чтобы хорошенько выделить глаза, и легкий штрих глянцевого, натурально-розовой помады, придав себе образ Ким Кардашьян. Восхитилась сияющей кожей на фоне кипенно-белой блузки с открытыми плечами, слегка расклешенной на талии. Поблагодарила Эмили за занятия пилатесом, на которые она меня записала, они подтянули мою задницу и ноги, которые выглядели действительно великолепно в черных кожаных брюках и туфлях на шпильке. И сделала семнадцать фото белых туфель от Louboutin с красной подошвой.

— Пенелопа!

Быстро делаю селфи с утиными губками у зеркала в ванной и отправляю его Эмили.

Жду ответа.

Получаю то же самое, что и каждый раз после отправленного ей фото.

Эмоджи среднего пальца.

— Мы должны... — голос Джейка затихает, когда он разглядывает меня, трахая, заводя и выворачивая наизнанку одним лишь взглядом, — ...идти.

— Я хорошо выгляжу? — одариваю его улыбкой и делаю реверанс.

— Выглядишь как десерт.

Жар... он повсюду. Сжигает меня нахрен. Я приоткрываю губы, чтобы набрать побольше воздуха, и тяжело дышу, пока его взгляд не спеша движется по моему телу.

— Ты любишь десерт?

Он встречается со мной взглядом.

— Он быстро становится моим любимым блюдом.

Криптонит... я все еще обладаю этой силой.

Я тоже чувствую небольшую слабость. Мужчина одет в костюм, что для него не является чем-то необычным. Но этот наряд? Полностью черный. Черный как смоль. Даже галстук черный. Он похож на плохого парня генерального директора. И этот большой «Rolex» на запястье не помогает подавить мое желание.

Я не меркантильный человек или что-то в этом роде, но когда ты встречалась только с

чуваками, которые носят «Timex», невозможно не прийти в восторг при виде мужчины с аксессуарами, инкрустированными бриллиантами, которые, независимо от качества, все равно всего лишь показывают гребаное время. Буквально. В этом их единственная цель. Самый сексуальный способ потратить деньги.

Гляделки длятся между нами еще минуту, потом Джейк откашливается и хватает черную кожаную куртку, которую положил для меня. Его голодный взгляд — это взгляд пантеры. А я — газель. Которую вот-вот съедят на десерт. Потому что я выгляжу как десерт. Или, так говорит Джейк Суэггер.

Даже стоя на четырехдюймовых шпильках, он возвышается надо мной. Когда он заходит мне за спину, чтобы помочь надеть куртку, я вынуждена сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. Он тоже глубоко вдыхает. Только его нос зарывается в мои кудри.

— Пахнешь божественно.

Я поворачиваюсь к нему, и от его пылающего взгляда нервные окончания посылают сигналы в мозг, в результате чего я делаю то, что всегда, когда нервничаю.

— Все еще не морепродуктами, нет? — Риверданс, щелчок пальцами, пальчиковые пистолеты.

— Ты такая чертовски странная. Тебе когда-нибудь говорили это?

Я поднимаю брови.

— Только те, кому я нравлюсь.

— Это потому, что они хотят, чтобы ты изменилась.

Я наклоняю голову и прищуриваюсь.

— Но хочется ли им это на самом деле?

Он хмыкает.

— Пойдем.

Я шокирована и немного польщена, когда Джейк берет меня за руку. Но это проходит, когда я понимаю, что это для того, чтобы он мог задавать темп нашему передвижению... очень быстрому передвижению. Я не удивляюсь, когда он раздражается из-за того, что мне приходится притормаживать, потому что я не могу угнаться за ним в этих туфлях. Не удивляюсь, когда в лифте он смотрит на меня как на дурочку, пока я напеваю. Или когда он утыкается в свой телефон и не разговаривает со мной всю дорогу до ресторана. Типичное поведение Джейка Суэггера.

Но когда мы прибываем в пункт назначения, я обнаруживаю в Джейке рыцарскую сторону, которая делает идеальный образ безнадежного романтика сильнее, чем когда-либо. Как и танцы, это даже не входит в список обязательных черт Того Самого Парня. Это все Джейк. И каким-то образом это делает его еще более горячим.

Небольшой итальянский ресторанчик аккуратно втиснулся между двумя массивными кирпичными зданиями. Стекланный фасад с рядом столиков, покрытых белыми скатертями, приглушенное освещение, навес над головой и подвесные клумбы с зеленью, припорошенные снегом, выглядят как пейзаж одной из улочек Парижа. В самый холодный день в истории Чикаго от такой картины веет теплом.

Но фасад ресторана — это всего лишь фасад. Никакой входной двери. А из-за внутреннего дворика с садом парковка находится в доброй сотне футов от входа. Я беру предложенную Джейком руку и выхожу из машины на пронизывающий холод. Асфальт, хоть и посыпанный солью, — ледяная смертельная ловушка для моих Louboutin.

Моя рука все еще в ладони Джейка, и я уверена, что он поймает меня прежде, чем я

отшибу себе задницу. Но не успеваю я сделать и шага, как земля уходит из-под ног. Я взвизгиваю и чувствую, как сердце падает в пятки.

Раскатистый смех Джейка прорезает холодный воздух и ударяет прямо мне в грудь. Когда паника проходит, и я осознаю, что происходит на самом деле, по всему телу разливается тепло.

Он несет меня на руках.

Одна рука обвита вокруг моей талии.

Другая поддерживает под коленями.

С улыбкой он смотрит на меня сверху вниз.

На мгновение прикрывает веки.

Дразняще говоря:

— Эти туфли для моего удовольствия, детка. Не для того, чтобы ходить по льду.

Господи, молю, пусть в этом ресторане сиденья на стульях будут со льдом. Потому что я почти уверена, что эти штаны тоже для его удовольствия.

— Наверное, я попаду в ад за то, что сказал такое, но до сих пор я не находил в молитве ничего сексуального.

— К-как ты узнал, что я молюсь?

Он смеется. Прикусывает губу, чтобы сдержать смех, но в итоге усмехается. Отпустив меня возле входа, берет за подбородок, запрокидывает мою голову назад и одаривает красивой, дьявольской ухмылкой.

— Ты сказала «аминь».

Конечно же, я сказала.

Глава 15

— Давай, Пенелопа!

— Давай, Пенелопа!

— Давай, Пенелопа!

Собравшаяся вокруг толпа скандирует мое имя, когда я на стойке бара самого элитного ночного клуба Чикаго исполняю «бегущего человека». Машу Эмбер и Мэри, двум дочерям Джима Кэнтонна, чтобы они присоединились ко мне. Затем все на танцполе внизу присоединяются к ним. Теперь весь клуб исполняет «бегущего человека».

Оказывается, все, что было нужно дочерям Джима, чтобы убедить их продать свои акции, — это увидеть цифры черным по белому. Когда Джейк подвинул по льняной скатерти конверт со своим предложением Эмбер, старшей дочери, ее глаза расширились, и она вскрикнула. Затем показала бумагу Мэри, которая тоже вскрикнула. У их отца ушло несколько минут, чтобы успокоить дочерей.

Все пялились на нас. Было странно. А мне — грустно, потому что я не разглядела, насколько велико то предложение. Ну, сколько может стоить ирригационная система?

Джим хотел вернуться в гостиничный номер вместе с Джейком, чтобы просмотреть документы, прежде чем все поставят подписи, и сделка станет официальной. Его дочери хотели отпраздновать это событие. Итак, мы все вернулись в отель, а мужчины отправились в номер. Я, Эмбер и Мэри пошли в бар отеля.

После этого все несколько вышло из-под контроля.

Джейк, в момент ошеломляющего возбуждения, очень глупо отдал мне свою кредитную карту, сказав, что сегодняшней вечер за его счет. Он также позвонил Кэму, чтобы тот пришел в бар отеля «присмотреть за нами» и убедиться, что мы не вляпаемся ни в какие

неприятности. Когда девушки сказали Кэму, что хотят вечеринку в стиле Чикаго, он уверил их, что знает подходящее место.

Это было несколько часов назад.

Теперь я пьяная.

Сестры пьяные.

Кэм пытается поймать удачу.

А Джейк только что вошел в дверь.

Черный костюм. Черные волосы. Квадратная челюсть. Развязная походка. Глаза выискивают. Сканируют. Оценивают. Следуют за скандированием толпы. Поднимаются все выше, выше, выше и, наконец, останавливаясь на моем лице. Я лучезарно улыбаюсь ему, хотя наполовину ожидаю, что он рассердится на меня за... что-нибудь. Напоить сестер Кэнтон и убедить их танцевать в баре — похоже на то, что он бы не одобрил.

К моему удивлению, уголки его губ приподнимаются в сексуальной усмешке. Я пытаюсь настроиться на песню DNCE «*Cake by the Ocean*». Но не могу, потому что при взгляде на его чертовски красивое лицо постоянно глупею.

Тот же человек, который обращался с нами как с членами королевской семьи в тот момент, когда я показала ему черную кредитку Amex, подходит и приветствует Джейка. Несколько мгновений спустя Джейка сопровождают в нашу VIP-ложу на втором этаже. Он на мгновение исчезает из моего поля зрения, и моя улыбка сникает. Затем она возвращается, когда я вижу, как он перегибается через перила с бокалом в руке и сразу же находит меня глазами.

Я так чертовски на него запала....

Не отрывая от него глаз, слегка машу ему рукой. Он отвечает мне, чуть вильнув пальцами, и улыбается. Никогда не видела его таким довольным. Интересно, он всегда такой, когда заключает сделку? Или только в этом конкретном случае. Делаю мысленную заметку спросить его позже, когда мы останемся наедине. Может, в один из сонных моментов, когда мы будем обниматься в посткоитальном блаженстве.

— Сейчас вернусь! — кричу сестрам, которые слишком заняты Кэмом, зажав его между собой, как сэндвич, чтобы обращать на все остальное внимание.

Я протягиваю руки двум чувакам внизу, и они более чем счастливы опустить меня на пол. Не могу сказать вам, как они выглядят. Понятия не имею. И мне все равно. Не имеет значения. С Джейком им не сравниться.

Музыка стихает, когда я поднимаюсь по лестнице в VIP-зону. Он наблюдает за мной, когда я, наконец, добираюсь до лестничной площадки.

— Хорошие движения.

— Знаю, скажи?

Я исполняю «бегущего человека» только для него. Затем переключаюсь на ривердэнс. К тому времени, как я щелкаю пальцами и достаю пистолетики, кончиками пальцев касаюсь его груди.

— Хотя, этот твой ривердэнс...

Я улыбаюсь.

— Он тебя заводит, да?

— Ммм. — Его улыбка становится шире. В тусклом освещении клуба зубы сверкают белой вспышкой.

— Жаль, что ты не пришел сюда раньше. Ты пропустил моего Арбузного короля.

Он заправляет прядь волос мне за ухо.

— Кто-то должен был работать, чтобы остальным было что праздновать.

— Ты закрыл сделку? Официально?

— Мы обсудили детали. Но нужно, чтобы сделку закрыли юристы. Для этого мы назначим встречу где-нибудь в ближайшие пару дней, в зависимости от погоды.

Его пальцы скользят по вырезу моей рубашки.

— Останься со мной, пока все не завершится. — Он смотрит на меня из-под ресниц и улыбается. — Просто на случай, если сестры протрезвеют и передумают?

О, мой бог.

Он просит меня остаться.

Дерьмо!

Не уверена, что смогу.

— Насколько?

Он ухмыляется.

— Пытаешься прикинуться недотрогой?

Я пожимаю плечами. Я позволю ему верить во все, что он захочет. Но ответ мне нужен все равно. И ему требуется несколько мгновений, чтобы понять, что я его жду.

— Ты серьезно?

— Да. Насколько ты просишь меня остаться?

— Какое это имеет значение? Тебе нужно свериться со своим расписанием или что-то в этом роде?

— Или что-то в этом роде. Так насколько?

Его глаза сужаются.

— Самое большее — на пару дней.

— Значит, два дня? И все?

— Да, Пенелопа. Два дня. Ты останешься со мной еще на два дня?

Я ухмыляюсь.

— Ладно. Два дня я смогу продержаться.

— Ты такая странная.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю. Например, почему согласился поужинать с Кэнтоном и его дочерьми для того, чтобы заключить сделку? Не знала, что богачи делают что-то сами. Я полагала, что для таких дел у вас есть специальная команда.

— Я больше предпочитаю... брать дело в свои руки.

— Это сексуальный намек?

Он смеется.

— Нет, если по этому вопросу тебе нужны объяснения.

Сжав мою руку, он ведет меня к одному из бархатных диванов и передает мне бутылку воды из бара. Эта VIP-ложа — просто охренеть не встать. Здесь даже куриные крылышки подают.

— Я много работаю с такими людьми, вроде Джима Кэнтонна. Людьми, которые вкладывают душу и сердце в свои проекты, — объясняет он, садясь на диван напротив меня, облокачивается на колени и наклоняется вперед. — Многие из них рисковали всем, чтобы воплотить свои идеи в жизнь. Вложили все, что у них было. Я восхищаюсь такими людьми. Уважаю их. Поэтому делаю все сам. Не хочу, чтобы они чувствовали, что продаются какой-то «важной шишке». Я хочу, чтобы они хорошо отнеслись к решению о продаже. И знали,

что я буду относиться к их продукту, как к собственному.

Ого.

Кто знал, что он может стать еще сексуальнее?

— Та комната в моей квартире? Та, что с кодом на двери, которую ты считаешь секс-подземельем? В ней я храню все свои файлы. Оригинальные копии чертежей на патенты. Всю личную информацию о клиентах. Прототипы. Все там. Чтобы мне не приходилось сомневаться в их сохранности. Такого рода информацию я не доверяю даже людям, которые на меня работают.

— Это... неожиданно.

— Что именно? Что я занимаюсь каждым проектом лично, или что запертая комната — всего лишь архив, а не секс-комната?

— Ну, я, конечно, разочарована, что архив — это не секс-комната. — Он смеется. И звук такой замечательный. — Но то, что ты придаешь каждому проекту такое личное значение? Внушает благоговейный трепет.

Он делает глоток из бокала.

— Это хороший способ вести бизнес. Именно поэтому я добился успеха. Как ты и сказала, я недостаточно изобретателен, чтобы придумывать собственные идеи. — Он подмигивает мне левым глазом, и моя вагина откликается трепетом. — Но я разбираюсь в бизнесе. Мне нравится инвестировать в проекты, которые часто считают малозначимыми. Результаты таких сделок приносят еще большее удовлетворение, когда эти проекты становятся глобальным явлением.

— Глобальным явлением? Серьезно?

Он пожимает плечами. Пожатие скромное, но оно говорит о нем гораздо больше.

— Я узнаю хорошее, когда его вижу.

Его глаза скользят по моему телу. Будто я — что-то хорошее.

Я выпрямляюсь, пытаюсь чуть приподнять грудь. Выгибаю шею. Надуваю губки. Не очень-то деликатный намек.

Он быстро все понимает и ухмыляется. Затем его глаза темнеют. Губы приоткрываются. И мне хочется десерта.

— Хочешь убраться отсюда?

— Да. Пожалуйста. Да. Хочу. — Вот ведь идиотка....

Когда мы идем через клуб, я чувствую себя как в тумане. Вокруг лишь размытые пятна света и музыка, Кэм обещает отвезти сестер домой, Росс открывает дверцу машины, и твердая стена мышц скользит на сиденье рядом со мной.

Алкоголь не имеет никакого отношения к моему затуманенному рассудку. Я под кайфом от Джейка Суэггера. От высокого уровня сексуального напряжения. Кажусь себе бескостной, возбужденной и накачанной эндорфинами.

Губы на моих губах. Язык танцует с моим языком. Длинные, ловкие пальцы расстегивают пуговицу на моих брюках. Мужская рука скользит под мои трусики. Возле уха раздается дикое рычание. Резкий шепот подтверждает мое желание:

— Твоя киска чертовски мокрая.

Я стону. Он заставляет меня замолчать своим ртом. Но чем ближе подводит меня к краю, тем громче я становлюсь. Тем труднее дышать. И вскоре я отрываюсь от его губ и тяжело дышу, когда напряжение становится слишком сильным. Слишком интенсивным. Я вскрикиваю, и его свободная рука зажимает мне рот.

Засранец.

Это самая горячая вещь на свете.

— Мне нравится, как сильно ты кончаешь.

Ладно... может, вот это самая горячая вещь на свете. А может, все это... то, как порочно его палец обращается с моим клитором. Его слова, произнесенные хриплым и низким, чуть громче шепота, голосом. И эта рука, зажимающая мне рот. Заглушающая крики удовольствия, когда моя спина выгибается над сиденьем. Бедрa выпячиваются. Ноги широко расставлены. Одна закинута на него, другая безжизненно распласталась по салону.

Да.

Все это чертовски сексуально.

Но, подождите.

Он не сделал типичного поступка Того Самого Парня, который стал бы самым сексуальным на сегодняшний день. И когда я выхожу из своего посторгазмического кайфа, то обнаруживаю, что выжидающе смотрю на него. Ожидая, предвкушая то, что произойдет дальше. То, чего так и не происходит.

Он застегивает молнию на моих штанах. Целует меня в плечо. Сжимает член через штаны и стонет. Наши глаза встречаются, и он моргает несколько раз, прежде чем наклониться ко мне, вглядываясь в мое лицо.

— У тебя приступ?

— Что? Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты смотришь на меня безумным взглядом. Даже не моргаешь.

— Может, я кое-чего жду...

Пытаюсь выглядеть обуреваемой страстью. Хлопаю ресницами. Что только еще больше сбивает его с толку. Он анализирует каждую черту моего лица. Ищет подсказку. Приходит к выводу, что все понял, и ухмыляется. Но еще до того, как он открывает рот, я знаю, что он ни хрена не понял.

— Не волнуйся, детка. Ты получишь это «кое-что» и многое другое. Но я не буду трахать тебя на заднем сиденье машины. На то, что я планирую с тобой сделать, уйдет гораздо больше времени, чем десять минут.

Бла-бла.

Бла-бла.

Бла-бла.

— Я жду не этого, — невозмутимо заявляю я.

Его брови взлетают до линии роста волос, и он смеется.

— Не сдерживайся, красавица. Скажи мне, что ты чувствуешь на самом деле.

— Речь не о моих чувствах. Речь о том, чего я хочу. — Я застегиваю брюки, скрещиваю ноги и отворачиваюсь к окну, чтобы не смотреть на него. — Иногда ты настоящий отстой в том, чтобы быть Тем Самым Парнем.

Он проводит большим пальцем по моей челюсти — тем самым большим пальцем, который должен пососать, закрыв глаза и издав гортанный стон, потому что вкус моей влаги вызывает некое непреодолимое, первобытное желание заявить на меня права.

Он берет меня за подбородок и поворачивает к себе лицом. Конечно, моя обида его забавляет, и на его лице эта глупая ухмылка.

— Что?

— Что... что?

— Чего ты хочешь, Пенелопа?

— Сейчас это не важно, Джейк. Ты уже все испортил.

Он наклоняется ко мне. Целует верхнюю губу. Нижнюю. Мой подбородок все еще между его пальцами, которые теперь так близко к его рту...

— Скажи мне. Что за поступок Того Самого Парня я испортил на этот раз?

— Понимаю, ты считаешь это смешным, но если ты когда-нибудь хочешь научиться, тебе нужно это знать.

Я отстраняюсь и увеличиваю небольшое расстояние между нами. Его веселье только растет. Он едва может сдержать улыбку, пытаясь выглядеть серьезным, поднимает руки в знак поражения и откидывается на спинку сиденья.

— Пожалуйста. Просвети меня.

Я не теряю времени даром.

— В каждом любовном романе, всегда после того, как герой, он же Тот Самый Парень, хорошенько поработает пальцами на заднем сиденье автомобиля, он совершает поступок, от которого трусики героини вспыхивают. Это вновь разжигает чувства, так что, придя в себя после первого оргазма, она уже в предвкушении следующего.

Он больше не борется с улыбкой.

— Так что же я сделал не так?

— Ты вытащил руку из моих штанов и вытер пальцы о свои брюки, будто они в конденсате от стакана с водой, а не в сладком, греховном, невинно сексуальном криптонитовом меде, который источает моя вагина.

Глядя на меня, он качает головой.

— Эта чушь, что ты несешь.

— Чушь, которую ты не делаешь, — парирую я.

— Агу. И что именно я должен был сделать, Пенелопа? Ну, со всем этим твоим сладким медом?

— Облизать свои пальцы. Зарычать. Сказать что-нибудь собственническое и непристойное.

— Облизать пальцы?

— Да. Чтобы попробовать меня на вкус. Потому что ты просто ничего не можешь с собой поделать.

В его голосе слышится рычание.

— Зачем довольствоваться только пальцами?

Он сдвигается. Хватает меня под колени. Разворачивает к себе лицом. Тянет на себя. Приподнимает мои бедра и опрокидывает меня на спину. Я приземляюсь с резким «ох». Затем Джейк расстегивает молнию на моих штанах. Рывком спускает их до коленей. Наклоняется и облизывает мою щелку по всей длине. Поверх шелковых трусиков. И почему-то это ощущается лучше, чем, если бы я была совершенно голой.

— Ч-что ты делаешь?

Бросаю взгляд на затемненное стекло, отгораживающее нас от Росса. Смотрю в окно на проплывающие мимо здания, гадая, как близко мы от квартиры Джейка. И, наконец, на него, между моих ног. Он нависает надо мной. Щетина на его подбородке щекочет меня сквозь тонкий материал нижнего белья.

— Даю тебе то, чего ты хочешь.

Я качаю головой. С трудом сглатываю. Вспоминаю, как дышать. И чертовски надеюсь,

что сквозь мое грохочущее сердцебиение меня услышат.

— Т-ты же сказал, что времени недостаточно. Помнишь? Примерно две секунды назад. Времени не хватит. Так ты сказал.

— Для этого времени достаточно.

— Но я просто хотела, чтобы ты облизал свои пальцы.

— Прости, детка. — Он ведет носом по моим трусикам и вдыхает. Я чуть не умираю. — Как ты и сказала...

Он делает эту гребаную драматическую паузу и подмигивает, и я боюсь, что то, что он сейчас скажет, может прикончить меня навсегда.

— Я просто ничего не могу с собой поделать.

И... я мертва.

Глава 16

Я — оргазмо-машина.

Дайте мне сжатые сроки, возможность быть пойманной и язык Джейка Суэггера, и я смогу заставить эту сучку пролиться дождем.

Серьезно.

Жидким криптонитом... повсюду.

Я думала, что не смогу пошевелиться, учитывая интенсивный трах языком, который только что пережила, но, как я уже сказала...

Я — машина.

И обещание члена Джейка внутри меня придает дополнительной бодрости моему шагу, когда мы выбираемся из машины, проходим через вестибюль, поднимаемся на лифте — я в углу, напеваю как сумасшедшая, пока он смотрит — через парадную дверь квартиры и в кабинет.

Понятия не имею, почему мы в его кабинете. Он просто сказал: «Кабинет». И я послушалась. Потому что мысль о том, как он трахает меня на своем столе, продолжив с того места, на котором остановился этим утром, заставляет меня отказаться от того тоненькогоголоска в глубине моего сознания, который говорит, что повторение прошлой ночи — это не то, чего я хочу, и заставляет раздеться, чтобы сэкономить время. Но путь короткий, так что, ниже пояса я все еще одета, когда добираюсь до его стола и поворачиваюсь к нему лицом. А он...

Господи, помилуй, он голый.

Ни единого лоскутка одежды.

Он даже умудрился снять ботинки и носки.

Предо мной... видение.

Он — Адонис.

Он... да, больше у меня нет слов.

Потому что этот мужик — лучший засранец, которого я когда-либо видела в своей жизни, и нет ничего достойного сравнения с голым Джейком Суэггером. Я никогда не видела его полностью обнаженным. Смотреть на него голого по пояс было достаточно трудно. Добавьте к этому мужественные ступни, икры спортсмена, мускулистые бедра и тушпуку, на которую я отказываюсь смотреть, которая болтается между этими мускулистыми бедрами, и я внезапно чувствую, что, возможно, мне не следовало раздеваться.

Мне казалось, я сегодня хорошо выгляжу.

Но по сравнению с ним? Я выгляжу чертовски невзрачно.

Моей нервозности ничуть не помогает то, что для того, чтобы полностью обнажиться за те тринадцать шагов, которые потребовались нам, чтобы добраться до его стола, он должен был повернуть какое-то настоящее волшебное дерьмо.

— Абракадабра. — Взмахиваю воображаемой палочкой.

Он медленно приближается ко мне.

— Почему ты нервничаешь?

Я наблюдала, как он вытаскивает член из штанов. Видела, как он сжимал его в кулаке. Но еще не видела его таким. Он просто... качается у него между ног, как маятник.

Закрываю глаза, чтобы не видеть этого зрелища.

Но уже слишком поздно.

Я его видела.

Раскачивающимся.

Кружащим, как лопасти вертолета.

Или лопасти вентилятора.

И я все еще вижу это.

За закрытыми веками.

Это зрелище останется со мной навсегда.

Вероятно, это единственное, что я буду видеть.

— Пенелопа?

Я держу глаза закрытыми.

— Хмм?

— Ты сказала «абракадабра». Значит, нервничаешь. Почему ты нервничаешь?

— П-потому что ты голый. И ты стал таким очень быстро. Как по волшебству.

— Ааа...

Я приоткрываю один глаз как раз вовремя, чтобы увидеть, как он понимающе кивает, находясь в трех футах от меня.

— Волшебство.

Два фута.

— Объясняет волшебную палочку.

Он передо мной.

— Прикоснись ко мне.

Ладно.

Я так рада, что мои дрожащие руки обрели хоть какую-то цель, что слишком сильно шлепаю его груди. Он подавляет стон. Ладони покалывает. Кровь приливает к месту удара, отмечая отпечатки ладоней на груди. Моя же кровь, вся приливает к щекам.

— Как бы ни было очаровательно смотреть на эту застенчивую и нервную версию тебя, я предпочитаю ту, что кричит и мечется, и которой наплевать на все, кроме того, как ей охрененно хорошо со мной.

Пальцем обвожу контур отпечатков ладоней. Открываю рот. Закрываю его. Делаю вдох. Заставляю себя посмотреть ему в глаза и открыть маленькую правду.

— Так хорошо мне было только с тобой.

Чувствую, как его грудь вздымается от моего прикосновения, но не слышу ни звука. Он обхватывает мои запястья своими большими ладонями и прижимается лбом к моему лбу.

— Этот твой язычок, Пенелопа Харт, станет моей кончиной.

Следующий поцелуй — это не только обещание, но и предупреждение. Предупреждение

о том, что он собирается опустошить меня. И обещание, что мне понравится каждая секунда.

Хотя его движения торопливы и алчны, они точны и щедры. Одним плавным движением он стягивает мои штаны вниз. Но когда опускается на колени, чтобы снять туфли и освободить лодыжки от брюк, тратит еще секунду, лаская свод стопы большим пальцем.

Джейк обхватывает мою задницу ладонями, поднимает меня, усаживая на край стола, встает между моих ног и резко притягивает к себе. Но его прикосновение нежное, когда он проводит пальцем между моих грудей, прежде чем надавить мне на живот и уложить на спину.

Хватка на моих бедрах грубая. Пальцы мнут, затем отпускают. Его глаза дикие и голодные. Нижняя губа зажата между зубами. Но когда он скользит членом вверх и вниз по моей щелке, то делает это с невероятной нежностью. словно потребность ощущения меня сильнее, чем желание простого проникновения. Это сбивает с толку. И тот голосок в глубине моего сознания — тот, который говорит, что это не то, чего я на самом деле хочу, — возвращается.

Джейк сжимает член в кулак и дразнит меня головкой. Его глаза путешествуют по моему обнаженному телу, восхищаясь каждым дюймом, прежде чем встретиться с моим пристальным взглядом.

— Нужен презерватив. Но, черт возьми, с тобой так хорошо вот так.

Напряженность, с которой он смотрит на меня, будто пытается прочитать мои мысли по этому поводу, выдергивает из этого момента и заставляет усомниться, неужели под всей его горячностью, на самом деле, скрывается идиот.

Он очень богат.

Я очень бедная.

Зачем ему рисковать, чтобы я забеременела? Единственное разумное объяснение — то, что он влюбился и хочет заманить меня в ловушку на всю оставшуюся жизнь.

Меня такое устраивает.

Но есть еще одна мысль, которая заставляет забыть, что я голая, распростертая на его столе, а головка его незащищенного члена прижата к отверстию моего влагалища.

Зачем ему рисковать заразиться от кого-то, с кем он едва знаком?

Знаете ли вы, что у людей может быть ЗППП, даже если нет никаких визуальных признаков этого заболевания? И что скрытые ЗППП все равно могут передаваться? Не то чтобы у меня были какие-то ЗППП, но он этого не знает. Что ставит под сомнение его разумность.

Значит, я тоже неразумна, если пересплю с ним без защиты? Учитывая, что у него может быть ЗППП, и он может перетянуть меня на свою сторону?

Ну, нет, черт возьми.

Зачем?

А затем, что он богат. И если наградит меня тем, чего не смочь в душе, тогда я подам на него в суд. Он умен, если не считать этого редкого приступа глупости, так что он уладит дело во внесудебном порядке. И знаете что?

Я разбогатею.

Нереально.

Герпес стоит нескольких миллионов долларов. К тому же в наши дни существует передовая медицина. Для меня это беспроблемный вариант. Для него? Не очень.

В смысле, он даже не спросил меня, есть ли у меня справка, подтверждающая, что я

здорова, и не уверил, что имеет собственную, как у всех героев. Что, кстати, сводит меня с ума. Ну, как такая хрень может быть? Случайно оказывается, что герои проверились на отсутствие болезней, хотя и клянутся, что никогда в жизни не трахались без защиты.

Ох, уж эти любовные романы.

— О каком бы безумном дерьме ты сейчас ни думала, я почти уверен, что оно обломает мне весь настрой. — Его взгляд может быть стоическим, но в глубине его глаз я вижу мольбу, которая взывает не озвучивать вслух мои мысли.

— Наверное, ты прав. И на всякий случай мы должны использовать защиту. Я не принимаю таблетки. — Последнее уточнение говорю для того, чтобы он не думал, что ему нужно предохраняться по какой-либо другой причине, кроме незапланированной беременности. И именно поэтому умалчиваю о том, что мне поставили укол.

Он держит презерватив между пальцами.

— Да. Я решил это в тот момент, когда ты сказала: «Нереально разбогатею».

Мои глаза расширяются.

— Это не то, что ты думаешь. Клянусь.

Я замолкаю, когда он прикладывает палец к моим губам и качает головой. Он отбрасывает презерватив, и тот приземляется рядом с моей головой. Повернув голову, вижу, что это пустая упаковка. Мой взгляд скользит к его члену, который теперь обтянут латексом.

А — Как этот мешок на 150 литров для сбора травы и листьев, покрывающий его пенис, мог уместиться в такой маленькой упаковке из фольги?

Б — Где, черт возьми, он взял этот презерватив?

В — Когда он успел его надеть?

Я смотрю на Джейка, и он улыбается.

— Абракадабра.

— Ловко, Суэггер. Очень ловко.

— Знаю.

— Что ж, если ты закончил, может, уже перейдем к следующему акту твоего волшебного шоу.

Без предупреждения он входит в меня. Дерьмо, как же глубоко. Я возвращаюсь к прошлой ночи. Мы на диване. Мой страх паралича. Большой член. Банка кока-колы. Узкий канал. Да, мне конец.

— Дыши, милая девочка.

Тело Джейка не дает мне улизнуть со стола. Его слова напоминают, что мне, вероятно, действительно нужно дышать. А его нежные поцелуи на моей шее разжигают внутри огонь.

Я быстро приспосабливаюсь к нему. Первый удар в шейку матки, который чуть не лишил меня сознания, смягчился до тупой боли. Не невыносимой. А боли отчаяния. Когда в голове снова раздается тот голосок, на этот раз немного громче, я заглушаю его мольбой.

— Ох, прошу. Трахни меня, пожалуйста.

Член внутри меня дергается, но Джейк не двигается.

— Будь осторожна в своих желаниях, детка.

Дерьмо. Он прав.

— Только... не... ну...

— Скажи это, Пенелопа. Я не могу читать тебя в таком состоянии. Когда ты слишком много думаешь. Скажи, чего ты хочешь, и я дам тебе это. После чего ты обо всем забудешь. Потом мне не понадобится твой хорошенький ротик, чтобы говорить мне о своих желаниях.

За тебя все скажет твое тело. — Он целует меня за ушком. И точно так же, как в книгах, это — то самое место.

— Медленнее, Джейк. Трахай меня медленно. И прикасайся ко мне. Везде. Мне нравится, когда ты прикасаешься ко мне.

Он делает именно так, как я прошу. Толчки медленные. Глубокие и размеренные. Его руки на мне повсюду. Ласкают. Сжимают. К делу подключаются губы. Язык. Но здесь что-то не так. И хотя я точно знаю, что именно, и знала все это время — благодаря тому голоску в моей голове, — я не могу заставить себя сказать это.

Не хочу, чтобы он увидел мою слабость. Чтобы знал, какую сильную боль мне причинил. И я не уверена, потому ли это, что мне стыдно за то, что он заставил меня чувствовать, или потому, что я не хочу, чтобы он сожалел о том, что заставил меня это чувствовать.

— Поговори со мной, детка.

Боже, как бы мне хотелось.

— Просто скажи это, красавица.

Даже ласковые слова не помогают.

Он замирает внутри меня. Нежно целует. Смотрит еще нежнее. Затем с его губ слетают слова, которые мне нужно было услышать, как сладчайшая мелодия, наполненная болью, которая способна вывернуть наизнанку и заставить тосковать по тому, чего я не осознавала, но в чем так отчаянно нуждалась.

— Доверься мне, Пенелопа. Я держу тебя.

Не раздумывая больше, я сдаюсь. И во второй раз за сегодняшний вечер отдаю этому мужчине частичку себя.

— Я хочу этого. Но не хочу чувствовать то, что испытала прошлой ночью. Я не такая, Джейк. Я не... они.

Они.

Мисс Симс.

Все остальные.

Все женщины до меня.

Наемные шлюхи, которых оставили одних на диване.

Трахнули и забыли.

Возможно, я значу для него не больше, чем они.

Возможно, я являюсь для него не большим, чем они.

Но я не могу позволить ему обращаться со мной, как с куском мяса.

Только не снова.

Он ничего не говорит. Ни слова. Просто обездвиживает меня своим стоическим, задумчивым взглядом.

Гребаный ад.

Я так и знала.

Прижимаю ладони к его груди и отвожу взгляд.

— Слушай... я... — у меня вырывается нервный смешок. Ненавижу быть такой незащищенной. Такой уязвимой.

Дурацкое гребаное доверие.

Дурацкий гребаный голосок.

Дурацкая гребаная Пенелопа.

— Прости. Мне не следовало...

Он прерывает меня поцелуем. Обжигающим поцелуем, который оставляет синяки на моих губах и полностью сводит на нет то, как он держит мое лицо в своих ладонях, будто оно фарфоровое. У меня от этого голова идет кругом. Его дыхание контролируемое, но немного хрипкое, когда он отстраняется и шепчет мне в губы:

— Ты — не они. Слышишь меня?

Я киваю.

Он снова захватывает мой рот. Этот поцелуй слаще предыдущего. Нежнее. Медленнее. Он обвивает мои руки вокруг своей шеи. Мои ноги вокруг своей талии. Оставаясь погруженным в меня, выпрямляется со мной в объятиях.

— Ты никогда, бл*ть, не будешь ими.

Каждые несколько шагов он целует меня. В губы. В шею. В щеки. В нос. В уголки губ. В висок....

Боже.

Эти поцелуи в висок...

Я тоже целую его. В челюсть. Ухо. В подбородок. В шею. В губы... которые теперь уже атакуют мои губы. От возжелания кружится голова, и я купаюсь в тепле, которое не имеет никакого отношения к сексу, а к чему-то совершенно другому. Но я не подавляю этого. А наслаждаюсь. Живу настоящим моментом. Отпускаю все, чтобы моему хорошенькому роту не пришлось говорить, заставив вместо этого свое тело говорить за меня.

И я очень быстро понимаю, что должна позволять своему телу говорить все время.

Я на кровати. Большая ладонь удерживает мои запястья над головой. Другая прикасается ко мне так, как я люблю. Скользит по моей груди, ребрам и обвивается вокруг бедра.

Я смотрю на открывшееся передо мной зрелище. Тело надо мной. Широкую, скульптурную грудь, покрытую волосами. Восемь кубиков пресса, исчезающих в перевернутом треугольнике мышц. А под ним... толстый, красивый — для члена — ствол, который медленно выходит из меня почти полностью. Затем Джейк подается бедрами вперед, притягивает меня к себе и снова входит.

Снова и снова. Пока я больше не могу держать голову. Пока не зажмуриваюсь и не двигаюсь ему навстречу. Пока не распадаюсь под ним от его слов: «Такая чертовски идеальная». И: «Я еще не закончил с тобой, красавица». Я хнычу, кричу, умоляю и прочее, и прочее, пока не получаю свое.

Сжалившись, его толчки становятся немного жестче, так что тупая, отдаленная, медленная жгучая пульсация внутри меня звучит крещендо.

И больше, это ощущение продлевается, когда он перемещает наши тела и находит глубоко внутри меня то самое местечко.

Зажимает мой сосок зубами, вызывая укол боли, а затем успокаивает его языком и обдувает прохладным воздухом.

Все это одновременно пугает и восхищает. Запретное удовольствие. Меня переворачивают и ставят на колени, его член снова погружается в меня, а затем его палец находит то единственное место, которого еще не касался его рот. Я отстраняюсь — стыд пересиливает желание.

— Спокойно, детка.

Ему легко говорить. Не у него палец в заднице.

— Перестань думать. Чувствуй.

Я и чувствую... палец в своей гребаной заднице.

Затем чувствую глубокий толчок, который выбивает весь воздух из легких.

Чувствительность из пальцев ног. И мысли из головы.

Я кончаю так сильно, что падаю лицом вниз. Задница все еще вздернута к потолку. Джейк продолжает трахать меня до бессознательного состояния, и я не ощущаю силы притяжения. Да и не хочу. К черту гравитацию. Если только гравитация — это не Джейк Суэггер. Который может засунуть мне в задницу все, что захочет, лишь бы было так же приятно, как сейчас.

Раздается воинственный крик, отчего я выгибаю бровь — интересно, может, он потомок Арминия (*прим.: Арминий — вождь древнегерманского племени херусков, нанёсший римлянам в 9 году н. э. одно из наиболее крупных и сокрушительных поражений Рима н. э. в битве в Тевтобургском Лесу*). Или частично оборотень. И не только из-за крика. Но и из-за невероятной выносливости. Он должен быть истощен. Он сам сделал всю работу. Так что потомок оборотня или война — это единственное объяснение тому, откуда у него берутся силы на то, чтобы проложить дорожку из поцелуев вниз по позвоночнику, затем снова вверх, перевернуть меня, уложить головой на подушку, и отправиться в ванную, чтобы избавиться от презерватива.

Все, что сделала я, это всхрипнула и постаралась взять под контроль учащенное сердцебиение.

Я почти засыпаю, когда Джейк забирается в кровать, натягивает на меня одеяло, наклоняется и целует в уголок губ.

— Детка, как ты себя чувствуешь?

Этот вопрос полностью лишает меня чувства юмора. Я ношу его как броню, а без него я трусиха. Вот почему притворяюсь спящей, чтобы не отвечать, потому что боюсь, что могу сказать правду. А я не уверена, что он будет делать с этой правдой. Как к ней отнесется. Или как его реакция повлияет на меня.

Больше он не спрашивает.

Но и не оставляет меня в покое.

Ложится рядом. Обвивает меня рукой. Притягивает к себе и зарывается лицом мне в волосы. Целует в макушку. Чувствую, как его тело расслабляется. Именно в этот момент я обретаю мужество.

Хочу, чтобы он снова задал мне прежний вопрос. Я недостаточно сильна, чтобы сказать все сама, но если он спросит, я отвечу правдиво.

Молюсь, чтобы он спросил.

Ответ на мою молитву — его молчание и медленное, глубокое дыхание, которое говорит мне, что он спит.

Поэтому я запикиваю свою правду в бутылку эмоций и приберегаю ее для следующего раза, когда он спросит меня, что я чувствую. Что я совсем не похожа на мисс Симс.

И что я в него влюбляюсь.

Глава 17

Эмили такая эгоистка.

Хорошая подруга распределила бы оставшуюся в квартире еду на порции и не высывалась из дома, как я и просила. Но не Эмили. Приспичило же ей среди бела дня пойти в магазин за продуктами, где ее мог увидеть кто угодно. Моей мамы в магазине не

было, но она была в своей мастерской, когда Эмили вернулась в квартиру — ту, что располагалась прямо над вышеупомянутой мастерской.

— Просто не верится, что ты пошла на такие крайности, чтобы солгать мне. И втянула в это Эмили... Пенелопа, как ты могла?

Я закрываю лицо рукой и стону.

— Мама. Все в порядке. С Эмили все в порядке. Со мной все в порядке. Ей нужно было побыть наедине, а мне нужно было побыть немного вдали от нее, чтобы собрать информацию для книги о моем Том Самом Парне.

— Пенелопа Лейн Харт! — шепчет-кричит-шипит она. Звук такой громкий, что мне приходится отнять телефон от уха. — Ты все еще в доме того мужчины?

Я выглядываю из-под руки и вижу рядом с собой Джейка, он лежит без сна и с довольной улыбкой на лице. Видимо, он услышал.

Мама снова набрасывается на меня. И вместо того, чтобы встать и забаррикадироваться в другой комнате, чтобы Джейк не мог ее услышать, я поворачиваюсь на бок лицом к нему и включаю громкую связь. Мамин голос заполняет комнату на середине предложения:

— ...может быть насильником. В наши дни никогда не знаешь о людях наверняка. Особенно о людях *оттуда*. — Джейк приподнимает бровь, и я ухмыляюсь. — Они не похожи на нас. Мне все равно, на какие шикарные вечеринки он тебя водит, или насколько он богат, или какой он, по словам Эмили, милашка, я ему не доверяю.

— Мама...

— Как такой мужчина может быть до сих пор не женат?

— Мама...

— Эмили показала мне фотографию в Google.

— Мама...

— Но она не говорит мне, как можно проверить его биографию.

— Мама...

— Я уже испекла пирог, чтобы подкупить шерифа.

— Мама!

— Ты занимаешься с ним сексом, Пенелопа?

Боже, Луиза.

— Мам, ты на девятом уровне громкости. Мне нужно, чтобы ты снизила его до трех, прежде чем у тебя поднимется давление. Сделай несколько глубоких вдохов.

Пока она это делает, я обмениваюсь улыбкой с Джейком. Обычно мы либо спорим, либо флиртуем, либо трахаемся. Но это кажется нормальным. Уютным. Немного неловким, учитывая, что мама повторяет дыхательное упражнение.

Когда я думаю, что с нее хватит, спрашиваю:

— Лучше?

— Намного. Да. Хорошо. Я в порядке. Мне все еще не нравится, что ты там с этим странным мужчиной, но я отдаю это в руки Господа. Слава небесам, Библия говорит нам, что Он всегда прислушивается к нашим молитвам за тех, кто живет во грехе. Если бы это было не так, Он бы никогда не услышал меня, когда я молилась за тебя.

Джейк ухмыляется.

— Спасибо, мам, — говорю сухо.

— Убедись, чтобы он узнал, что твоя мама будет регулярно проверять тебя. Так что лучше ему не пробовать никаких штучек-дрючек. Я читала в газете, ты же знаешь колонку

Конни о том, как женщине быть начеку в опасном мире? Так вот, только на прошлой неделе она написала, что большинство насильников не нападают на женщин, которые имеют активные отношения с семьей и друзьями. В основном, они нацелены на одиночек. Вроде... — ее голос падает до шепота, — шлюх.

Ничего не могу с этим поделать. Я смеюсь. Джейк закатывает глаза и показывает мне палец.

Ох, этот палец.

— Он хороший парень, мам. Тебе не о чем беспокоиться.

— Я — мать. Беспокоиться — моя работа, Пенелопа. — Печаль в ее голосе разрывает мне сердце.

Джейк протягивает руку и гладит мой висок большим пальцем. Я заставляю себя улыбнуться, но он не отвечает. Он задумывается еще на мгновение. А потом делает нечто действительно глупое.

— Мисс Харт?

Я ныряю за телефоном, но он хватает его и держит вне досягаемости.

— Какого хрена ты делаешь? — говорю я одними губами, но он меня игнорирует.

— Мисс Харт, это Джейк Суэггер. Пенелопа остановилась у меня.

Он такой любезный и обходительный. Говорит с теплотой в голосе и широко улыбается, даже если мама этого не видит. Но все исчезает, когда мамин тон теряет свое милое южное очарование и становится будничным.

— Что я могу для тебя сделать, сынок?

Я откидываюсь назад и ухмыляюсь. Это может оказаться довольно интересным.

— Я просто хотел, чтобы вы знали, что Пенелопа со мной в безопасности. И так будет все время ее пребывания в Чикаго.

Проходит мгновение тишины, прежде чем она отвечает.

— Джейк, да?

— Да, мэм.

— Что ж, Джейк, я ценю это. И раз мы говорим с тобой по телефону, хочу, чтобы ты кое-что понял.

О, Господи.

Мне знаком этот голос.

— Если моя дочь вернется домой с разбитым сердцем или в слезах... я возложу на тебя личную ответственность. Ты не захочешь, чтобы я приезжала в Чикаго, Джейк. Ты меня понимаешь?

— Да, мэм. Я позабочусь о ней.

— Не давайте обещаний, которые не сможете сдержать, молодой человек.

Джейк ухмыляется.

— Даже и в мыслях не было, мисс Харт.

— Это ты сейчас так говоришь. Но с Пенелопой может быть непросто.

— Я вполне осведомлен на этот счет, уверяю вас.

— Она всю жизнь была такой.

— Я, вообще-то, здесь, мам. И мой телефон вот-вот умрет.

Прежде чем она успевает что-то сказать, выхватываю телефон у Джейка, говорю ей, что люблю ее, и отключаюсь, не давая ей возможности ответить, а Джейку — попрощаться. За что он укоряет меня прищуренным, неодобрительным взглядом.

— Я проголодалась. Можем мы позвонить в Uber Eats?

Его лицо смягчается, и он ухмыляется.

— В Uber Eats не звонят, милая. Для этого есть приложение. И я уже заказал нам кое-что. — Он хватает свой телефон и проводит пальцем по экрану, затем поворачивает его так, чтобы я могла видеть. — Заказ будет доставлен через пять минут.

— Тогда нужно одеться, чтобы не встречать Альфреда голой. — Я откатываюсь от него и выпутываюсь из-под одеяла.

— У Альфреда сегодня выходной, но даже если бы он был здесь, то не поднялся бы сюда и не увидел бы тебя голой.

— Ты этого не знаешь.

— Нет. Знаю. Точно так же, как знаю, что Вэнс, другой консьерж, который сегодня работает вместо Альфреда, тоже не войдет сюда и не увидит тебя голой.

— Как скажешь. Я спущусь вниз, встречу Uber. — Я вздрагиваю, когда встаю. Все, что находится к югу от пупка, болит. И, как и вчера, в этом нет ничего приятного. Это просто не может быть нормальным. — Я не знаю Вэнса. Он может оказаться извращенцем.

Несмотря на смех Джейка, чувствую его обжигающий взгляд, когда очень медленно и очень обнаженно пересекаю комнату.

— И никакого секса сегодня, — бросаю я, изо всех сил стараясь не смотреть на него, растянувшегося в постели в одной лишь простыне, прикрывающей этот гребаный фонарный столб, который он называет пенисом. — Или завтра. Или, может быть, всю оставшуюся жизнь.

Он усмехается.

— Немного чересчур, тебе не кажется?

— Нет. Вероятно, потребуется столько же времени, чтобы мое влагалище вернулось к своему первоначальному размеру.

Его стон низкий и болезненный, и я готова поспорить на что угодно, что он гладит себя.

Мужчины.

— Не говори «вагиалище», Пенелопа.

— Это подходящий медицинский термин, Джейк.

Гостевая ванная кажется за миллион миль отсюда. Я бы воспользовалась его зубной щеткой, но мне нужна моя. срочно. И как бы сильно я ни хотела быть такой же, как любая другая типичная героиня любовного романа, я не нуждаюсь в ней настолько сильно, чтобы пользоваться зубной щеткой Джейка.

Некоторые вещи я просто не буду делать.

Жалюзи в спальне Джейка были закрыты, но те, что в комнате для гостей, дают полный обзор на зловеще серое небо. Похоже на кадр из «Послезавтра». Все по-прежнему. Холод. Жуть. Даже глазам больно смотреть на такое. Но не так сильно, как мне больно видеть собственное отражение в зеркале ванной.

Я окутана тем самым свечением только что оттраханной героини, но без видимого свечения. Слишком зацелованные губы немного пересохли. Безумные, густые, неукротимые кудри беспорядочно торчат во все стороны. Тушь комочками прилипла к ресницам и размазалась под глазами.

Не то чтобы я осмотрела его, но почти уверена, что влагалище пребывает в таком же только что оттраханном состоянии, как и все остальное во мне. Боюсь, оно может быть уничтожено. Я бы закинула ногу на туалетный столик, чтобы визуально осмотреть

повреждения, если бы не была так напугана тем, что могу обнаружить.

Рот чист, мочевого пузыря пуст, я роюсь в гардеробе мисс Симс, висящем в шкафу, в поисках чего-нибудь обычного. Замечаю в глубине что-то серое и прихожу в восторг. Кажется, это спортивные штаны.

Пожалуйста, пусть это будут спортивные штаны...

Это... штаны. На вид удобные. С подходящим верхом, на котором буква «С» перекрещивается с другой «С», только перевернутой. Такое чувство, что я должна знать, что это значит. Почти уверена, что это «Тренер» (*прим.: от англ. coach — тренер*). Я смотрю на бирку.

Chanel.

Я думала, они производят только духи.

— О, боже, потрясающее ощущение.

Не могу перестать водить руками по ткани. Она такая мягкая. Даже не имею представления, что это за материал. Но мне нравится.

Нахожу какие-то тапочки от Chanel, надеваю их поверх носков, потому что я модница, и направляюсь к лифту.

Уткнувшись носом в стену и напевая свою песенку, отвлекаюсь на мысль о том, какую еду заказал Джейк. Надеюсь, это не что-то полезное вроде омлета из яичного белка или бекона из индейки. Он похож на парня, который ест такую дрянь. Хотя он также из тех парней, которые без рубашки жарят настоящий бекон. Так что, откуда мне знать?

В вестибюле тепло и уютно. Человек, сидящий в машине и сигналивший? Не очень. Я думала, он должен пройти в вестибюль. Разве нет? Нет, потому что он говнюк. И я вынуждена выйти под снег и встретиться с ним у его машины.

Сколько сейчас на улице? Минус сорок два?

Мелкий паршивец, которому от силы не дашь больше пятнадцати, опускает окно, и я хочу схватить еду, показать ему палец и послать его к черту. Потом вспоминаю, что должна ему заплатить. А денег у меня нет.

— Я з-забыла д-деньги. — Обхватываю себя руками, чтобы согреться, пока он смотрит на меня, как на идиотку.

— Вы миссис Суэггер?

Миссис Суэггер.

Что же... звучит приятно.

— Д-да.

— Дамочка, вы заплатили через приложение. — Он показывает мне телефон, будто я должна понимать то дерьмо, что там показано.

— О, ч-что же, в этом с-случае... — я хватаю еду. Показываю ему палец и, заикаясь, произношу лучшее оскорбление, на которое способны мои задубевшие губы и стучащие зубы. — И-иди н-н-н-на х*й, м-мелкий засранец.

— Пенелопа? — Я выпрямляюсь и обнаруживаю на себе пристальный взгляд Джима Кэнттона. Затем он переводит его на водителя Uber. — Все в порядке?

— Д-да, с-с-сэр. — Дерьмо. Бл*ть. Черт.

— Тебе лучше зайти внутрь, девочка. Здесь очень холодно. Где твоя куртка? — Он придерживает дверь и ведет меня внутрь, бросая тревожные взгляды через плечо, пока машина не отъезжает.

Я подхожу к массивному камину в вестибюле. Я промерзла до костей. Вне всяких

сомнений. А я пробыла снаружи всего пару минут. Мне никогда не было так холодно, как сейчас. Это неправильно.

— К такой погоде нужно привыкнуть, да? — Он снимает толстую куртку, отряхивает ее от снега и набрасывает мне на плечи. Такой джентльмен. Боже, как же я скучаю по югу.

— У меня н-нет намерений п-привыкать к ней.

— Значит, летом здесь, а зимой в Миссисипи?

— Ч-что?

Он пододвигает стул поближе к огню и жестом приглашает меня сесть, прежде чем взять стул для себя.

— Вы с Джейком. Вы проведете зиму в Миссисипи? Чтобы не мерзнуть?

Мне удастся рассмеяться.

— О, не уверена, что мы будем делать. Или кем мы, вообще, являемся.

— Ах. Понимаю.

Желая сменить тему, киваю в сторону кожаного портфеля в его руке.

— Не знала, что у вас встреча с Джейком этим утром.

— Технически, нет. — Его легкая улыбка немного застенчива. — Ненавижу заявляться вот так, но надеялся, что с утра мы с ним могли бы обсудить несколько моментов. А этот мой чертов мобильник работает только в половину случаев.

Он достает из кармана рубашки то, что должно быть первой моделью Nokia.

— Поскольку Ной привез эту штуку на Ковчеге, не сомневаюсь, что она не работает, когда должна.

Мы смеемся, и теперь, когда мои конечности оттаяли и дрожь прекратилась, я считаю хорошей идеей позвонить Джейку и сообщить ему, что мы поднимаемся.

— Дайте мне секунду. Я позвоню Джейку и сообщу, что вы здесь, чтобы он вел себя прилично.

Бл*ть!

— Я имею в виду, оделся.

Дерьмо.

— В смысле... да. — Я вскакиваю с места и пересекаю вестибюль, но не раньше, чем слышу смешок Джима или вижу блеск веселья в его глазах.

Снимаю трубку со стационарного телефона Альфреда и жму на кнопку, помеченную большой буквой «П». Раздается восемь гудков. Я знаю, потому что считаю чертовы сигналы, проклиная Джейка на каждом, после которого он не берет трубку.

— Пенелопа.

Мои колени дрожат от его глубокого баритона, пронизанного обещанием стольких оргазмов.

— Джейк... — выдыхаю я, сжимая трубку так крепко, что удивляюсь, как она не треснула.

— Чья, бл*ть, на тебе куртка?

— Что? Как ты узнал...

— Я вижу тебя. Камеры наблюдения подключены к телефону. А теперь. Чья, бл*ть, на тебе куртка?

Я смотрю в маленький черный купол над головой и улыбаюсь.

— Ты ревнуешь?

— Да. Не собираюсь спрашивать тебя снова, красавица.

Смилуйтесь.

Он ревнует.

Меня.

Криптонит.

— Здесь Джим Кэнтон. Я подумала, что должна дать тебе знать, прежде чем мы поднимемся и застанем тебя... за делом.

— Ты не ответила на мой вопрос, Пенелопа.

Я улыбаюсь про себя и раскачиваюсь взад-вперед, пока, как шестиклашка, выписываю пальцем на поверхности конторки «Миссис Суэггер».

— Джима. Водитель Uber не стал заносить заказ внутрь. Мне пришлось выйти за ним на улицу. В снежную бурю. Я чуть не замерзла до смерти. — Выпячиваю губку и смотрю в камеру. — Джейк, это было ужасно.

— Сукин сын.

Продолжая глядеть в камеру, хлопаю ресницами.

— Что ты собираешься предпринять?

На мгновение воцаряется тишина, когда из динамика доносится шорох ткани. Он, должно быть, одевается.

— Я скажу тебе, что собираюсь предпринять, — рычит он. Моя кровь вскипает от неминуемого обещания пыток, которые он применит, чтобы защитить мою честь. — Я оставлю этому ублюдку плохой отзыв.

Подождите.

Чего?

— Плохой отзыв?

— Вот именно.

— Ладно, хватит говорить голосом Бэтмена. Теперь ты просто звучишь нелепо. Мы поднимаемся. — Я вешаю трубку, прежде чем мое желание к Джейку ослабеет еще сильнее.

Джим, услышавший только часть разговора, борется со смехом, присоединяясь ко мне.

— Похоже, погода — не единственное, к чему вы не привыкли. Городские парни совсем другие.

— Знаю, скажите? Что случилось с добрым старым рыцарством, когда мужчина выбивал дерьмо из другого мужчины? Разве они не знают, что это намного сексуальнее, чем сражаться с кем-то с помощью адвокатов или... плохих отзывов? — последнее мне приходится выдать из себя.

Раскатистый смех наполняет комнату.

— Не сомневаюсь, что Джейк справился бы физически, если бы дело дошло до драки. — Он чуть подталкивает меня плечом и подмигивает. — Не будьте к нему слишком строги. Не его вина, что он городской пижон. Уверен, он с лихвой компенсирует это в чем-то другом.

Он говорит о...

Нет.

Невозможно.

В его словах нет ничего наводящего на размышления. Вероятно, он имеет в виду его ум. Власть. Богатство...

— Вы правы. В смысле, у него ведь есть «Ролекс».

— Это те модные часы?

— Да. Полагаю, самая дешевая модель стоит около двадцати тысяч. Так что я уверена, что стоимость его часов намного превышает сотню тысяч.

— За часы?

— Ммм.

— Он в курсе, что они просто... показывают время?

Я смотрю на него и улыбаюсь.

— Джим. Я считаю нас с вами родственными душами. Извините меня.

Он усмехается, но смех стихает, когда я утыкаюсь лицом в угол и начинаю напевать. Чувствую на себе его взгляд. Как и всех остальных. Не то чтобы меня это волновало.

— Это было... странно, — говорит он, как только мы добираемся до этажа Джейка.

— Я странная девушка, Джим.

Поднимаю глаза и вижу в дверях встречающего нас Джейка. В белом «Хенли». И джинсах. И босиком. Я просто умираю и возношусь на небеса.

Он широко улыбается. Глаза устремлены на меня. И я уверена, что он собирается сказать что-то сексуальное и милое, отчего я упаду в обморок. Будто я его идеальный тип странности.

— Я бы сказал: с прибабахом.

Или нет.

Глава 18

Джейк и Джим пробыли в кабинете Джейка целую вечность.

Я позавтракала блинчиками.

Приняла душ.

Порылась в гардеробе мисс Симс.

Не нашла ничего более потрясающего, чем брючный костюм от Chanel.

Снова облачилась в него.

Привела в порядок ванную комнату для гостей.

Застелила Джейку постель.

Добила все жизни в Toy Blast.

Написала Эмили, чтобы она послала мне еще одну жизнь.

По глупости отправил ей селфи в Chanel.

Теперь жду ее ответа.

Получаю эмоджи со средним пальцем.

И никакой жизни для Toy Blast.

Какова завистница.

Смотрю на часы и понимаю, что «вечность» — всего несколько часов. Кажется, дольше, потому что, хотя он всего в нескольких футах от меня, я не вижу Джейка. И я скучаю по нему. Скучаю по его лицу. Рту. Губам. Юмору. Даже по его гневу. И от мыслей о нем у меня возникает ощущение, что я под кайфом.

Не как кайф от марихуаны. Несколько раз, когда я курила, мне просто приходили в голову всякие глупости, вроде, какие числа на вкус. И какая согласная в слове «отдых» звонкая, а какая глухая. Кстати, я до сих пор этого не поняла.

Да. Сейчас мои ощущения определенно не похожи на кайф от марихуаны. Они больше похожи на кайф от метамфетамина.

Не то чтобы я употребляла метамфетамин. Но слышала, что он обостряет чувства. Заставляет очень быстро бегать. От него не хочется спать.

Может, это вампирский яд...

Да, пофиг.

Итог?

Я влюбляюсь в Джейка Суэггера.

Он властвует над моим разумом, моим телом и моим сердцем.

Моя кровь вскипает от мысли о нем.

С каждым болезненным шагом соски твердеют.

От его запаха, который присутствует повсюду, пульс учащается.

Прошлой ночью я была убеждена, что влюбляюсь. Сегодня решила переоценить ситуацию, учитывая, что не нахожусь под влиянием посткоитального, ошеломляющего оргазма. И потому, что мне скучно, и у меня есть десять минут, пока я не получу жизнь в Toy Blast.

Итак, это похоть или любовь?

Похоть — вот источник. Похоть усиливает момент. Усиливает впечатления. Создает сексуальное влечение, которое приводит к сексуальному контакту, заставляя вас забавно ходить, одновременно предвкушая следующий раз, когда он проникнет в вас до самого предела. Но от похоти вы можете уйти. Можете улыбнуться воспоминаниям, если захотите их запомнить. Или можете забыть все напрочь.

Но любовь?

Отдайте кому-нибудь свое сердце, и вы пожалеете об этом. Будь то сегодня, завтра или через сто лет, однажды вы ощутите обратную сторону этого чувства. Ничто настолько великое не проходит бесследно. Именно поэтому любовь так сильна.

Будь у меня выбор, я бы выбрала похоть. Проблема в том, что все не так просто. Здесь нет нескольких вариантов. Я не могу ничего выбирать. Данная честь выпала моему сердцу. И этот тупой сучонок только и делал, что принимал неправильные решения, с тех пор как попытался вырваться из моей груди при виде Эдди Смита, одетого в плащ Черепашки-ниндзя и трусы на вечеринке по случаю моего шестого дня рождения.

Если бы только мое сердце было таким же умным, как моя вагина.

К черту мое сердце.

Решение принято.

Я чувствую похоть.

Похоть не приводит к потере.

Только к награде.

Когда дело доходит до любви, никакой награды нет.

Любовь искалечит вас.

С другой стороны, трахаясь с Джейком Суэггером, вы тоже покалечитесь.

Так что, на самом деле... что, черт возьми, я знаю?

Глава 19

Когда Джейк и Джим, наконец, выходят из кабинета, на часах уже час дня.

Они смеются.

Я снова голодная.

А также очарована великолепием глубокого, раскатистого смеха Джейка. И тем, как перекачиваются мышцы под его рубашкой, когда он пожимает Джиму руку. И то, как его джинсы облегают его во всех нужных местах. И как я хочу облизать все эти нужные места.

Свист. Щелчок пальцев.

— Эй... Пенелопа... — я поднимаю глаза на Джейка. Забавно, что мой мозг просто перестает функционировать, когда я смотрю на его промежность.

— А, Джейк. — Я ищу глазами Джима, но его здесь нет. И мысль о том, что мы снова одни, чертовски возбуждает.

— Где ты витаешь, красавица?

Не верится, что он только что назвал меня красавицей. Трезвым. Все еще с членом в штанах.

Я приближаюсь к нему.

— Я витаю... повсюду. Вы закончили? У тебя получилось? Неужели Кэнтон стал чертовски богат? А ты теперь гордый владелец какого-то специального приспособления, которое поливает посеvy?

Руки Джейка взмывают в воздух. Он взбрыкивает ногой. Делает странное лицо. Переводит взгляд с меня направо, затем снова на меня. Довольно занимательно и невероятно сбивает с толку. Потом шепотом кричит мне, и до меня доходит.

— Заткнись на хрен! Он все еще здесь.

— Черт возьми, я не знала! — шепчу-кричу в ответ.

Позади меня открывается дверь, и Джейк бросает на меня быстрый предупреждающий взгляд, прежде чем нацепить фирменную улыбку Суэггера. Я закатываю глаза, но вскоре моя улыбка совпадает с улыбкой Джейка, когда Джим подходит к нам.

Пока они обсуждают несколько деталей о какой-то хреновине, которая мне неинтересна, я забираю у Джейка сотовый, чтобы вновь сделать заказ в Uber Eats. Потрясающее приложение. Заказ доставят куда угодно. Проедут даже через полгорода, чтобы привезти пиццу, которую я ела в свой первый вечер здесь.

Я только сделала заказ, когда Джейк небрежно обнимает меня за плечи, чтобы привлечь мое внимание. Опускаю телефон в задний карман и обнимаю Джейка за талию, притворяясь, что меня волнует их разговор, а не заикленность на пицце, которая прибудет сюда через тридцать минут.

— Министерство транспорта сняло запрет на полеты, так что Джим вернется домой сегодня днем.

Хотя мне плевать, я отвечаю соответствующим опечаленным взглядом, чтобы выразить свое разочарование.

— Что ж, было приятно познакомиться с вами, Джим.

— И мне было очень приятно, Пенелопа. — Джим берет мою руку и целует ее почти благоговейно. — До следующей встречи.

Джейк провожает его до двери, и я не могу оторвать глаз от идеальной задницы Джейка. Но ничто не сравнится с его улыбкой, когда он возвращается.

— Кто-то счастлив. Полагаю, встреча прошла удачно?

Он кивает, его взгляд скользит по мне.

— Чрезвычайно удачно.

— Ммм...

Его руки обвиваются вокруг моей талии, и он притягивает меня к себе.

— Ты едешь со мной в Канзас.

Я пытаюсь рассмеяться, но это больше похоже на вздох, когда я изучаю его губы. Полные. Гладкие. Созданные для поцелуев.

— Какой вы требовательный, мистер Суэггер.

— Так и есть, мисс Харт. Мы вылетаем послезавтра.

Он так близко. Пахнет так вкусно. Я реально борюсь за то, чтобы восстановить дыхание.

Когда, наконец, мне это удастся, я не могу не подразнить его.

— Почему ты так уверен, что я полечу? Может, у меня планы.

— Нет у тебя планов, — говорит он, его губы скользят по моей челюсти.

Я выгибаю шею, чтобы дать ему лучший доступ.

— Но могли бы быть.

— Да? — Он прокладывает себе путь к мочке уха и стискивает ее зубами. — Какие, например?

Мои бедра сжимаются. Болезненность там вызывает дрожь, пробегающую по позвоночнику при воспоминании о прошлой ночи.

— Может, у меня свидание.

Он замирает.

— Свидание?

Хм... это может быть весело.

— Да. Свидание. Ну, знаешь... ужин. Вино. Свечи... секс...

— Пенелопа, — рычит он, звук исходит из глубины груди.

— Вас беспокоит мысль о том, что я занимаюсь сексом с другим мужчиной, мистер Суэггер?

— Да.

Я улыбаюсь ему в челюсть, прежде чем прикоснуться к ней губами.

— Я подумывала о том, чтобы открыть дома эскорт-службу. Вроде той, какой пользуешься ты. Мне кажется, из меня получилась бы хорошая мисс Симс. Как считаешь?

Вроде бы, он пытается снова произнести мое имя, но выходит лишь глухой рокот. И я начинаю думать, что Джейку не нравится, что я бросаю ему в лицо упоминание о мисс Симс. Хочу извиниться. Сказать, что я просто пошутила. Но прежде чем успеваю, начинается... хаос.

Рот Джейка пожирает мой, он просовывает обе руки мне в штаны и стягивает их с бедер. Я сжимаю в кулак волосы у него на затылке. Он хватает меня за талию и поднимает вверх. Не прерывая поцелуй, я высвобождаю ноги из штанов, а затем обхватываю ногами бедра Джейка.

Он проносит меня короткое расстояние до кабинета. Моя спина прижимается к стене. Грудь выгибается навстречу его груди. Нуждаясь в том, чтобы чувствовать его больше, я отпускаю его волосы и расстегиваю молнию на своей куртке. Затем снова прижимаюсь к нему. Соски под лифчиком затвердели. Грудь ноют. Отчаянно нуждалась в его прикосновении.

Он отстраняется, чтобы расстегнуть джинсы, и мне приходится сцепить руки и ноги, чтобы не упасть. Губами скольжу по его подбородку. Шее. Плечу. Он отпускает мою талию и достает из кармана презерватив. Его слова и грубость в голосе заставляют меня хныкать и стонать, когда он говорит отрывистыми фразами.

— ...сводишь с ума... гребаное свидание... пытаешься заставить ревновать... чертовски преуспеваешь... бл*ть, твои трусики промокли.

Костяшками пальцев он скользит по мокрому материалу. Прикосновение воспаляет меня. Я откидываю голову назад. Глаза закрыты. Губы приоткрыты. Ногти вонзаются в его плоть. Бедра приподнимаются и толкаются в его руку.

— Эта сладкая влажная киска промокла из-за меня, Пенелопа.

Я хнычу в ответ что-то неразборчивое.

Он сдвигает промежность трусиков в сторону и проводит пальцем по моей щелке.

— Эти красивые розовые губки распухли из-за меня.

Я выгибаю спину навстречу его прикосновениям, и он погружает в меня один палец на всю длину. Жестко трахает им. С каждым толчком костяшки пальцев ударяются о мой влажный жар.

— Тебе больно из-за меня. Потому что, когда я трахаю тебя, то не могу насытиться.

Смилуйтесь.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя членом так же, как трахаю пальцем?

Я киваю, хнычу, умоляю и могу умереть, если он не исполнит обещание.

— Я погружусь этим большим ублюдком в твою нежную маленькую пи*ду и буду вколачиваться в тебя, пока ты не станешь умолять меня остановиться.

Дерьмо. Ладно. Теперь я боюсь, что умру, если он все-таки исполнит обещание.

Я напрягаюсь и открываю глаза, несколько раз моргая, чтобы сфокусировать зрение. Он выглядит таким голодным. Таким диким. Таким грубым и неукротимым.

— Джейк... я...

— Ты — что? — Он сильнее толкает палец внутрь. — Не хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Что за вопрос?

— Хочу, просто я...

Мой голос стихает, когда он засовывает палец, которым только что меня трахал, себе в рот. Закрывает глаза и издает низкий гул, затем медленно вынимает палец изо рта.

Охрененно горячо.

Он снова меня целует. Уверена, чтобы отвлечь меня от мыслей о *большом ублюдке*, прижимающемся к моему входу. К счастью, это работает, и я расслабляюсь. Он поглощает мои стоны. Большими пальцами касается клитора, и я хнычу. Отступает, когда я напрягаюсь. Толкается, когда я выгибаюсь ему навстречу.

Его бедра устанавливают медленный, размеренный ритм, пока он не растягивает меня достаточно, чтобы я перестала испытывать дискомфорт, желая большего и пропитывая его своим возбуждением.

— Сейчас я жестко трахну тебя, Пенелопа. — Обещание произнесено с такой убежденностью и серьезностью, что я вынуждена встретиться с ним взглядом. В них такая глубина, какой я никогда не видела. — Я хочу, чтобы тебе было больно. Чтобы ты не забывала, чья это киска.

— Даджейкпожалуйста, — теперь это стало словом. И оно единственное, что я могу произнести, когда он с силой проникает в меня. Трахает без всякой сдержанности. Сверлит, пока посасывает мои соски через ткань лифчика. Скользит ладонями по моим бокам и обхватывает мои плечи сзади. Тянет вниз, в то время как сам толкается вверх.

Его член скользит по шелковистому местечку, ставшему источником моего удовольствия. Его движения такие быстрые. Такие глубокие. Настолько жесткие, что у меня нет отсрочки от непрекращающегося удовольствия, которое приносит каждый удар. И нет никаких сомнений в том, что эта киска — действительно его киска.

Через несколько мгновений по позвоночнику разливается тепло. На мгновение оседает меж бедер, прежде чем выстрелить прямо в сердце. Я распадаюсь вокруг него в освобождении, от которого перехватывает дыхание, останавливается сердце и смывает все

сомнения, что я испытывала ранее по поводу того, что позволила ему взять меня так жестко, и весь страх перед тем, каким будет мое физическое состояние после.

Потому что то, как Джейк Суэггер заставляет меня кончать, чертовски того стоит.

Глава 20

У меня никогда раньше не было сердитого траха.

Но мне он понравился.

Я все еще прижата к стене. Джейк все еще внутри меня. Я уверена, что его большая ракета сожгла все топливо, но ни за что на свете не вспомню, когда или как это произошло. Я была слишком занята, пытаюсь держаться подальше от огневой мощи во время своего оргазма.

Не думаю, что когда-либо была ближе к Иисусу.

Отпускаю его шею, и мои ноги скользят вниз по его телу, пока я не встаю на ноги. Хоть и чувствую, как парю от вида того, как он изучает мое лицо, проводя кончиками пальцев по моему лбу. Заправляет мои волосы за ухо. Гладит большим пальцем висок.

Момент нарушен звонком телефона, стоящего на его столе. Сначала, кажется, Джейк ничего не замечает. Или, может, ему просто все равно. Но затем из его заднего кармана доносится сигнал пришедшего уведомления, и он закрывает глаза. Делает глубокий вдох, и я повторяю за ним.

— Наверное, Uber Eats, — шепчу я.

Он приоткрывает один глаз и ухмыляется.

— Опять?

— Да. Я проголодалась и сделала заказ с твоего телефона. Это ничего?

Он закатывает глаза.

— Конечно.

Телефон на столе звонит снова.

— Я должен ответить, — бормочет он извиняющимся тоном.

— Ладно. Я спущусь к Uber Eats.

— Хочешь, попрошу Вэнса поднять заказ сюда?

Я качаю головой.

— Нет. Я схожу сама. Мне бы не помешал свежий воздух. — Я ухмыляюсь. — К тому же, если это то же самый мелкий засранец, что и раньше, я сообщу ему, что мой большой грозный муж оставит ему плохой отзыв.

Джейк хмурит брови. Телефон продолжает звонить, но мы оба игнорируем его.

— Муж?

— Ммхм. Водитель Uber решил, что я твоя жена. Он даже назвал меня миссис Суэггер.

Он откидывает голову назад и смеется. Когда наши взгляды встречаются, его глаза искрятся весельем.

— Что же, Суэггеры известны быстротой действий. Так что тебе лучше спуститься туда, жена. Мы должны поддерживать свою репутацию. — Он игриво подмигивает.

Незаметно для него, я уже планирую нашу свадьбу. Даю имена нашим детям. Представляю, как мы вдвоем гоняемся за ними по парку, неподалеку от которого мы можем жить, не боясь, что они наступят в кучу собачьего дерьма.

С ухмылкой он наклоняется, чтобы запечатлеть влажный поцелуй на моих губах, пока застегивает брюки. Отходит от меня и хватает со стола надоедливый гребаный телефон. Отвечая, он держит голос под контролем. Его тон холодный и деловой. Мне требуется

немного больше времени, чтобы собраться с мыслями и найти свою одежду.

Собрав ее всю и одевшись, выхожу из квартиры с мечтательной улыбкой на губах, которые все еще покалывает от его поцелуев. Наконец, подъезжает лифт, я влетаю внутрь и прижимаюсь носом к углу.

Напеваю свою песенку и улыбаюсь. Испытываю невероятное счастье. Покалывание.

Кого, черт возьми, я обманываю?

Я по уши влюблена.

Лифт останавливается раньше, чем ожидалось. Я пожимаю плечами, полагая, что поездка прошла быстрее, чем обычно, потому что я так отвлеклась. Или, может, потому, что уже привыкла. Но когда открываю глаза и выхожу из угла, освещение выглядит по-другому. Приглушенный желтый цвет вместо мягкого белого.

И двери не открываются.

И я слышу слабый писк отключившегося электричества.

А двери все не открываются.

И в маленьком окошке с цифрами на панели рядом с дверью нет никаких цифр.

И двери не открываются.

И тут раздается жужжание, щелчок, и в углу вспыхивает красная лампочка.

И двери не открываются.

Пространство кружится. Я чувствую, как смыкаются стены. Слышу скрипы, стоны и щелканье проводов. Я почти уверена, что падаю. Но не уверена, как все еще стою на ногах, если падаю.

Кажется, меня сейчас вырвет.

Меня рвет.

Кто-то разговаривает. Я слышу голоса, доносящиеся откуда-то. Может, снаружи лифта? Я остановилась на другом этаже?

Пораженная осознанием того, что парю в воздухе и в любую секунду могу погибнуть, меня охватывает паника.

Я кричу, чтобы голос помог мне. Стучу кулаками в двери, которые не открываются. У меня сводит желудок. Зрение затуманивается. Я чувствую, как горло перехватывает.

Из динамика внутри лифта доносится голос. Я улавливаю обрывки слов. Что-то насчет сохранения спокойствия. Электричество отключилось. Проблемы с генератором. Я кричу кому-то — кому угодно — чтобы меня вытащили отсюда к чертовой матери. Пробую открыть двери. Жму на все кнопки. Где телефон? Здесь должен быть телефон. С собой у меня его нет. Я умру.

Меня рвет.

— Да-да-да-да... да-да-да-да... — кто-то поет припев моей песенки. На мгновение киваю головой в такт, пока пытаюсь дышать сквозь сухие спазмы, потому что мой желудок пуст и мне больше нечем рвать.

Когда я обретаю голос, пою вместе с голосом.

— Да-да-да-да...

Я на коленях.

— Да-да-да-да...

Лбом к стене.

— Да-да-да-да...

Хочу, чтобы комната перестала вращаться.

— Да-да-да-да...

Заставляю свой разум не сосредотачиваться на падении.

Падение...

Падение...

Падение...

— Пенелопа!

Джейк?

— Пенелопа!

Нет, не Джейк.

Лифт дергается.

Нечеткие, черные точки затуманивают зрение.

Меня снова тошнит.

— Пенелопа, детка, дай мне свою руку.

Мне так страшно. Но я клянусь, что голос настоящий.

— Открой глаза, Пенелопа.

Я не могу открыть глаза. Поэтому пою.

— Да-да-да-да...

— Пенелопа!

— Да-да-да-да...

— Пожалуйста, милая. Пожалуйста, послушай меня.

Джейк?

— Ради всего святого, Пенелопа! Посмотри на меня!

Это Джейк.

— Джейк?

— Пенелопа! Детка, я здесь!

— Джейк? — Я открываю глаза, но вижу лишь стену. — Джейк!

Я смотрю налево. Направо.

— Джейк!

— Повернись, Пенелопа. — Спокойствие в его тоне помогает подавить панику.

— Джейк...

— Я здесь, детка. Просто повернись.

Я оглядываюсь назад. Затем следую за его голосом. И вижу его. Первое, что замечаю, — это его глаза. Взгляд нежный. Полный решимости. Полный... чего-то.

— Прости, Джейк.

— Пенелопа, возьми меня за руку.

Слезы вновь наполняют мои глаза.

— Меня вырвало в твоём лифте. Не сердись на меня.

— Детка... — выдыхает он. Этот звук — смесь облегчения и сочувствия. — Я не сержусь на тебя. Иди сюда и возьми меня за руку.

И тут я замечаю, что его голова и плечи втиснуты в щель между дверей. Его руки тянутся ко мне. Должно быть, лифт застрял между этажами.

Застрял....

Повис....

Падение....

— Пенелопа, — его голос твердый, но не сердитый. Ровно настолько, чтобы удержать

мое внимание. — Я хочу, чтобы ты встала и...

— Нет. Нет. Нет. — Я мотаю головой. — Я не могу. Не могу. Он упадет.

— Он не упадет. Я не позволю тебе упасть. Но мне нужно, чтобы ты встала. Давай. детка... вот так... хорошая девочка... теперь, сделай шаг...

— Джейк... — мой голос срывается на рыдание. Зрение затуманивается от новых слез. — Я не могу.

— Ты можешь. Один шаг... вот так... ещё один... ты почти здесь... просто возьми меня за руку...

Я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы дотянуться до его руки. Боюсь, что окажусь слишком низкорослой. Что он будет слишком далеко. И я сейчас упаду.

Разобьюсь.

Умру.

Рука обхватывает мое запястье. Затем другое запястье. Мои ноги отрываются от пола. Верхнюю часть тела протаскивают в отверстие. Подтягивают за подмышки. И я сворачиваюсь в объятиях Джейка. Он садится на пол в коридоре и прислоняется к стене рядом с лифтом.

— Хорошая девочка. Хорошая девочка. Хорошая девочка, — повторяет он снова и снова, прижимая меня к себе и глядя по волосам. Осыпает мою голову поцелуями. Он сдержан, но я слышу облегчение в его голосе. Помню панику, охватившую его всего несколько мгновений назад. Помню панику, которую я испытала, когда думала, что умру. Когда думала, что его голос ненастоящий.

Но он был настоящим.

И он здесь.

Я здесь.

Я жива.

Жива.

Глава 21

Лифт остановился где-то между семнадцатым и восемнадцатым этажами. После того, как понимание того, что я жива и в безопасности, начало доходить до меня, я осознала другую правду. Я запаниковала на глазах у Джейка. Он видел меня в самом уязвимом состоянии. И от этого я почувствовала себя... слабой.

И все же позволила ему пронести меня четырнадцать лестничных пролетов, будто это его обязанность. Я протестовала, но он меня проигнорировал.

Когда я заявляла, что со мной все в порядке, что я могу идти сама, он просто отвечал:

— Тише.

Когда я не могла унять дрожь, он обнимал меня крепче, целовал в волосы и говорил:

— Я с тобой, детка. Ты в безопасности.

Когда я заливала его шею слезами, он умолял:

— Пожалуйста, милая, не плачь.

И с каждым шагом. С каждым словом. С каждым поцелуем в висок, поглаживанием спины, успокаивающей мольбой и пожатием я обнаруживала, что у моей слабости есть свои преимущества. Но обратная сторона была более серьезной. Мое смущение. Стыд... Как я теперь смогу посмотреть ему в глаза? Всего за несколько мгновений до того, как я вошла в лифт, он назвал меня идеальной.

Что теперь он обо мне подумает?

Он сажает меня на диван и встает передо мной на колени. Берет за подбородок и приподнимает мою голову, чтобы посмотреть на меня. Прежде чем успевает спросить, я отвечаю на вопрос, написанный на его лице и в его глазах.

— Я в порядке.

— Не лги мне, Пенелопа.

— Я не лгу. Я в порядке, Джейк. Правда. Просто устала. И мне больно. И у меня болит горло.

Он убирает волосы с моего лица.

— Ты кричала...

— Да. Знаю. Извини. Я запаниковала.

— Не извиняйся. Я хотел сказать, что, наверное, поэтому у тебя болит горло.

Я качаю головой и отвожу от него взгляд.

— У меня болит горло от того, что меня вырвало.

— Не смущайся из-за этого, детка. Это не имеет значения.

— Я чувствую ее на себе, Джейк, — огрызаюсь я, смахивая слезы со щек. Я сержусь не на него. Я просто... ну, мне чертовски стыдно. — Я почти уверена, что она у меня в волосах.

Мои глаза расширяются, когда я приглядываюсь к его футболке. Шее.

— Боже, надеюсь, я не запачкала тебя.

— Ты беспокоишься совершенно не о том, о чем следовало бы, — бормочет он, главным образом, самому себе. — Скажи, что у тебя болит, чтобы я мог помочь. Что еще, помимо горла?

Его взгляд скользит по мне. Выискивая физические признаки травмы. Закрываю глаза и пытаюсь сдержать прилив крови к щекам. Я достаточно унизила себя за один день. Или одну жизнь. То, какой измученной я себя чувствую, мне должно было бы плевать на все. Но мне не плевать.

— Эй. Посмотри на меня.

Открываю глаза, но вижу его, лишь как размытое пятно. Я уродлива, когда плачу. Обычно этого достаточно, чтобы сдерживать свои эмоции. Но сейчас мои эмоции в смятении. И я не могу бороться с ними, как бы сильно ни старалась.

Делаю движение, чтобы встать, и он отступает в сторону. Я хочу принять душ. Лечь в кровать. Переписать события сегодняшнего дня. Отхожу от него, но делаю всего несколько шагов, когда чувствую на локте его руку. Я останавливаюсь, но к нему не поворачиваюсь.

— Ты устала, потому что почти не спала с тех пор, как приехала в Чикаго. У тебя болит горло из-за рвоты. Тебе больно из-за меня.

Юмор. Где ты, черт возьми? Пожалуйста, вернись ко мне. Ты всегда рядом, когда я с Дерзким Тем Самым Парнем. Мудаком Тем Самым Парнем. Сексуальным Тем Самым Парнем. Зачем бросать меня с Милым Тем Самым Парнем? Он единственный, с кем я не могу справиться без тебя.

Ради всего святого. Я веду беседу с собственным чувством юмора.

— Я хочу принять душ.

Я отстраняюсь, и он меня отпускает. Меня накрывает облегчение. И все же без его прикосновений мне холодно. Я не хочу быть вдали от него. Но и смотреть на него сейчас не могу. Не в таком виде. Не тогда, когда я чувствую себя так.

Подобно зомби направляюсь в гостевую ванную. В душе опираюсь руками о стену и стою под горячими струями, желая, чтобы они сняли все напряжение в теле. Смыли это

утро. Панику, которая все еще бурлит под поверхностью.

Некоторое время спустя я все еще стою в той же позе, когда по моей обнаженной, влажной коже ударяет прохладный сквознячок, а спустя несколько секунд широкие ладони прижимаются к моей спине. От прикосновения я подпрыгиваю.

— Все хорошо. Это всего лишь я, — хриплый тон Джейка мгновенно снимает часть напряжения. Возможно, потому, что я не смотрю на него. Мне этого не нужно — в его глазах я увижу жалость. Раскаяние. Или — Боже упаси — отвращение.

Сильные пальцы круговыми движениями массируют плоть вдоль позвоночника. От появившихся ощущений у меня подгибаются колени.

— Лучше?

По мне пробегает дрожь, и я киваю, не в силах обрести голос. Пальцы уверенно прокладывают путь вверх по спине к плечам, сосредотачиваясь на шее у основания черепа. После нескольких минут ласк мне с трудом удастся держать себя в руках.

— Прислонись ко мне спиной, детка.

Я отступаю назад, пока моя голова не оказывается у него на плече. Спина — прижатой к его груди. Толстый член уютно устроился между моими ягодицами. Вода, стекающая по моей груди, вызывает возбуждающее покалывание в сосках, которое пронзает до глубины души.

Его губы находят изгиб моей шеи, задерживаясь там нежными, влажными поцелуями. Я испускаю протяжный, низкий стон, и его член твердеет. Я жду, когда он коснется моей груди. Или низа живота, или набухшего клитора. Или просунет руку между нами и начнет ласкать себя. Сделает то, что у него получается лучше всего, что поможет мне забыть обо всем. Но он просто продолжает массировать мою шею и плечи — его прикосновения по-своему очень интимны и эротичны, но не сексуальны или требовательны.

Он моет мне волосы. Массирует кожу головы. Разворачивает к себе лицом. Я держу глаза закрытыми, пока он намыливает мое тело и трет голыми руками от головы до пупка. Я стою неподвижно и молчу. В конце концов, чуть приподнимаю ресницы, чтобы взглянуть на него. И я более чем поражена великолепием Джейка Суэггера. Его телом, которое является точеным совершенством. Его дьявольски красивыми мужественными чертами лица.

Когда наши взгляды встречаются, меня пронзает чувство, которое становится слишком знакомым. В его глазах столько же нежности и доброты, сколько и пылающей страсти.

Мне нужно чем-то заполнить тишину. Но все, что я могу вспомнить, — это его имя.

— Джейк...

— Шшш. — Он выпрямляется и обхватывает мое лицо ладонями. — Позволь мне сделать это. Позволь позаботиться о тебе.

Я с трудом сплываю. Смаргиваю слезы. Киваю. Позволяю ему запечатлеть поцелуй на моей макушке. На веках. На щеках. Носу. Подбородке.

Зараза, почему от этого мне хочется плакать еще сильнее?

Он опускается передо мной на колени, чтобы вымыть мне ноги. Намыливает руки и втирает пену в бедра, затем быстрыми круговыми движениями спускается вниз. Когда он снова поднимается вверх, его прикосновения становятся более чувственными. Я и не знала, что место под коленями — моя эрогенная зона, пока медленное скольжение пальцев не заставило меня задрожать.

— Повернись, Пенелопа. — Его мрачный голос и еще более потемневший взгляд заставляют меня забыть обо всем, кроме как делать то, что мне говорят.

Вот.

Это то, что мы с ним знаем.

Это безопасно.

Это отвлекает.

Это для нас... нормально.

— Наклонись. Руки по обе стороны от ванны.

Я закрываю глаза, и из меня вырывается звук, которого я раньше никогда от себя не слышала. Изо всех сил стараюсь забыть, что он стоит на коленях позади меня. Но это невозможно сделать, когда я чувствую, как его губы нежными поцелуями скользят по моему бедру за мгновение до того, как он выдыхает на мою кожу:

— Раздвинь ноги. Я хочу увидеть твою киску.

— Джейк... — возглас гортанный. И я не знаю, пытаюсь ли сказать ему, что смущена его словами, или просто взываю к нему, потому что он поглощает меня полностью.

И то чувство.

Теплое.

Словно по венам текут конфеты-шипучки.

Этот трепет в животе.

Тяжесть в груди.

Все это не из-за пульсирующей потребности в том, чтобы он оказался внутри меня. Эти чувства глубже. Есть что-то в этом стыдливом, возбуждающем, провокационном моменте, что заставляет мое тело, разум и голос нараспев повторять его имя снова и снова.

— Тише, детка. Верь мне. Я с тобой.

Снова эти слова. Те, что прозвучали в лифте. Те, что он прошептал, когда спас меня. Те, что он сказал прошлой ночью. Те, что заставили меня уснуть с осознанием того, что между нами что-то происходит, — это не просто какая-то вымышленная история, которую я пишу. Это реальность. Мои чувства — реальны. Я действительно доверяю ему. А с доверием приходит любовь. С любовью приходит боль. И я знаю, что это любовь, потому что, несмотря на страх рискнуть всем, я хочу ему отдаться.

Невероятно, что на меня снизошло озарение в душе, пока я, нагнувшись и раздвинув ноги, сверкаю задницей перед лицом Джейка, чтобы он мог видеть всю меня.

Думаю, это то, что нужно для такой девушки, как я, которая прячется за своим юмором и живет в воображаемом мире, чтобы сбежать от реальности и всей сопутствующей ей душевной боли. Потому что стыд, неуверенность и уязвимость — это те чувства, которые нельзя игнорировать. И именно эти чувства я испытываю в данный момент.

Руки Джейка скользят вверх по задней части моих бедер и обхватывают мою попку.

— Я должен был сделать это прошлой ночью. — Он раздвигает меня, обдувая своим дыханием. — Сегодня утром. Каждый раз, когда ты отдавалась мне, я должен был быть именно здесь. На коленях. Поклоняться тому, что приносит мне лучшее гребаное удовольствие, которое я когда-либо испытывал.

Затем его рот оказывается на мне. Целует мою киску. Язык и губы, словно бархат, касаются чувствительной, припухшей плоти. Восхитительно. Так же, как и массаж. Скорее нежный, чем плотский, несмотря на то, где находится его рот.

Это совсем не похоже на прошлый раз. Это не прелюдия. Джейк не пытается заставить меня кончить, посасывая клитор или трахая языком. Он делает именно то, что сказал, — поклоняется тому, чему навредил. Успокаивает боль. Делает все возможное, чтобы собрать

воедино частички меня, которые разбились в том лифте.

Все внутри меня рушится. Из глубины груди вырывается рыдание. Я не знаю, где вода, а где слезы. Я — бескостный, истерзанный беспорядок. Полностью онемевший, если не считать низкого, ровного гула, который плывет по моим венам и гремит в ушах.

Джейк выключает воду и помогает мне выпрямиться, а затем разворачивает лицом к себе. Я хочу посмотреть на него. Чтобы увидеть, отражают ли его глаза намек на мои чувства. Но не могу поднять веки.

— Обними меня за шею, милая.

К тому времени, как его требование прорывается сквозь туман моего сознания и доходит до него, он уже сам обвивает мои руки вокруг своей шеи и без усилий поднимает меня так, что мои ноги оказываются вокруг его талии, а голова — на его плече.

Я вздрагиваю от прохладного воздуха, овевающего влажную кожу, когда он выносит меня из ванной. Зарываюсь в него глубже, и он отвечает, усиливая хватку. Он останавливается. Чувствую под головой движение его плеча, когда он за чем-то тянется.

Я стону ему в шею, когда меня окружает жар. Мягкое и теплое полотенце идеально для моей болезненной, чрезмерно чувствительной кожи. Возможно, я и не вернулась только что с сеанса в игровой комнате, где меня пороли, пристегивали ремнями, заковывали в наручники или использовали зажимы, но я почти уверена, что мои чувства, похожи на последствия подпространства (*прим.: подпространство — это измененное психическое состояние, которое испытывает сабмиссив в БДСМ-сцене*).

Джейк обтирает меня, будто я принадлежу ему.

Будто он имеет полное право вытереть воду с некоторых частей тела и аккуратно промокнуть насухо те, что гораздо чувствительнее.

Будто он понимает ценность моих волос. И что нужно промокнуть воду с моих локонов.

Будто я его сокровище, к которому можно прикоснуться. Поцеловать. Назвать красивой.

Будто я должна быть в футболке, которую он надевает мне через голову, — его футболке.

Будто его кровать расстелена специально для меня.

А его тело было создано так, чтобы идеально укутать мое тело.

А его губы созданы для поклонения мне.

А потом, чуть позже. Может, минуты, может, часы спустя, он говорит мне слова, которые я не должна слышать. Они должны были остаться незамеченными. Они предназначены для того, чтобы сказать их женщине, которая погружена в сон. Но они произнесены шепотом, пронизанным такой убежденностью и искренностью, что даже если бы я не услышала их собственными ушами, то услышала бы их своей душой. Потому что именно там я чувствую их сильнее всего. Понимаю лучше всего. И эти слова произнесены в истинном стиле Джейка Суэггера.

— Черт возьми, Пенелопа Харт... ты вынуждаешь меня влюбиться в тебя.

Глава 22

— Ты ведь понимаешь, что это тридцать два гребаных пролета?

Голос Джейка эхом разносится по пустой лестничной клетке, когда он стоит, прислонившись к стене, в джинсах и Хенли, с вопросительно изогнутой идеальной бровью, которая, как он клянется, не результат манипуляций стилиста.

— Понимаю. Вот почему мы выходим на тридцать минут раньше. Так что, либо шагай, либо, как мудака, езжай на лифте. Но если он застрянет, не жди, что я тебя спасу. — Я

начинаю спускаться по лестнице одна.

Прежде чем достигаю следующей лестничной площадки, слышу громкий вздох, сопровождаемый тяжелыми шагами.

— Прекрасно. Но когда ты сдашься на полпути, потому что ты сдашься, не жди, что я потащу твою задницу до самого низа.

— Если попрошу, ты меня понесешь.

— Ни хрена подобного.

Бросаю на него взгляд через плечо и с удивлением вижу, что он всего в двух шагах позади меня.

— Нет, понесешь.

— Пенелопа... — это рычание-предупреждение.

Для доказательства своей правоты, притворяюсь, будто оступилась. С молниеносной реакцией он тянется ко мне, чтобы поддержать.

— Осторожно, детка.

И где же сейчас его рычание?

Хочу ухмыльнуться, но слишком занята, внутренне млея. Точно так же, как млела последние два дня.

С момента кризисной ситуации в лифте Джейк проявлял чрезмерную заботу. Обращался со мной, как с сокровищем. Возился со мной. Сдувал с меня пылинки. Не уверена, потому ли это, что я напугала его, или потому, что он в меня влюбляется — его слова. Не мои.

Он не знает, что той ночью я его слышала. Сама я говорить ему об этом не намерена. Но даже не произнеси он этих слов, я бы поняла его чувства по тому, как он со мной обращался.

После инцидента я проспала почти весь день. Когда я проснулась, за окном уже стемнело. Джейк все еще был со мной в постели — обнимал меня, будто боялся, что я уйду без его ведома. Он проснулся в тот момент, когда я пошевелилась. Поцеловал меня в макушку. Спросил, как я себя чувствую. Приготовил ужин и принес мне.

На следующее утро я проснулась одна. На меня нахлынуло чувство печали и одиночества. Оно быстро исчезло, когда я обнаружила его в кресле в другом конце комнаты. Он что-то печатал на ноутбуке. Одетый только в спортивные шорты. Его волосы слиплись от пота после утренней тренировки.

Я подошла к нему. Нуждаясь в утешении, как в воздухе. Он заключил меня в объятия. Погладил по спинке. Потом отнес в душ. От меня не ускользнул тот факт, что он ждал, пока я не проснусь, чтобы принять душ вместе. И, по какой-то причине, я от этого заплакала — брызги воды замаскировали мои слезы.

Мы провели день за просмотром телевизора, он даже позволил мне выбрать фильм. Будучи клише безнадежного романтика, коим я и являюсь, мой выбор пал на «Дневник памяти». Я плакала во время всех самых душещипательных сцен. Джейк закатывал глаза. Но ни разу не пожаловался.

Ну... за исключением той части, где герой снова и снова спрашивает героиню: «Чего ты хочешь?»

Джейк проворчал свое фирменное «Ради всего святого» и покачал головой.

Позже тем же вечером он провел некоторое время в кабинете. И, казалось, ничуть не обеспокоился, когда я к нему присоединилась. Я сидела напротив его стола и читала, пока он работал.

В какой-то момент появился Кэм, и даже тогда Джейк не выставил меня. Просто

подоткнул одеяло вокруг моих голых ног — я не носила ничего, кроме его футболок, с тех пор, как он впервые нацепил на меня одну из них, — чмокнул в макушку и позволил остаться, пока они работали. Кэм посмотрел на нас, как на сумасшедших. Но что-то во взгляде Джейка удержало его от одного из его привычных подколов.

К тому времени, как мы легли спать прошлой ночью, я уже оправилась от травмы. Чувствовала себя самой собой — очень любимой, очень желанной. Засыпать в объятиях Джейка было лучше, чем трахаться с ним. И я не могла себе представить, каково это будет, когда я вернусь домой, и мне придется спать одной. Или кто станет согревать постель Джейка вместо меня. Эта мысль была настолько тревожной, что я отказалась заикливаться на ней. Я собиралась придерживаться оптимистического настроения — и до сих пор так и было.

Джейк меня любит.

В смысле, а как может быть иначе?

А с любовью приходит счастье до конца жизни. Сердечки и цветочки, конфеты-шипучки и ривердэнс каждый день.

Дойдя до следующего пролета, стону при виде большой таблички с цифрой «16» над дверью.

— Джейк... — скулю я, драматично пыхтя и отдуваясь, прислоняясь спиной к двери. — Я устала.

— Суровое дерьмо.

— Понеси меня.

— Нихрена подобного. — Он обходит меня и толкает дверь.

— Понеси, — умоляю я, следуя за ним. — Считай это своей ежедневной тренировкой.

— Этим утром я уже тренировался, Пенелопа. Пока ты сидела на скамье для гирь и наблюдала за мной.

Правда. Он оставил мне записку возле будильника, который проревел мне в ухо в шесть тридцать утра, с сообщением, что он в своем тренажерном зале. Любопытно, потому что до этого момента я даже не знала, что в квартире есть тренажерный зал. И я отправилась на его поиски.

Он выглядел как уменьшенная версия YMCA (*прим.: сеть спортивных залов*). Исключите запах ног. Добавьте вид на Чикаго. Там даже было три телевизора с плоским экраном и холодильник. Но именно вид Джейка, разгоряченного, потного и чертовски красивого, заставил меня сесть, чтобы колени не подогнулись.

— Если бы знал, что мы будем спускаться по лестнице, возможно, отказался бы от утренней пробежки в шесть миль.

— Ты серьезно думал, что я вернусь в ту смертельную ловушку?

— Да, — отвечает он, даже не моргнув.

— Ну, это просто... мне не нравится использовать слово «тупо», но это тупо.

— Оскорбляй меня, если хочешь, но делай это на ходу, иначе мы опоздаем.

— Ох. Прекрасно.

Чтобы отвлечься от миллиона миль, которые нам предстоит преодолеть, быстро делаю селфи, отправляю его Эмили и представляю ее реакцию, когда она увидит, что я снова одета в Chanel. Слишком свободный свитер кремового цвета заканчивается чуть выше колен. А еще на мне очень толстые коричневые леггинсы двойной вязки. И коричневые утепленные сапоги до колена. О, и они от Louis Vuitton.

Она умрет от зависти.

Мысль посылает мне заряд энергии, и у меня даже нет одышки, когда мы, наконец, добираемся до вестибюля. Альфред встречает нас с улыбкой и извинениями за происшествие с лифтом. Я его обнимаю, потому что люблю обнимашки. Он отвечает тем же, и я улыбаюсь, чувствуя на себе взгляд Джейка. Но прежде чем он успевает что-то сказать, звонит его телефон.

Росс провожает нас до машины и даже подмигивает мне перед тем, как захлопнуть дверцу. Джейк этого не замечает. Он слишком поглощен разговорами о цифрах, процентах и прочей скучной фигне. Поэтому я играю в Toy Blast, пока он работает всю дорогу до взлетно-посадочной полосы, где нас ждет самолет.

Я ожидала увидеть нечто похожее на кукурузник. Но чертова штуковина выглядит как миниатюрная версия самолета президента США. В нем есть диваны. Громадные кресла, которые откидываются назад. Спальня. Душ. Ванная. Бар. Стюардесса, которая слишком, черт возьми, хороша, чтобы так улыбаться Джейку.

Лейла, как написано на ее бейджике, разглаживает свое идеально отутюженное платье, которое, абсолютно, слишком коротко. Я смотрю на Джейка, чтобы проверить, пялится ли он на ее ноги. Он смотрит на меня — телефон все еще прижат к уху. На губах играет веселая ухмылка.

Видя, что он разговаривает по телефону, стюардесса поворачивается ко мне.

— Могу я предложить вам что-нибудь, мисс Симс?

Я закатываю глаза.

Джейк прыскает смехом и быстро заканчивает разговор.

Лейла выглядит смущенной.

— Меня зовут Пенелопа.

— Приношу свои извинения, мисс Пенелопа. — Она выглядит раскаявшейся. Но я слишком раздражена, чтобы обращать на это внимание.

— Просто Пенелопа, — огрызаюсь я.

— Конечно, Пенелопа. Могу я вам что-нибудь предложить?

— Мы оба выпьем водки. Сделайте ей двойную порцию.

Лейла кивает и быстро исчезает. Я пересаживаюсь от Джейка на самое дальнее кресло.

— Пенелопа... — вздыхает он, в его голосе явно слышится юмор. — Не расстраивайся. Это была непреднамеренная ошибка.

— Я не расстроена. — Лгунья.

Вожусь с ремнем безопасности, который намного красивее, чем в обычном самолете. Я так сосредоточена на том, чтобы разобраться с ним, что не замечаю, как он встал со своего места, пока не оказывается передо мной. Он отводит мои руки и сам пристегивает меня.

— Эй... — зовет он и приподнимает пальцами мой подбородок. — Мне жаль, детка. Правда.

— Да? Что-то ты не выглядишь очень огорченным.

Ему удается сдержать улыбку.

— Ты нервничаешь. А теперь я тебя еще расстроил. Я компенсирую тебе все позже. Обещаю.

— И скольких же женщин ты возил на этом самолете? — Я ощетиливаюсь от собственного вопроса.

Он, конечно, ухмыляется.

— Ни одна из них не была такой красивой, как ты.

— Тот Самый Парень повез бы меня на самолете, на котором не трахался с другими женщинами. Он бы сказал, что я заслуживаю большего. Для него я стоила бы больше, чем все они вместе взятые. Он бы сжег этот самолет дотла и просто купил другой.

— Ты определенно стоишь больше, чем любая другая женщина, с которой я летал на этом самолете. Но, детка, ты не стоишь больше шестидесяти миллионов долларов.

Я исполняю внутренний ривердэнс, потому что стою больше и красивее других. А Джейк Суэггер дорогого стоит. Внешне я выгляжу равнодушной, когда оглядываю салон и всю нелепую роскошь.

— Ты заплатил за это шестьдесят миллионов долларов?

Он ухмыляется.

— Ты такой засранец.

Джейк берет напитки, доставленные нам Лейлой, и протягивает один мне. Я выпиваю его залпом, немного запоздало понимая, что это ошибка. Джейк стучит меня по спине, пока у меня не проходит приступ удушья, затем возвращается на свое место.

Я делаю селфи и отправляю его Эмили, а затем откидываюсь на спинку кресла и позволяю теплу от алкоголя разлиться по телу. Для меня еще слишком рано. Я устала. И не успеваем мы оторваться от земли, как я чувствую, что уплываю далеко — улыбаясь ответу Эмили в виде неизменного эмоджи со средним пальцем.

Все еще завидует.

Глава 23

— Ты меня отбилкосбил? *(прим. Билл Косби — американский актёр, режиссёр, продюсер, сценарист, музыкант и политический активист; ветеран стэндап комедии. Во время разгара движения MeToo ему были предъявлены обвинения в сексуальном насилии, в том числе, и в отношении бывшей баскетболистки Андреи Констанд, которая заявила, что в 2004 г. Косби пригласил ее к себе домой, опоил таблетками и домогался)*

Пытаюсь вырвать запястье из хватки Джейка, но он не отпускает. Просто смотрит на меня из-под ресниц, продолжая целовать мои пальцы. Покусывать кончики зубами. Заставляя меня растечься лужей слизи на заднем сиденье шикарной машины, за рулем которой... я даже не знаю, кто.

— Что?

— Ты накачал меня наркотой?

— Нет, Пенелопа. Я ничем тебя не накачивал.

— Тогда объясни, как мне удалось так крепко проспать весь полет?

Он пожимает плечами.

— Наверное, ты устала.

— Я не настолько устала.

— Тогда, полагаю, у тебя низкий порог к восприятию алкоголя. И, теперь, когда я думаю об этом, тебе действительно очень мало надо, чтобы опьянеть. Я должен был подумать об этом. Ты меня простишь?

Я притворяюсь сердитой и свирепо смотрю на него.

— Как ты можешь ожидать, что я тебя прощу, когда ты все продолжаешь лажать? За сегодня ты извиняешься передо мной уже во второй раз. Замечаю закономерность. Знаешь, так начинаются все отношения, которые заканчиваются тем, что мужчина убивает женщину. Когда он постоянно грубит, а потом извиняется и ожидает, что его немедленно простят.

Он улыбается, не прерывая своих манипуляций с моими пальцами.

— Так ты считаешь, у нас отношения?

Я фыркаю.

— Ха! Конечно, нет. Боже. Забудь.

Бл*ть!

— Я дразню тебя, красавица. Не знал, что двойная порция водки напрочь тебя вырубит. Если бы знал, поверь мне, давным-давно воспользовался бы этим.

Шлепаю его по руке тыльной стороной ладони. Он ухмыляется, и я не могу удержаться от улыбки.

— Ладно, только не повторяй эту ошибку.

— Принято к сведению.

— Хорошо. А теперь накорми меня.

Он наклоняется и целует меня, и я чувствую это в пальцах ног. Затем улыбается, подмигивает и говорит со своим лучшим южным акцентом:

— Да, мэ.м.

Закусочная, в которую меня привел Джейк, возможно, и использовалась для съемок фильма «Техасская резня бензопилой», но еда в ней лучше, чем я когда-либо пробовала. И я никогда не была так благодарна эластичным брюкам, как в этот момент.

— Теперь мы можем вздремнуть? — спрашиваю я, громко зевая и потирая живот.

Джейк ухмыляется.

— Нет. Мы встречаемся с Джимом и его дочерьми на заводе, где они строят ирригационную систему.

— Зачем? — Я хмурюсь, понимая, как мало знаю об этой поездке. Он попросил меня поехать с ним, я согласилась. Конец.

Со мной так легко.

— Потому что я его еще не видел. И его сотрудники теперь мои сотрудники. Так что, я хотел бы с ними познакомиться.

Я снова зеваю.

— Но я так устала...

— Имей я возможность, красавица, я бы отвез тебя в отель, чтобы ты поспала. Но сегодня у меня насыщенная повестка дня. И Кэнтонны от тебя без ума. Все пройдет гораздо спокойнее, если ты будешь рядом.

Он убирает волосы с моего лица, и я трусь щекой о его бедро, как кошка.

— К черту Кэнтонны. Если бы ты отвез меня в отель, я бы позволила тебе присунуть мне в зад.

С переднего сиденья автомобиля раздается покашливание, и я напрягаюсь. Джейк опускает голову и понижает голос. Я знаю, что он скажет, еще до того, как слова слетают с его губ.

— Эта машина без перегородки, милая. Так что, возможно, ты захочешь оставить свои грязные мысли при себе.

Я резко выпрямляюсь на сиденье и встречаюсь взглядом с водителем в зеркале заднего вида. Вся кровь в моем теле приливает к лицу.

— Простите.

Водитель, как и должно профессионалу, снова сосредотачивается на дороге.

— Не нужно извинений, мисс.

Он с трудом сглатывает и беспокожно ерзает, прежде чем обратиться к Джейку:

— Мистер Суэггер? — Он делает паузу, чтобы прочистить горло — его беспокойство очевидно. — Мы придерживаемся расписания?

Джейк даже не поднимает головы — он сосредоточен на своем телефоне.

— Да. Нам нужно быть на заводе к трем.

Водитель кивает и бормочет:

— Да, сэр.

И хотя Джейк, кажется, ничего не замечает, я не упускаю ухмылку водителя, когда бормочу в ответ:

— Я в любом случае не позволила бы тебе присунуть мне в зад.

— Я ценю каждого из вас и то, что вы сделали для этой компании. Я с нетерпением жду нашего общего будущего. Работая вместе, как единая команда, мы познакоим мир с величайшими изменениями, произошедшими в сельском хозяйстве со времен появления трактора. Спасибо.

И толпа аплодирует.

Я бы наскучила вам пересказом всей прочей ерунды, которую он говорил, но в гребаной ирригационной системе на самом деле нет ничего интересного. Не важно, как вы ее себе представите. В смысле, конечно, эти люди вовлечены во все это, и они ловили каждое слово Джейка. Но они знают о фермерстве то, чего не знаю я. И Джейк великолепно выглядит, стоя там, такой красивый и сильный, стараясь выглядеть непринужденно в джинсах и рубашке, словно не управляет миром.

Интересно, Джейк, случаем, не Иллюминат...

Эмбер толкает меня плечом и улыбается.

— Они его полюбили.

Я оглядываюсь назад, где Джейк пожимает всем руки.

— Да. Его легко полюбить.

— Думаю, я могла бы его полюбить.

— Не могу винить тебя в этом.

— Ты тоже?

— Что — тоже?

— Любишь его?

Я медленно киваю.

— Полагаю, что люблю.

Она бросает на меня пристальный взгляд.

— Полагаешь? Подруга, тебе лучше точно знать. Потому что нет никаких сомнений в том, что он влюблен в тебя.

— Я не очень в этом уверена.

— Эй. Я вот уверена. То, как он смотрит на тебя? Улыбается тебе? Прикасается к тебе? Либо ты слепа, либо просто очень глупая, если не видишь этого. Вы двое, как из любовного романа. Ты — героиня, а он... я бы сказала, герой, но это не отдает ему должного.

Я смотрю на Джейка с другого конца комнаты. И будто, почувствовав мой взгляд, он поднимает взгляд — и наши глаза сразу же находят друг друга. Словно все это время он знал, где я нахожусь. Я слегка машу ему и чувствую, как мышцы спины расслабляются, когда он подмигивает мне.

— Ты права, Эмбер. Он больше, чем герой.

— Так как ты называешь мужчину, который является... всем?

— Раньше я звала его Тот Самый Парень.

— Тот Самый Парень... О, это хорошо. А как ты называешь его сейчас?

— Думаю о чем-то вроде «будущий папочка моего ребенка». «Любовь всей моей жизни». «Причина существования». «Родственная душа»... — поджав губы, наклоняю голову и изучаю его. — Как считаешь, это слишком?

В этот момент Джейк берет на руки ребенка.

Понятия не имею, откуда взялся ребенок.

Я даже не знала, что он здесь есть.

Но у него на руках ребенок.

В его объятиях.

И он...

Смилуйтесь.

Он целует ребенка.

Мечтательный вздох Эмбер совпадает с моим.

— Слишком? Думаю ли я, что слишком — хотеть, чтобы такой парень был твоей второй половинкой? — Краем глаза вижу, как она качает головой. — Нет. Ни капельки.

— Кажется, я собираюсь сказать ему, что люблю его.

— Если этого не сделаешь ты. То сделаю я.

Я хмурюсь и поворачиваюсь к ней.

— Зачем тебе говорить ему, что я люблю его? Это... это личное.

Она закатывает глаза.

— Да не собираюсь я ему говорить, что ты любишь его, глупая. Я скажу ему, что сама его люблю.

Не уверена, шутит она или нет. Не могу прочесть ее мысли. На всякий случай начинаю планировать свою месть — ну, знаете... вдруг, она говорит серьезно. И в первую очередь, я должна узнать одну вещь. Поэтому самым беззаботным тоном, на который способна, спрашиваю:

— По шкале от одного до десяти, насколько сложно в Топике найти свежую кучу собачьего дерьма?

Глава 24

Я наблюдала так долго, как только могла, как Джейк обнимал стариков, гладил собак и целовал младенцев, пока меня не поглотил страх, что мои яичники взорвутся. Поэтому я вышла на улицу. Именно там, на заднем дворе склада, я обнаружила группу работников, увлеченно игравших в покер.

Не в силах удержаться, я присоединилась к ним.

И благодаря моим навыкам и умению блефовать как профессионал, я одна из двух «выживших».

— Ставлю твой... — я беру часы своего противника и подношу их к свету. — ...«Timex» и добавляю к ним один сапог от Louis Vuitton.

Отодвинув свое сиденье — пятигаллонное ведро — от стола, снимаю сапог и бросаю его в кучу со ставками.

Джаспер, парень лет двадцати с небольшим, который работает в «Кэнтон Индастриз» с пятнадцати лет, затягивается сигаретой, отбрасывает ее щелчком пальцев, а затем бросает на

меня недоверчивый взгляд.

— Какого хрена мне делать с одним сапогом?

— Продай его пирату. Не знаю. И мне плевать. Но он стоит намного больше, чем то дерьмовое дерьмо, которое ты откладываешь в унитаз.

Все вокруг нас ржут. Похоже, Джаспер — один из тех, кто любит выигрывать, но не может смириться с проигрышем. И в лице меня он встретил достойного противника — около двадцати раздач назад.

— Как, мать его, это вообще называется? — Он поднимает сапог и осматривает его. — Сколько стоит эта хреновина?

Здесь есть только пара женщин. Ни одна из них, как и я, не имеет ни малейшего понятия. Но они, как и я, знают достаточно, чтобы понимать, что сапоги дорогие. Они спорят по этому поводу, пока я пытаюсь решить, какие вещи Джаспера могут быть эквивалентны одному сапогу.

— Твоя шляпа.

Джаспер напрягается.

— Что ты сказала?

— Твоя шляпа. — Я указываю пальцем на шляпу, которую он продолжает крутить на голове. Она старая и изношенная. Уверена, она не представляет большой ценности ни для кого, кроме него. — Ставь свою шляпу, если хочешь отыгаться.

Он качает головой.

— Нет. Это моя счастливая шляпа.

— Да? И как она тебе помогла?

Я указываю на свою кучку с выигранными вещами, включающую деньги, несколько брелоков, пару ножей, тонну ручек, резиновый мяч, коробку с резинками и резинового цыпленка — большая часть которых принадлежала ему.

— Ставь шляпу или сдавайся.

Он прищуривается, глядя на меня.

— Ставь второй сапог, и я подумаю об этом.

— Этот сапог стоит кучу денег.

— Нет. Пара сапог стоит кучу денег. Один сапог ни хрена не стоит. — Он указывает на свою шляпу. — А эта шляпа? Она бесценна.

Я медленно киваю.

— Вполне справедливо. — Я снимаю второй сапог и бросаю его на стол. — Ну, вот мои пятьсот долларов.

— Эм, я только что погуглила их, — говорит одна из женщин. — Скорее, две тысячи.

Все начинают бормотать, что ставка неравноценная. Этот Джаспер — кусок дерьма, раз пытается поставить старую шляпу против пары дизайнерских сапог.

Полагаю, можно с уверенностью сказать, что я — любимица публики.

— Ты это слышала? — Джаспер машет в сторону окружающей нас толпы. — Мне приходится работать с этими придурками каждый день. Я проиграю в любом случае. Если выиграю, меня будут стыдить, что я забрал сапоги у женщины. Если проиграю — разговоров, что я продул всё девушке босса, не будет конца.

Я пожимаю плечами и делаю глоток пива.

— Тогда, сдавайся.

— Ни единого шанса в аду. Я хочу пересмотреть условия.

— Я слушаю.

— Оставь сапоги себе. Они, скорее всего, все равно подделка.

Я качаю головой.

— Их купил Джейк. Поверь мне. Они не подделка.

Из толпы доносится многозначительный шепот и поддразнивания. Покраснев, закатываю глаза и ухмыляюсь от уха до уха.

— Как я уже сказал, ты остаешься при своих сапогах. Я — при своей шляпе. Победитель забирает банк. А проигравший... — он наклоняется и указывает на открытое поле, простирающееся насколько хватает глаз. Его глаза мерцают, и он улыбается. — Бежит голышом по полю.

Толпа взрывается смехом. Кто-то говорит Джасперу, что он сумасшедший. Кто-то, что заснимет его на видео. Кто-то, что мистер Суэггер убьет Джаспера, если узнает. И последнее высказывание находит отклик.

— Зачем мне убивать Джаспера? — Я резко поворачиваю голову и вижу Джейка, выходящего из тени — на его лице написано веселье. В глазах застыл собственнический взгляд. — Не он один ставит на то, что ему не принадлежит.

Все замолкают, когда он приближается. Делаю мысленную заметку поговорить с ним о том, когда уместно, а когда нет, появляться без предупреждения среди его сотрудников. Никто не горит желанием общаться со своим боссом. Но, конечно, он этого не знал. У него нет босса.

— О-о чем ты, Джейк? — Я стараюсь говорить твердо. Не выходит.

Он кладет руки по обе стороны стола, прижимаясь ко мне.

— О том, как ты бежишь по полю. Голая. — Он наклоняется и понижает голос, чтобы слышала только я. — Твое тело принадлежит мне, детка. И я не в настроении делиться.

Он отстраняется, и я с трудом сплываю. Мне требуется все мое мужество, чтобы не оседлать его ногу и не оттрахать ее на глазах у Бога и работников Джейка.

Я отбрасываю эту мысль.

Это игра в покер.

Не бордель.

Мы можем потрахаться позже.

Прямо сейчас у меня есть все шансы выиграть.

Взгляд Джейка опускается на карты в моей руке.

— Можно взглянуть?

— Нет. Нельзя.

Джейк игнорирует меня и забирает из моих рук карты. Выпрямившись, изучает их. Я бросаю быстрый взгляд на Джаспера и вижу, что он борется с улыбкой. Я показываю ему средний палец и поворачиваюсь обратно к Джейку, чье выражение лица остается стоическим — спасибо, черт возьми.

Джейк складывает карты в одну стопку и возвращает мне рубашкой вверх. Я выхватываю их у него и поворачиваюсь на ведре лицом к Джасперу.

— Победитель забирает банк. Проигравший бежит голым. Таков уговор?

Джаспер кивает.

Позади слышу очень рокошущее и очень окончательное «нет».

Сделав вдох, смотрю через плечо на Джейка.

— Я не проиграю, Джейк.

— Ты можешь.

— Нет. Поверь мне.

— Нет. — Его тон пренебрежительный, и он обращается к Джасперу поверх моей головы. — Победитель получает банк. Проигрываешь ты — бежишь. Проигрывает она... бегу я.

Похоже, никого больше не волнует присутствие здесь босса. Все слишком заняты тем, что сходят с ума. Принимают ставки. Включают камеры на телефонах. Я немного разочарована отсутствием у этих людей веры в меня. Не то чтобы я могла винить их за энтузиазм. Впервые в жизни я чертовски сильно хочу проиграть.

Джаспер и Джейк пожимают друг другу руки.

В тот момент, когда Джаспер отстраняется, он выкладывает свои карты на стол. Расплывается в улыбке. Встает на ноги. Исполняет танец робота. Указывает на свой король-хай флеш и требует, чтобы я побила «*это дерьмо*», и говоря Джейку «*выкуси*».

Я позволяю ему порадоваться еще несколько секунд, прежде чем разрушить его мечты.

— Я выиграла, — констатирую я как ни в чем не бывало.

Джаспер замирает.

Бледнеет.

Заикается.

— Ч-ч-что?

Я выкладываю свои карты на стол, чтобы все могли видеть. Может, я и не увижу, как Джейк бежит по полю голышом, но победа все равно чертовски приятна. Кроме того, я могу увидеть его голым позже.

Теперь я расплываюсь в улыбке. Поднимаюсь на ноги. Говорю Джасперу, чтобы он выкусил. Наблюдаю, как он с досадой начинает раздеваться. Наслаждаюсь смехом Джейка и видом того, как он общается со своими сотрудниками. И, конечно же, исполняю свой собственный танец.

Риверданс, щелчок пальцами, пальчиковые пистолеты... нацеленные на мой туз-хай флеш.

— Не верится, что проиграл. — Джаспер снова смотрит на меня. — Девчонке. — Он бросает быстрый взгляд на Джейка. — Девушка босса.

Во мне включается моя внутренняя феминистка, и я указываю на его промежность.

— Не верится, что твой член целиком может укрыться за этими крошечными ладошками.

И снова толпа ревет. Даже Джейк смеется. А Джаспер, будучи хорошим парнем, ухмыляется и убирает руки — держит их в воздухе, позволяя своему члену свободно висеть.

Ну... не совсем висеть.

Но прежде чем кто-либо успеет это прокомментировать, он мчится через открытое поле. Его голая задница освещена огромными прожекторами на углу здания. И к ним могли бы присоединиться вспышки камер телефонов его коллег, если бы Джейк не настоял на том, чтобы все проявили великодушие и не снимали этот момент.

— Ну, это единственное зрелище, которое я мог бы и пропустить, — говорит Джим, качая головой, пока мы все смотрим, как Джаспер бежит обратно к нам, останавливаясь каждые несколько футов, чтобы потрясти своим членом. — Думаю, ты понравишься этим людям, Джейк. — Джим поворачивается к Джейку и кивает ему. — Я спокоен, оставляя их в

твоих руках.

Джейк скромно улыбается.

— Спасибо.

— Присоединяйтесь, мистер Суэггер! — Джаспер подбегает к нам, пытаясь отдышаться. — Погодка что надо, чтобы проветрить яйца. Вы должны попробовать.

— Нет.

Джаспер ухмыляется.

— Тогда, как насчет объятий?

— Нет.

— Рукопожатия?

— Нет.

— А как насчет тебя, Пенелопа? — Он разводит руки в стороны и трясет передо мной своим членом. — Обнимемся?

Джейк бросает ему одежду.

— Ты мне нравишься, Джаспер. Не облажайся.

Толпа — сотрудники Джейка, обычные люди — добродушно смеются над словами Джейка. Если бы не его властная манера держаться, он мог бы почти сойти за одного из них. Им приятно, что он с ними на равных. Не как важная шишка. Не как самый богатый человек, которого они, вероятно, когда-либо встретят. Даже не как их босс. В данный момент он просто Джейк.

Когда мы прощаемся, я стою рядом с Джейком — пакет с выигрышем в одной руке, другой я держу его за руку — пока не остаемся только мы и Джим, который только что пригласил нас поужинать с ним и его дочерью.

Я умираю с голоду — как обычно, — поэтому быстро соглашаюсь. Но Джейк останавливает меня.

— Джим, вообще-то, у меня планы на сегодняшний вечер. Но мы благодарны за приглашение.

Планы?

У Джейка есть планы?

Я не знала ни о каких планах.

Я в шоке обнимаю Джима на прощание. Иду к машине. Позволяю Джейку усадить меня в нее. Только когда мы отъезжаем, я спрашиваю то, что мне до смерти хочется узнать.

— У нас планы?

— Да. Я приглашаю тебя на свидание. Ужин... вино... свечи... секс.

Я откидываю голову назад и смеюсь.

— Ты серьезно?

— Да.

— Ты называешь это свиданием?

— Да.

Я качаю головой.

— Ты такой убогий. Это свидание звучит ужасно.

Он приподнимает бровь.

— Какая часть?

— Ну... только часть с ужином при свечах. И с вином. Я не большая поклонница вина. И не люблю модные рестораны со свечами. Это не я. Сказать честно? Я и не знала, что такие

места действительно существуют, кроме фильмов и книг.

— Они существуют. Но ты права. Это не ты. — Его глаза темнеют, и пальцы касаются моего виска. — Ты достойна чего-то гораздо более особенного.

— Да?

— Да, Пенелопа. Безусловно.

Трепет в сердце.

Сальто в животе.

Конфетки-шипучки.

Покалывание в клиторе.

— Так куда мы направляемся?

— Делать то, что ты любишь.

— Откуда ты знаешь, что я люблю? Я тебе говорила?

Он ухмыляется.

— Нет. Но поверь мне. Ты это любишь.

Мне приходится прикусить губу, чтобы не сказать ему, что я люблю его. Вместо этого улыбаюсь и прижимаюсь к нему. Запрокидываю голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Чтобы он знал, что мои слова правдивые. И искренние.

— Если забуду сказать тебе позже...

— Да, да, да, Красотка. — Он закатывает глаза. — Сегодня ты хорошо провела время.

Глава 25

Я так влюблена.

Мы возвращаемся в отель, и я всерьез подумываю о том, чтобы позволить Джейку присунуть мне в задницу. То есть, если он захочет. Потому что после такого вечера, что у нас был... как ему не позволить?

Он сказал, что мне понравится.

И мне понравилось.

Почему?

Потому что этот засранец пригласил меня на риверданс.

Да.

Он.

Пригласил.

Он записался на занятия. С профессиональным танцором риверданса. И я, вместе с десятью другими, получила сертификат о прохождении среднего уровня в Ирландской академии танца Acreas.

Но закончился ли на этом вечер?

Нет.

Нашей следующей остановкой был ужин. Но не простой ужин. А ужин с импровизационным шоу. Где нам приходилось разыгрывать сцены из разных эпох, пока мы ели... вы не поверите... куриные крылышки.

Потом мы пошли в маленький бар с рождественскими гирляндами на потолке, бетонным полом и очень старым музыкальным автоматом, и там подавали только пиво. И никакого модного пойла. Старый-добрый «Будвайзер».

И мы играли в бильярд.

И в дартс.

И если бы в баре был кто-то еще, мы могли бы ввязаться с ними в драку.

Было идеально.

Джейк Суэггер идеален.

Сегодняшний вечер?

Идеален.

А ночь еще только начинается.

Мы приезжаем в наш отель, Джейк на полную включает режим Того самого Парня. Он немного высокомерен. Идет с высоко поднятым подбородком. Спина прямая. Окидывает взглядом все, что его окружает. Учтиво игнорирует взгляды. Вежливо кивает в нужное время. Становится немного выше, когда к нему обращаются «мистер Суэггер».

Добро пожаловать, мистер Суэггер.

Мы рады, что вы здесь, мистер Суэггер.

Лестница в той стороне, мистер Суэггер.

Восемнадцать лестничных пролетов спустя — я даже не просила его нести меня наверх, потому что, клянусь, все время парила — мы в нашем номере, который выглядит как пентхаус в «Дворце Цезаря» в Лас-Вегасе. Не то чтобы я когда-либо там бывала, но я смотрела «Мальчишник в Вегасе». Единственное, чего не хватает в этом гостиничном номере, — это Майк Тайсон за пианино и тигр в ванной.

Я даже не знала, что в Топике, штат Канзас, есть такие роскошные номера. Хотя не удивилась бы, позвони Джейк заранее и попроси их оборудовать его специально для него.

Когда дверь в наш номер закрывается за назойливым парнем, который ходил за нами по миниособняку, чтобы удостовериться, все ли соответствует нашим потребностям, я поворачиваюсь к Джейку и хлопаю ресницами.

— Мы теперь одни, мистер Суэггер?

Его взгляд ласкает меня с головы до ног.

Я делаю шаг к нему и кладу руку ему на грудь. Легким толчком заставляю его отступить. Когда его колени касаются кровати, он садится.

— Не хотите ли трахнуть меня, мистер Суэггер?

Разглядывая мою грудь, которая теперь находится на уровне его глаз, он облизывает нижнюю губу, а затем стискивает ее зубами.

Я опускаюсь на колени и смело щупаю его через штаны, прежде чем расстегнуть молнию. Освобождаю его член и вдыхаю чистый, мужской аромат, присущий только ему, с ноткой одеколона. Его член твердеет с каждой секундой. Становится все толще. Длиннее. Больше, пока этот обтянутый плотью школьный автобус не оказывается всего в миллиметре от моих губ.

— Можно мне отсосать ваш член, мистер Суэггер?

Он стонет.

— Не говори «член», Пенелопа.

Я целую головку. Он дергается всем телом, и я смотрю на него из-под ресниц, чувствуя себя чертовски самодовольной.

— Вы бы предпочли, чтобы я использовала соответствующий медицинский термин, мистер Суэггер?

— Даже, бл*ть, не смей.

— Пе...

Скажите, пенис.

Сделай это.

Прямо сейчас.

Обратили внимание, как ваши губы раздвигаются, а рот открывается на пе-е-е?

Что ж, именно в этот момент член Джейка оказался у меня между губ.

У меня не остается другого выбора, кроме как открыть рот. Либо так, либо рискнуть, что он выбьет мне передние зубы своим громадным членом.

Я стону вокруг него.

Вбираю его немного глубже.

Помня, что у меня ужасный рвотный рефлекс.

Отстраняюсь, чтобы обработать языком головку. Губами. Рукой. И, судя по его ворчанию и стонам, я, должно быть, делаю что-то правильно.

Некоторые девушки могут сосать член весь день. Им это просто нравится. Все эти героини из любовных романов? Ох, они говорят так, будто сосать член — это величайшая вещь в мире.

Я не одна из тех девушек.

Как бы ни было опьяняюще чувствовать его во рту, я предпочитаю быть эгоисткой и чувствовать его рот на себе. Поэтому так грациозно, как только могу, забираюсь к нему на колени и оседлаю его бедра. Сцепляю руки у него за шей и трюсь о его ствол. Это так приятно, я уверена, что смогу кончить просто так. На мгновение я настолько сосредоточена на удовольствии, что забываю, где нахожусь. О звуках, которые издаю. Что он наблюдает.

— Проклятая девчонка... — бормочет он, просовывая руки мне под свитер и лаская груди. Его слова — в них что-то есть. То, как он называет меня девчонкой. От этого я чувствую себя... порочной. И мне нравится.

Я поднимаю голову и вижу, что он смотрит на меня. Обезумевшим от огня и страсти взглядом.

— Поговори со мной, Джейк.

— Тебе нравится, когда я с тобой разговариваю?

— Да. — Я чуть сильнее прижимаюсь к нему бедрами. — Да, черт возьми. Говори мне непристойности. Заставь чувствовать себя грязной. Пожалуйста. Только... я имею в виду... не обзывай меня, не бей по лицу или что-то в этом роде. Но можешь шлепнуть меня по заднице. Если хочешь. Не знаю. Скажи, что мне делать. Я такая глупая. Мне надо заткнуться.

— Тихо, Пенелопа, если не хочешь, чтобы я снова заткнул тебе рот.

Я хнычу. Киваю. Делаю все, что в моих силах, чтобы, молча, показать ему, что это тот тон, слова и непристойности, которые я хочу, чтобы он использовал. Потому что он приказал мне молчать. И я хочу быть для него хорошей послушной, фальшивой сабой.

— Встань.

Мне требуется секунда, чтобы подчиниться, но, в конце концов, мне удастся слезть с его колен и встать перед ним. Он не прикасается ко мне, но вид его рук так близко — неподвижно лежащих на его бедрах — заставляет мои бедра двигаться к нему самим по себе.

— Разденься для меня.

Я моргаю.

— Эм. Что сделать?

— Разденься для меня, Пенелопа. Хочу видеть тебя обнаженной.

Это я могу.

Безусловно.

Отступаю от него на шаг и стягиваю свитер через голову. Его взгляд остается на мне,

вместо того чтобы опуститься на черный кружевной бюстгальтер — один из тех, чей вырез так низко, что видны верхушки ареол. Я смотрю вниз, чтобы проверить, не случилось ли чего. Есть ли причина, по которой он не смотрит. Не нахожу ни одной.

Пожимаю плечами и засовываю большие пальцы за пояс леггинсов. Только когда они достигают колен, я понимаю, что забыла снять сапоги. Поэтому пытаюсь носком одного сапога наступить на пятку другого, чтобы снять его. Когда это не помогает, прыгаю на одной ноге. Семнадцать часов спустя мне удастся стащить с себя ублюдков.

Затем я встаю перед ним.

В бюстгальтере.

И трусиках.

Мурашки по коже... повсюду.

— Вы прекрасны, мисс Харт. — Джейк еще несколько секунд впивается в меня взглядом, затем встает.

Возвышается надо мной.

Я смотрю на него снизу вверх.

Мы не прикасаемся друг к другу.

И отсутствие контакта делает обещание того, что должно произойти, еще более захватывающим.

— Я не хочу торопиться.

Его пальцы касаются моего виска, и на секунду я думаю, что он говорит о чем-то другом — что, возможно, он не хочет торопиться с нами. Этим чувством между нами, чем бы оно ни было, которое нарастало с тех пор, как он впервые обнаружил меня в своей квартире. Но затем он уточняет, что имеет в виду, и хотя мое тело распалается от этой мысли, сердце немного падает.

— Хочу провести с тобой время этой ночью. Касаться тебя везде. Целовать там, где прикасаюсь. Часами заниматься с тобой любовью, пока ты не перестанешь думать...

Не смогу ходить...

— ...не сможешь вспомнить ничего, кроме того, что чувствуешь, когда я внутри тебя.

Уверена, что никогда не забуду, если он будет трахать меня часами...

Джейк отступает назад, чтобы иметь полный обзор на меня.

— Сними трусики.

Ох, помилуйте, он сказал «трусички».

Я делаю, как он говорит. Мне даже удастся сделать это с изяществом. Возможно, даже выглядеть сексуально.

Его глаза прикованы к моей промежности.

— Твоя киска промокла для меня, Пенелопа?

— Ее можно сделать еще более мокрой, — говорю я, надеясь, что он понимает, что я на самом деле предлагаю ему прикоснуться ко мне ртом.

Он ухмыляется, говоря мне, что понимает.

— Теперь лифчик.

Я хмурюсь.

— Я серьезно полный отстой в этом. И супернесексуальна. Мне приходится стягивать его через голову, потому что у меня плечи сводит, чтобы...

Я замолкаю, когда он, не сводя с меня глаз, заводит свою руку мне за спину и одними пальцами расстегивает застёжку. Даже не коснувшись моей кожи.

Бл*ть, он хорош.

Я веду плечами, и ткань падает. Я голая. Он — нет. Уже собираюсь указать ему на это, когда он приказывает:

— Раздень меня.

Раздевать Джейка Суэггера — все равно, что разворачивать рождественский подарок, которого ждал целый год. Тот, который вы уже развернули и снова завернули, чтобы знать, что внутри. Но это не делает распаковку его во второй раз и игру с ним менее увлекательной.

Также, как и с рождественским подарком, сначала я не тороплюсь — медленно снимаю с него рубашку. Но мне не требуется много времени, чтобы проявить нетерпение, и вскоре я в спешке срываю с него одежду, чтобы добраться до тех частей, с которыми могу поиграть.

Восхитительно обнаженный Джейк стоит передо мной. Он — само точеное совершенство, загорелая плоть поверх твердых, как скала, мышц. У меня слюнки текут. Мои пальцы исследуют. Губы целуют, пока он не стонет от нетерпения, обхватывает меня руками за талию и притягивает к себе.

Жар.

Губы.

Язык.

Руки.

Стоны.

Любовь.

Мое сердце чувствует его прикосновение так же сильно, как и мое тело. В том, как он ласкает. Обладает. Целует. Поклоняется каждому обнаженному дюйму, доступному ему, пока мы стоим. И когда в этом положении он не может дотянуться до других моих частей, он поднимает меня, поворачивается, укладывает и прикасается ко мне везде.

Целует пальцы на ногах.

Мои колени.

Тазовые кости.

Линию груди, которая приподнимается всякий раз, когда я глубоко и судорожно вдыхаю.

Потом он смотрит на меня своими потемневшими глазами. Дикими. Голодными. Влюбленными. Достаточно долго, чтобы сказать мне: «Кончай столько, сколько захочешь», прежде чем раздвинуть мои ноги и зарыться лицом в мою киску.

Как будто я могу сдержаться.

Он делает восьмерку языком и трахает меня пальцем, пока моя спина не выгибается над кроватью. Затем его рот останавливается на моей кнопке «Кончить».

Да.

Я сказала: кнопка «Кончить».

Потому что, когда он сильно сосет и быстро проводит языком по клитору, он же кнопка «Кончить», угадайте, что.

Я кончаю.

Он ослабляет давление. Замедляет темп, пока я не возвращаюсь из другой галактики, в которую он меня только что отправил. Когда я перестаю быть дрожащим, стонущим месивом, он повторяет то, что только что сделал.

Восьмерка.

Засос.

Щелчок языком.

Движение пальцем.

И я кончаю.

После того, как я присоединяюсь к живым, он все возобновляет снова. Не уверена, что смогу с этим справиться. Не с оргазмами, конечно. Их я приму столько, сколько он захочет мне дать. Я говорю о пустоте, которую чувствую без него внутри себя. Поэтому умоляю.

— Джейк, пожалуйста. Трахни меня. Наполни меня. Мне нужно почувствовать тебя.

— А мне нужно попробовать тебя на вкус.

Это все, что он говорит, прежде чем довести меня до следующего оргазма — на этот раз немного продолжительного, потому что мой клитор почти онемел.

Затем, наконец, я чувствую его — всего его. Только его. Без презерватива. Никаких барьеров. Он скользит в мой влажный жар, кожа к коже, и растягивает, пока не погружается глубоко, и то пламя, которое всего несколько мгновений назад превратилось в тлеющие угольки, разгорается в адское пекло.

То, что он говорит, когда занимается со мной любовью...

— Ты такая чертовски красивая.

— Ты как гребаный шелк.

— Твоя киска идеальна.

— Ты, Пенелопа Харт, само совершенство.

То, как он прикасается ко мне...

Большой палец касается моего виска.

Пальцы впиваются в мои бедра.

Бедра двигаются навстречу моим.

Губы целуют мои губы.

Мою челюсть.

Кончик носа.

То, как он смотрит на меня...

Будто я — драгоценность.

Воплощение красоты.

И я принадлежу ему.

Будто он знает, что я люблю его.

Будто знает, что я знаю, что он тоже любит меня.

Все это делает этот момент столь же пугающим, сколь и особенным. Потому что я не уверена, куда мы пойдём дальше. Кто мы, за пределами... этого.

Два человека занимаются любовью так, как не должны заниматься двое, если только они не готовы посвятить себя чему-то большему. Но способен ли он на это? Захочет ли? Или я буду вынуждена поставить ему ультиматум? Потребовать, чтобы он мне признался в своих чувствах, чтобы мы могли сделать следующий шаг, или я уйду, потому что не могу быть с ним, если есть только то, что сейчас между нами.

— Перестань думать, Пенелопа.

Требование Джейка сопровождается вращением бедер, что заставляет меня временно забыть, кто я, нахрен, такая. Когда я вспоминаю, он толкает мое колено к голове, и я издаю низкий стон. Но все равно не перестаю думать. И я почти уверена, что он знает, о чем мои мысли. И по какой-то причине я хочу, чтобы он знал, что я не оставлю это просто так. Что мы поговорить обо всем этом невысказанном дерьме.

Мои глаза распахиваются, и я встречаюсь с его пристальным взглядом, который сосредоточен на мне. На секунду отвлекаюсь на его приоткрытые губы, прежде чем снова вернуться к его глазам. Его взгляд умоляет меня забыть. И я так и делаю — на время. Но сначала повторяю ему те же слова, что Скарлет сказала в «Унесенных ветром», — уверенная, что он не поймет отсылки, но поймет смысл.

— Завтра. Об этом я подумаю завтра. Хорошо?

Он ухмыляется. Трахает меня сильнее. И как раз перед тем, как удовольствие поглощает меня, вновь изгнав из реальности, он отвечает печально известной репликой Ретта Батлера в версии Джейка Суэггера:

— Честно говоря, моя дорогая, мне пох*й.

Глава 26

Звук, что я издаю, когда Джейк выходит из меня, — протяжная гортанная песнь, которую лучше всего описать как хныканье-мяуканье-фырканье-стон-мычание-шипение.

Я ожидаю, что Джейк рассмеется. Ухмыльнется. Промычит. Хоть что-то. Вместо этого он говорит:

— Детка, я сделаю все лучше.

Он убирает волосы с моей шеи, сжимает их в кулак и осторожно тянет, сдвигая мою голову так, чтобы иметь лучший доступ к моему плечу. Затем прокладывает дорожку поцелуев по обнаженной коже до самого уха.

— Ванна или душ?

Я мычу.

На этот раз он усмехается.

— Значит, на мой выбор?

Мычание.

— Ванна.

Он встает и тянется ко мне, затем стаскивает с кровати и заключает в объятия. Он идет со мной, обернутой, как обезьянка, вокруг него. Я вдыхаю его запах. Мыло. Чистота. Мужчина. Богатство. Боже, Пенелопа. Ты не можешь быть еще более поверхностной? Скорее всего, нет. Но у богатства есть запах. И это Джейк Суэггер.

Я открываю глаза, и упираюсь взглядом в его мускулистую шею. Под кожей пульсирует толстая вена. На безупречной коже темнеет щетина. У меня возникает желание облизать ее. Когда я пытаюсь высунуть язык, обнаруживаю, что он слишком короток, а я слишком ленива, чтобы вытягивать его дальше.

Мне нужно в туалет.

Желание настолько внезапное и сильное, что я вся сжимаюсь, чтобы не обрушиться на него золотой дождь. В ответ Джейк усиливает хватку. Что только усугубляет давление на мой мочевой пузырь.

И если он сожмет еще сильнее...

О, дорогой Боженька, пожалуйста, не дай мне описать этого мужчину.

Джейк целует меня в лоб, и крошечные волоски на его подбородке щекочут мне нос. Он в хорошем настроении, потому что проводит губами по моему виску. Волоски все щекочут. Теперь я хочу чихнуть.

И если я чихну...

О, дорогой Боженька, пожалуйста, не дай мне чихнуть и описать этого мужчину.

Сейчас мы поднимаемся по лестнице. Я забыла, что в этом номере есть второй уровень.

Там располагается главная спальня. А рядом с главной спальней — главная ванная комната.

Именно туда он меня и несет.

Потому что я по глупости позволила ему выбрать ванну вместо душа.

А единственная ванна находится наверху.

И с каждым шагом мой мочевого пузыря чувствует себя так, словно его швыряют, как потрепанный мешок.

Мне кажется, он делает это дерьмо нарочно.

И если не остановится...

Боженька. Это снова я. Пожалуйста, телепортируй нас в ближайший туалет, чтобы я не описала этого мужчину.

— О чем ты молишься?

Почему я ничего не могу сделать правильно?

Закрываю глаза и ничего не говорю.

Не может быть, что путь до чертовой ванной занимает так много гребаного времени.

Джейк замедляет шаг.

— Поговори со мной, красавица.

— Если ты сейчас же не доставишь меня в ванную, я на тебя напишу.

Он замирает всего на долю секунды, прежде чем ускорить шаг.

— Ради всего святого, Пенелопа. Могла бы просто сказать об этом вместо того, чтобы молиться.

— Да? Ну, это не то, в чем бы я хотела признаться.

— А золотой дождь — это не то, чего хотел бы я.

— Тогда предлагаю тебе...

Моя речь прервана, когда Джейк бесцеремонно шлепает мою задницу на унитаз. Мочевого пузыря не выдерживает этого движения, и я писаю в тот же момент, как мои ягодицы ударяются о фарфор. Когда Джейк выпрямляется, я поднимаю глаза и вижу, как одна его бровь находится на полпути ко лбу.

— Что? Я же тебе сказала, что мне нужно в туалет.

Хмм... интересно, не поэтому ли мой оргазм был таким интенсивным?

Полагаю, именно Кристиан Грей научил нас, что кончать с полным мочевым пузырем лучше, чем с пустым. Будь я проклята, если он был не прав.

Спасибо тебе, Э.Л. Джеймс. Я у тебя в вечном долгу.

Я все еще писаю. Джейк оставляет меня одну и закрывает за собой дверь. В этой ванной, как и в его квартире, туалет отделен от остальной комнаты. Здесь даже есть стойка для журналов. И айпад. Что чертовски безумно, потому что у таких, как я, может возникнуть соблазн украсть его. Но даже при всех удобствах небольшое пространство вызывает легкую клаустрофобию. И мне любопытно, чем занят Джейк.

Я тянусь к двери и едва достаю до дверной ручки. Открыв ее, вижу, что он стоит, уперев руки в бедра, голый, и смотрит вниз на наполняющуюся ванну. Мои глаза останавливаются на полоске темных волос, спускающуюся к перевернутому треугольнику.

Мне хочется облизать его пресс.

Его член.

Его гребаные колени, если его такое заводит.

— Тебе не кажется странным писать с открытой дверью? — спрашивает он с ухмылкой на точеном, красивом, удивительно привлекательном лице.

— А тебе?

— Нет. Но женщины обычно так не делают. С другой стороны, ты довольно необычная.

— Я такая.

— Как ты можешь все еще писать?

Я пожимаю плечами.

— Должно быть, у меня увеличенный мочевой пузырь.

Он стонет.

— Не говори «увеличенный мочевой пузырь», Пенелопа.

— Это подходящий медицинский термин, Джейк.

Он смеривает меня взглядом. Чудесным образом моя струя иссякает.

— А вдруг у меня камень в почках?

Как только эта мысль приходит мне в голову, я беру айпад с маленькой полки для журналов рядом с унитазом и набираю свои симптомы в поисковике.

— У тебя нет камня в почках.

— Доктор Гугл говорит, что у меня камень в почках.

— Доктор Суэггер говорит, что ты выпила в машине три бокала шампанского, а потом тобой занялся очень большой член, который отвлек тебя от всего, кроме лучшего оргазма в твоей жизни, ослабившего тебя и приведшего к внезапному осознанию того, что тебе нужно пописать из-за... — он делает паузу, а затем стреляет в меня их пальчиковых пистолетов. — ...трех бокалов шампанского. Никакого гребаного камня в почках.

Я просто смотрю. И моргаю. Один раз. Второй.

Да. В этом больше смысла.

Конечно, говорить я ему об этом не собираюсь. Вместо этого, пинком захопываю дверь, потому что хочу больше узнать о причинах моего диагноза — гипертрофии мочевого пузыря. И потому, что писать — это одно, но настоящая леди не подтирается в присутствии других.

Закончив и убедившись, что, несмотря на то, что говорит доктор Гугл, у меня нет последней стадии почечной недостаточности, я встаю. И тут же плюхаюсь обратно, мне приходится предпринять несколько попыток, прежде чем я твердо встаю на ноги.

Раздумываю, не поставить ли ногу на унитаз, чтобы лучше рассмотреть повреждения влагалища, а затем спросить мнение доктора Гугла, когда дверь открывается.

Джейк смотрит на меня. Явно удивленный.

— Что ты делаешь?

— Ну, надо сказать, я рада, что не сделала этого, учитывая, что ты только что ворвался сюда без стука.

Я говорю серьезно. Но он борется с улыбкой. В конце концов, сдается, и она расплывается по его лицу.

— Пойдем, красотка. Твоя ванна готова.

Он берет меня за руку, и я плыву за ним. Он мог бы подвести меня к краю обрыва. К перилам моста. В адское пекло, и я почти уверена, что охотно пошла бы туда. И все потому, что он назвал меня «красотка».

Я такая лохушка.

И он добавляет еще одно обязательное качество в список Того Самого Парня.

Приглушенный свет. Играет тихая музыка, едва слышная за журчанием струй джакузи. По бортикам ванны выстроились свечи. Я делаю глубокий вдох, втягивая в себя аромат

лаванды от масла для ванны, и в душе поселяется безбрежный покой.

Всего в нескольких случаях в моей жизни меня не одолевало желание говорить. Этот — один из них. Я хочу, чтобы ничто, — даже звук моего голоса, даже звук его голоса, — не угрожало спокойствию этого момента.

Но потом он говорит.

А я отвечаю.

И момент становится еще более совершенным.

— Ты прекрасна, когда счастлива.

— Я всегда счастлива.

— Ты всегда прекрасна.

Я падаю в обморок так быстро, что уверена, мое лицо встретилось бы с полом, если бы Джейк не держал меня за бедра. Широкие мужские ладони скользят по моим бокам. Ложатся на живот. Жадно гладят обнаженную грудь, будто не сделай они этого, совершат грех.

Джейк берет мою руку и подносит ее к губам. Целует кончик каждого пальца. Обжигает взглядом серо-зелено-голубых глаз, ведет к единственному промежутку на бортике ванны, не заставленному свечами.

Вода горячая, но мне терпимо. Я пытаюсь подавить всхлип, погружаясь в обильно благоухающую маслом воду, и обнаруживаю, что это невозможно. Нижняя губа слегка дрожит, и я выдыхаю полувсхлип-полустон.

Даже с закрытыми глазами осознаю, что Джейк стоит рядом. Я хочу на него посмотреть, но его вид — это то, что в первую очередь привело меня сюда. Последнее, что мне нужно, чтобы моя жадная вагина снова взяла верх над мозгом.

Большое тело Джейка окутывает меня. Я опускаю руки на его мощные бедра, когда он устраивается позади и прижимает меня спиной к себе. Окунает губку в воду, затем проводит ею по моей груди и выжимает, смачивая кожу, прежде чем ласково провести по ней.

Он проделывает это несколько раз, и я оказываюсь на грани комы, он запускает пальцы в мои волосы и массирует кожу головы. Я делаю вдох через нос. Впуская в легкие аромат лаванды и чувствуя, как ее успокаивающий эффект распространяется по всему телу.

Я даже не понимаю, что погрузилась в сон, пока меня не будят пальцы, которые больше не касаются моей головы, а вместо этого скользят по чувствительным складкам моей киски.

— Расслабься, — успокаивает Джейк, проводя носом вдоль линии роста волос. — Люблю, как ты пахнешь.

Он сказал «люблю»?

Он сказал «люблю».

Уже второй раз.

Я дала себе установку подождать до завтра.

Но ничего не могу с собой поделать.

Я должна спросить.

— Я заставляю тебя влюбиться в меня, да?

Джейка Суэггера нелегко напугать. Движение подушечки пальца вверх и вниз по моей щелке не прекращается. Но Джейка легко развеселить. Низкий, глубокий, раскатистый смех за моей спиной доказывает это.

— Насколько болит твоя киска?

Серьезно?

— Поговорим о том, как испортить момент...

— Я и не подозревал, что у нас какой-то момент. Ответь на вопрос.

— Какой вопрос? — спрашиваю только потому, что мне нравится покалывание вдоль позвоночника, когда он произносит «киска».

Он понимает. Снова издает этот низкий смешок. Затем скользит пальцем между моими складками и проталкивает кончик внутрь. Я опухшая, чувствительная и мокрая, и не только от воды. Губы у моего уха вновь шепчут вопрос.

— Насколько болит твоя киска, Пенелопа?

Хочу выдать что-нибудь сексуальное. Или то, что привлечет ко мне немного внимания, например, мое хныканье-мяуканье-фырканье-стон-мычание-шипение, которое обеспечило мне эту ванну при свечах. Но твердеющий ствол, утыкающийся мне в поясницу, отговаривает меня.

— Болит.

— Ммм, — гудит он мне в ухо. — Восхитительно болит?

— Что? Нет. Не существует такого понятия, как «восхитительно болит», когда речь идет о полностью раскучуроченной киске.

Он стонет и прижимается ко мне бедрами.

— Не говори «киска», Пенелопа.

— Ты говорил то же самое, когда я назвала ее влагалищем.

— Когда я слышу, как ты говоришь «киска», мне хочется поднять твою хорошенькую, круглую попку и погрузиться членом в твою сладкую, опухшую пи*ду.

— Мою сладкую, опухшую, раскучуроченную пи*ду.

— Женщина, ради всего святого.

— Что? Я всего-то сказала...

— Не надо. Прекрати болтать. Веди себя тихо и спокойно, и я постараюсь сделать это как можно более безболезненно.

Он поднимает меня на свои бедра, и я немного паникую — хватаюсь за бортики ванны и пытаюсь вырваться из его объятий, бормоча с дрожью в голосе:

— Нет, Джейк. Остановись. Я не могу.

— Успокойся, детка. — Его слова такие ласковые. Пронизаны нежностью и намеком на сожаление. — Я не пытаюсь тебя трахнуть.

Он прокладывает дорожку из поцелуев от плеча к шее по привычному маршруту. И, как и в любой другой раз, я таю.

— Я только хочу закончить начатое.

Что, черт возьми, это значит?

До меня доходит, когда он берет губку и проводит ею по моему лону, которое теперь лишь частично погружено под воду. И он...

Вау.

Да.

Большинству героинь после секса достается от их героев теплое полотенце. Или футболка. Или они оставляют их липкими, чтобы они пахли так же, как они. Что просто чертовски отвратительно.

Но Джейк Суэггер?

В этом деле он сверхуспешен.

Купание в ванной. Свечи. Массаж кожи головы. И чертово мытье влагалища. Он

ухаживает за мной самым восхитительным, интимным способом. Конечно, это, вероятно, больше из чувства вины за то, что уничтожил мою киску, чем из желания быть милым.

— Зачем ты это делаешь?

— Что делаю?

Я обвожу рукой комнату, затем свое тело.

— Это.

— Забочусь о тебе?

Мое сердечко замирает, и я теряю дар речи. Поэтому просто киваю.

— Я делаю это, — он воспроизводит движение моей руки, — потому что сказал, что позабочусь о тебе. Я крупный мужчина и не нежничаю во время секса. Никогда. Мне следовало не торопиться с тобой. Действовать легче. Отказать, даже когда ты умоляла. Но есть что-то в твоём маленьком порочном теле, отчего я теряю контроль.

Он прижимает губку к моему лону и выжимает. Вода шелковым каскадом стекает по моей обнаженной щелке, и его губы такие же мягкие, когда он ведет ими от моей шеи к плечу.

— Мне нравится, как ты вбираешь меня всего. Как выкрикиваешь мое имя, когда кончаешь. Какая ты сладкая на вкус. Я не могу устоять перед тобой. Всегда жду, что ты мне откажешь, но этого никогда не происходит. Ты позволяешь мне брать то, что я хочу. Поверь, я сделаю так, чтобы тебе было хорошо. И не подорву это доверие.

О, боже, это... прекрасно.

И мне, безусловно, просто надо открыть рот и все испортить.

— Забыла спросить, но теперь, задумавшись об этом, у тебя ведь нет никаких болезней? Потому что ты не надел презерватив. И если я начну чесаться не в тех местах, где должна... что ж... вот это точно подорвет мое доверие.

Он смеется.

— Ты действительно умеешь испортить момент.

Я поворачиваюсь к нему — вода выплескивается через край ванны, но я слишком взволнована, чтобы обращать на это внимание.

— У нас был момент?

— Не тот, о котором я хотел бы вспоминать теперь, когда ты заговорила о зуде. И, отвечая на твой вопрос: нет. У меня нет никаких болезней. — Должно быть, он думает, что я ляпну еще какую-нибудь глупость, потому что быстро меняет тему. — Как насчет тоста?

Он берет два бокала с полки рядом с ванной, протягивает один мне и подмигивает.

— Вино. Потому что я знаю, как сильно ты его любишь.

Я закатываю глаза.

— Ты же знаешь, я ненавижу вино.

— Порадуй меня.

Я нюхаю вино, будто знаю, что делаю. Аромат вкусный, но я морщусь нос просто из вредности.

— За что будем пить?

— За все, что хочешь.

Его глаза мерцают. Я хочу выпить за любовь. За нас. За брак, детей и совместную старость. Но на данный момент это кажется немного чересчур. Кроме того, я обещала, что подожду и подумаю об этом завтра.

Поэтому улыбаюсь, поднимаю бокал и произношу тост за следующую лучшую вещь в

мире.

— За положительный настрой и отрицательный тест.

Глава 27

— О-о-у... какая милота.

Джейк всхрапывает, и я приоткрываю один глаз, видя улыбающегося Кэма, растянувшегося в изножье нашей кровати. Я улыбаюсь в ответ, потому что... ну, потому что чертовски счастлива. Я, вроде как, даже не знала счастья, пока не познакомилась с Джейком Суэггером, который резко садится и смотрит поверх меня, чтобы убедиться, что я укрыта от глаз Кэма.

Я вся млею.

— Как, мать твою, ты сюда попал? — рычит Джейк, откидываясь на подушку и крепче прижимая меня к себе.

— У меня свои способы.

— То есть, ты очаровал горничную, чтобы она тебя впустила.

— Именно так. — Кэм щекочет мне ступню, и я отдергиваю ногу, упираясь пяткой в голень Джейка.

— Ради всего святого... Кэм, свали, чтобы мы могли встать.

— Точнее, чтобы Пенелопа могла встать, и я не увидел ее голой.

— Именно.

Джейк лягается, но прежде чем его нога соприкасается с промежностью Кэма, тот встает и выходит из спальни, насвистывая какую-то мелодию, будто самый счастливый человек в мире.

Не правда.

Я — самый счастливый человек в мире.

На самом деле, мне жаль всех, кто проснулся этим утром и оказался не мной.

Серьезно. Мне жаль вас.

— Прости, детка. — Прикосновение губ Джейка к моему обнаженному плечу взрывает в груди фейерверк. И в области паха. Я поворачиваюсь и прижимаюсь к нему. Он зарывается носом в мои кудри и вдыхает. — Твои волосы так хорошо пахнут.

— Тебе стоит понюхать мое дыхание.

Чувствую его улыбку.

— Значит, полагаю, никакого поцелуя «с добрым утром».

— Ни единого шанса в аду. По крайней мере, пока я не почищу зубы.

Он хлопает меня по заднице.

— Тогда, иди чистить зубы, красавица. Я попрошу Кэма заказать нам в номер завтрак.

Я встаю с кровати и иду в ванную.

— Что он вообще здесь делает? — кричу я через плечо.

— У нас в девять утра селекторное совещание с зарубежным дистрибьютором.

— Разве он не мог выйти на связь из Чикаго?

— Мог. Но Кэм никогда не ищет легких путей.

Я прекращаю чистить зубы, когда он заходит в ванную. Он поглаживает свою утреннюю щетину и подмигивает мне. Затем радуется моему виду своей подтянутой задницы, когда поворачивается к унитазу.

Он мочится.

Я чищу зубы.

Это должно быть странно, да?

Ничего подобного.

— Он твой помощник?

Джейк фыркает.

— Спроси его.

Мысленно помечаю сделать это, а затем полощу рот. Умываюсь. Закутываюсь в бесплатный гостиничный халат, который, как мне кажется, я собираюсь умыкнуть.

Когда поворачиваюсь обратно, Джейк уже рядом. Обхватывает мое лицо ладонями. Целует в макушку. В губы. Отстраняется, и я благодарна, что он не попытался засунуть свой язык мне в глотку. Потому что он еще не почистил зубы. А по утрам я восприимчива к запахам.

— Все одеты? — Не дожидаясь ответа, Кэм протискивается в ванную. Его не беспокоит нагота Джейка, но он выглядит немного разочарованным тем, что я полностью прикрыта.

— Я заказал завтрак. Всего понемногу. Не был уверен, что тебе нравится.

— Спасибо. Ты помощник Джейка?

Он бросает на Джейка взгляд, который говорит о том, что он бы убил его, если бы не было никаких свидетелей. Джейк только смеется. Ни один из них не отвечает на вопрос. Он полностью забыт, когда Кэм указывает, который сейчас час, а Джейк, тихо выругавшись, оборачивает вокруг талии полотенце.

С последним поцелуем — на этот раз немного более глубоким, потому что теперь Джейк благоухает мятной свежестью, — я оставляю их наедине с делами и отправляюсь на поиски завтрака. Следуя на запах бекона, попадаю столовую, где за большим столом могут разместиться восемь человек. И каждый его дюйм уставлен блюдами.

Интересно, как их доставили сюда так быстро? Но эта мысль ускользает, когда я начинаю открывать тарелки с горячими оладьями. Беконом. Яичницей. Французскими тостами. Сосисками. Ветчиной. Дальше я не продвинулась. С тарелкой я тоже не заморачиваюсь. Ем прямо из общих блюд.

Завтракая, планирую, как признаюсь Джейку в любви. К моменту, как наедаюсь, решаю, что просто выпалю это и посмотрю, что произойдет. В моей голове встает такая картина.

Я признаюсь Джейку в любви.

Он отвечает мне взаимностью.

Мы целуемся.

Он опускается на одно колено.

Дарит мне кольцо, купленное им сразу после нашей первой встречи, так как в тот момент он понял, что не сможет без меня жить.

Грандиозную свадьбу мы пропускаем.

Едем в здание суда.

Женимся.

И становимся предметом зависти каждого человека на планете.

Идеально, скажите?

Я волнуюсь. И мне нужно спланировать прием. Поэтому я возвращаюсь наверх и молюсь, чтобы совещание закончилась.

Голос Джейка доносится до меня в тот момент, когда я достигаю площадки второго этажа. От глубокого, насыщенного, с затаенной властностью звука мое сердце бьется быстрее. Поступь кажется легче. Дышать становится труднее.

Совещание заканчивается как раз в тот момент, когда я подхожу к чуть приоткрытой двери. Но когда Кэм произносит мое имя, я останавливаюсь. Я подслушиваю, хоть и знаю, что не должна. Но так поступил бы любой в моей ситуации.

— А как же Пенелопа?

Сквозь щель в двери вижу, как плечи Джейка поднимаются и опускаются, когда он пожимает ими.

— А что с ней?

— Ты возьмешь ее с собой? В Африку?

Джейк смеется.

— Пенелопу? В Африку? Нет, черт возьми. Ты хоть представляешь, какие разрушения она там может учинить?

Хм. Я могла бы поехать в Африку. Мне нравятся львы и прочее дерьмо.

— Ты вообще сказал ей, что уезжаешь?

— Я упоминал об этом.

Это правда.

Джейк — истинный филантроп — планирует отправиться со своей навороченной ирригационной системой в Африку. Не с целью продажи, а безвозмездно отдать ее в пользование тамошним деревням, чтобы жители могли более эффективно выращивать урожай. Он рассказал мне об этом, лежа в постели прошлой ночью. Он также пояснил, что именно этим планировал заниматься в будущем. Я предположила, что он уедет через несколько месяцев — может быть, даже лет. Но Кэм говорит так, будто Джейк уезжает намного раньше.

— Итак, когда ты упомянул об этом, вы обсудили то, что произойдет после твоего отъезда? Или что будет, когда ты вернешься? Вы продолжите поддерживать связь?

Джейк издает смешок, закрывая папку и бросая ее на кровать рядом с Кэмом.

— Ты — кто? Мой психотерапевт?

— Я — твой лучший друг. И я не буду сидеть, сложа руки, и смотреть, как ты выбрасываешь нечто хорошее, потому что слишком чертовски упрям, чтобы признать его ценность.

Гребаный Кэм. Я люблю его.

— Слушай, Пенелопа мне нравится. Черт, возможно, я даже равнодушен к ней. Но...

У меня внутри все сжимается. В груди становится тесно. Колени дрожат, а руки вспотели. Проглатываю комок в горле и жду продолжения того, что скажет Джейк, — и что бы это ни было, это заставило его остановиться.

Телефон Джейка издает сигнал с уведомлением о входящем электронном письме. Кэм выхватывает у него мобильный и держит вне досягаемости.

— Но... — настаивает он, требуя, чтобы Джейк дал ему ответ.

— Ради всего святого, Кэм. Я живу в Чикаго. Она в Захопье, штат Миссисипи. Так уж обстоят дела. Мы, конечно, можем поддерживать связь. Она может навещать меня, когда захочет. Мы можем приятно проводить время, а потом возвращаться к своей обычной жизни. Никаких обязательств.

Кэм усмехается.

— Ты, бл*ть, себя слышишь? Никаких обязательств? Брось, мать твою...

— Что? Я не ищу сказки, Кэм. И, честно говоря, не уверен, что Пенелопа ее ищет. Несерьезные отношения для нас — это хороший вариант. Чертовски идеальный. Подумай об

этом. Кто не захочет таких отношений?

Хм.

Я.

Глава 28

Помните те пять стадий горя, через которые проходит моя мама, когда звонит мне? Что же, видимо, эта хрень передается по наследству.

Стадия 1: Отрицание.

Джейк не произносил словосочетание «несерьезные отношения». Очевидно, я неправильно его расслышала. Потому что, если бы он считал, что у нас все несерьезно, он бы не спустился вниз — куда я сбежала после того, как услышала то, чего явно никогда не слышала, — не взял бы меня пальцами за подбородок. Не приподнял бы мне голову. Не поцеловал бы в губы. И не произнес бы одними губами: «красиво».

Кроме дизайнерских бирок, в моем наряде не было ничего красивого: ботинки, джинсы, шарф, обалденная рубашка с длинными рукавами и петелькой для пальцев. Или в моих волосах, собранных в неряшливый пучок. И хотя мой макияж был на высоте, я бы не назвала его красивым.

Но, Боже, я почувствовала себя красивой, когда он взял меня за руку. Когда водил большим пальцем по костяшкам моих пальцев во время спуска по восемнадцати лестничным пролетам. Когда всю дорогу до аэропорта держал руку на моем бедре. Когда убрал ее только для того, чтобы снова взять меня за руку и вывести из машины.

Направившись со мной к самолету.

С зажатым между плечом и щекой телефоном.

Пристегнул меня.

Коснулся пальцем моего виска.

Несерьезно — моя задница...

Стадия 2: Гнев.

К черту Джейка Суэггера. К черту его мнение о том, что я не подхожу для Африки. К черту его за то, что назвал мой родной город «Зажопье, штат Миссисипи». К черту его и его комментарий «никаких обязательств». К черту его за предположение, что я не хочу сказки. И к черту его за одно лишь упоминание о несерьезных отношениях.

Стадия 3: Торг.

Боже, пожалуйста, пусть этот мужчина полюбит меня. Примет меня. Женится на мне. И заделает мне ребенка. Исполни это, и я обещаю, что пожертвую кучу его денег на благотворительность, как только получу доступ к его счетам. Если только он не потребует подписать брачный договор. Так что, Боже, не дай ему требовать от меня подписать брачный договор.

Стадия 4: Депрессия.

Эту стадию я переживаю в данный момент.

Я поднимаю взгляд на Джейка, который, как король, восседает в кресле своего самолета стоимостью шестьдесят миллионов долларов. Он одет по-деловому в идеально сшитый темно-серый костюм. Единственная видимая складочка — крошечная морщинка между глаз, когда он яростно стучит по клавишам своего ноутбука, как всегда представляя в образе генерального директора.

От взгляда на него со мной происходят безумные вещи. Я чувствую себя так, словно всевозможная живность устраивает у меня в животе всякое дерьмо. Бабочки порхают. Птицы

бьют крыльями. Рыбы плещутся. Ох, уж это покусывание нижней губы, хорошо скрывающее ухмылку. Пока я не вспоминаю его слова. И теперь мне кажется, что один из этих здоровенных тexasских лонгхорнов вонзил мне рог в сердце (*прим.: тexasский лонгхорн — порода крупного рогатого скота, известная своими длинными рогами, которые могут простираться от головы до кончика рога до 180 см*).

Я не могу быть его мисс Симс. Не могу быть его Красавицей. Не могу приезжать в Чикаго, когда ему будет удобно, заниматься с ним любовью, позволяя ему влюбить меня в него еще больше, а потом просыпаться в одиночестве в его большой кровати рядом с пачкой наличных и запиской, в которой говорится, что он свяжется со мной.

Я отвожу от него взгляд, и мне приходится сморгнуть слезы. Делаю пару глубоких вдохов. Ничто не помогает. Эта пустота...

Бл*ть.

От боли закрываю глаза. Вынуждаю себя перейти к следующей стадии горя — принятию. Но как я могу принять, когда мое сердце отказывается отпустить самую большую любовь, которую оно когда-либо знало? Как я могу жить дальше, когда единственное будущее, которого я хочу, сидит прямо напротив меня?

Я задаю себе эти вопросы снова и снова, пока самолет идет на посадку. Пока мы садимся в машину, ожидающую нас на летном поле. Пока едем в потоке оживленного городского движения. Пока Джейк уверенно держит мою руку, когда мы пересекаем вестибюль его многоквартирного дома и поднимаемся по лестнице пролет за пролетом.

— Пенелопа? Ты меня слышала?

Поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Джейка, который непрерывно разговаривал по телефону с тех пор, как мы приземлились. Я давным-давно отключилась от него. Это было легко, учитывая, что мысли в моей голове кричали слишком громко, чтобы я могла обращать внимание на что-то еще.

— Хм?

— Я сказал, что мне нужно в офис. Но через пару часов я вернусь.

И тут я понимаю, что мы в его квартире. На кухне. Я держу в руках бокал вина. И мои икры дьявольски горят.

— Ох. Да. Конечно. Ладно.

Он хмурится. Приближается ко мне. Прodelывает эту чертову штуку своими пальцами на моем виске.

— Детка, ты в порядке?

Я прочищаю горло, проглатывая эмоции.

— Я? Да, — отмахиваюсь я и выдавливаю из себя улыбку. — Я в порядке. Просто устала после перелета. И лестницы.

Его ухмылка столь же дерзкая, сколь и наполненная облегчением.

— Думаешь, ты когда-нибудь снова поедешь в лифте?

— Однажды. Возможно.

— Знаешь, я всегда мог бы купить вертолет. На крыше есть вертолетная площадка. — На его лице появляется выражение ужаса. — Даже несмотря на то, что я ненавижу эти гребаные штуки.

— Тогда зачем тебе его покупать?

Он бросает на меня взгляд, который говорит о том, что ответ очевиден.

— Ради тебя, конечно.

Я таю, как масло.

Вот так мои «стадии горя» движутся дальше...

— Ты купишь мне вертолет?

— Чтобы не подниматься по всем этим лестницам? Безусловно. Хотя, мне придется подобрать себе песню, подобную твоей песне для лифта, чтобы успокоиться, чтобы я не... как ты говоришь? Не растерял все свое дерьмо?

Он подмигивает.

Я открываю рот, чтобы попросить его жениться на мне.

У него звонит телефон.

Ненавижу этот гребаный телефон.

— Да, Сандра?

Мои глаза сужаются, и я громко шиплю:

— Что еще за Сандра, черт возьми?

— Помощница, — одними губами произносит он.

Я думала, его помощник — Кэм... Или, может, я вынесла неверное предположение...?

Он тянет меня за волосы, и моя голова откидывается назад, затем Джейк наклоняется, целуя местечко, где моя шея переходит в плечо, и уходит, болтая с этой Сандрой о важных вещах, которые требуют умных слов, которых я не понимаю.

Хочу заставить его обернуться. Чтобы попроситься поехать с ним. Сделать что угодно, но только не продолжать идти к двери, будто меня здесь вообще нет. Потому что это зрелище — то, как он уходит, — вызывает внутри меня нечто. Мне не нравится чувство пустоты, которое распространяется все дальше и дальше по мере того, как расстояние между мной и Джейком увеличивается. И этот голос в моей голове спрашивает: всегда ли будет так.

Он предложит купить мне вертолет.

Поцелует в шею.

Заставит потерять голову.

Затем умчится в свой офис.

Или в Африку.

Ожидая, что я буду здесь, когда он вернется.

Потому что так все и происходит, когда у вас несерьезные отношения.

Но как же я? Как насчет того, чего хочу я? И как же моя жизнь? Мои мечты? Мой дом? У меня тоже есть своя жизнь, понимаете? Свои дела. Возможно, они не столь важны, как спасение мира с помощью ирригационной системы и прочего дерьма, но все же.

Вероятно, именно поэтому мне кажется, что я тону. Потому что он ни разу не спросил, чего хочу я. Каждая минута каждого дня, который мы провели вместе, была посвящена ему. Его жизни. Его карьере. Неужели для него моя жизнь так незначительна? Или ему просто плевать?

— Джейк?

Он останавливается в дверях. Говорит Сандре подождать минуту, прежде чем отвести телефон от уха и обратиться ко мне.

— Да, детка?

Детка.

— Ты знаешь The Proclaimers?

— Группу?

Я киваю.

— Да.

— Я слышал о них.

— Тебе стоит послушать их альбом «Sunshine on Leith». У них есть несколько песен, которые, я думаю, тебе понравятся. Знаешь... от твоего страха перед вертолетом.

— Я послушаю.

Он подмигивает, и его губы изгибаются в улыбке.

Эта улыбка... она стоит того, чтобы на нее смотреть.

Чтобы запомнить.

Чтобы лелеять.

Но именно звук закрывающейся за ним двери и ощущение удара в живот приводят меня к...

Стадия 5: Принятие.

Наша история могла бы стать любовным романом. Я имею в виду, у нас были задатки чего-то великого — я нашла своего Того самого Парня. Влюбилась в него. Он тоже...

У нас была химия. Влечение. Секс. Мы узнали его на шестьдесят процентов, выяснив почему Джейк вел себя как мудака. Затем он искупил свою вину.

Я примерила на себя роль девицы в беде.

Он делал всякое милое дерьмо, например, перебирал мои волосы, купал меня в ванне и шептал: «шшш, я рядом».

Мы танцевали. Ходили на свидание. Смеялись. Разговаривали. Сближались.

Я теряла голову. Он ухмылялся.

Я падала. Он ловил.

Я носила его рубашку. Он надевал ее на меня.

Да. Все это было у нас.

Почти.

Проблема в том, что мы упускаем самое лучшее...

Гребаное «долго и счастливо».

Глава 29

— Он не приедет за мной! И не позвонит! Он меня не любит!

Я падаю поперек кровати рядом с Эмили и утыкаюсь лицом ей в плечо. Мне нужны ее объятия. Вместо этого она отстраняется и встает.

— Ради всего святого, Пенелопа. Ты дома всего три часа. Остынь.

Я знаю, что Эмили злится на меня. Черт возьми, я сама на себя злюсь. Сбежать, даже не попрощавшись? Типичная е*анутая героиня. А я всегда гордилась тем, что не являюсь типичной героиней. Но при первой же возможности я сбежала. И вот я здесь — снова дома, в Миссисипи. Грустно, потому что я скучаю по Джейку. И злюсь, потому что он еще не примчался умолять меня вернуться.

Какого хрена со мной не так?

Миллионы женщин убили бы за свободные отношения с таким мужчиной, как Джейк Суэггер. Я? Нееееет... Я влюбилась...

Почему я считаю, что мое сердце так важно? Кого волнует, если его раздавят? Джейк — красавчик. Великолепен в постели. Богатый. Умный. Веселый. Милый. Сколько замужем за мужчинами, которые даже наполовину такие?

Дурацкое сердце.

Но сейчас речь не обо мне, а об Эмили, которой нужно протянуть мне руку и стать

лучшей подружкой. Если это означает лгать или сделать что-то экстремальное, лишь бы заставить меня чувствовать себя лучше, то именно это от нее и требуется. Но когда я говорю ей об этом, она закатывает глаза.

— Чего ты хочешь? Хмм? Чтобы я полетела в Чикаго и подкинула пакет с горящим собачьим дерьмом ему на крыльцо?

— Да, — выпаливаю я, не раздумывая.

Она прислоняется к комоду и, прищурившись, смотрит на меня. Даже после всех этих лет я все еще не привыкла к тому, какими жуткими становятся ее светло-серо-голубые глаза, когда она так щурится.

— Знаешь, кто ты, Пенелопа? Лицемерка.

В шоке я сажусь на кровать.

— Ли-лицемерка? Т-ты только что назвала меня ли-лицемеркой?

— Именно так я тебя и назвала. И прекрати свое театральное заикание. Здесь нет никого, кроме нас.

Со скучающим видом она затягивается вейпом. Она даже не вейпит. Она делает это просто потому, что у него вкус черники, и она утверждает, что это помогает обуздать ее аппетит. Она также утверждает, что ей нужно сбросить пятнадцать фунтов. Что просто смешно.

— Какая же я ли... ли... я даже не могу этого произнести. — Скрещиваю руки на груди и отворачиваюсь от нее.

Она раздраженно выдыхает — чересчур драматично, если хотите знать мое мнение, — и перекидывает свои длинные черные волосы через плечо.

— Ты злишься на него за то, что он назвал то, что у вас было, несерьезными отношениями, но сама ни разу не сказала ему, что хочешь большего. Ты злишься, потому что он не сказал тебе, что любит тебя. Даже, несмотря на то, что сама ему этого не говорила. И ты злишься, что он не примчался за тобой. И все же именно ты ушла, даже не попрощавшись.

Я знаю все это. Это правда. И это я тоже знаю. Но это не значит, что я хочу ее слышать.

— Ну, и прекрасно. — Я хватаю ключи и телефон и протискиваюсь мимо нее.

— Так ты возвращаешься?

— Нет. — Спускаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, пока не добираюсь до гаража.

— Тогда куда ты?

Я поднимаю глаза и вижу, что она прислонилась к двери моей квартиры. Еле сдерживает улыбку. Что укрепляет мое решение сделать то, что я должна была сделать, как только вернулась домой.

— Иду искать нового лучшего друга.

Бросаю взгляд на пустую упаковку голландского шоколадного мороженого «Блю Белл», стоящую на кофейном столике, и чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

Я съела своего нового лучшего друга.

После покупки мороженого, я пришла в мамин дом, который находится буквально у меня во дворе, так как я живу в квартире над ее мастерской на заднем дворе. Я планировала дуться и шмыгать носом, пока она не спросит, что случилось. Потом собиралась рассказать ей все, пока она обнимала бы меня и гладила по волосам. Она бы сказала все правильные вещи. Мы бы посмотрели девчачий фильм. И мое пропитанное слезами мороженое стало бы

результатом чьего-то другого разбитого сердца, а не моего собственного, потому что моя милая мамочка заверила бы меня, что Джейк действительно придет.

Проблема в том, что ее не оказалось дома. Так что я была вынуждена есть мороженое, пропитанное своими слезами, пролитыми над собственным разбитым сердцем, в полном одиночестве.

Боже, я такая жалкая.

А что делают жалкие люди? Они надевают свою лучшую безразмерную одежду — футболку размера 100XL и поношенные эластичные брюки — объедаются нездоровой пищей и в полном одиночестве смотрят «Красотку», свернувшись калачиком на мамином диване и жалея себя.

90 минут спустя

— ...«Она спасла его»...

— Ой, катись к черту, Вивиан. Никто не говорит такого дерьма.

Я бросаю луковое колечко в телевизор. А когда от этого мне не становится легче, швыряю весь пакет.

— Ого, дитя. Что тебе сделал мой телевизор?

Отрываю голову от усеянной крошками подушки, и вижу маму, улыбающуюся мне сверху вниз. Весь гнев и зависть, которые я накопила по отношению к Вивиан и ее способности заставить Эдварда прийти за ней, исчезают, когда меня охватывает глубокая печаль. Слезы заливают глаза, из груди вырывается сдавленное рыдание, пока я пытаюсь высвободиться из-под одеяла и броситься в материнские объятия.

— Что тебя так расстроило, милая девочка?

При звуке ее голоса плачу еще сильнее. Он сдержанный. И все же. Успокаивающий и мягкий, но достаточно сильный, чтобы проникнуть в мои суматошные мысли. От мамы пахнет печеньем, яблоками и всеми прочими чудесами.

Она пахнет мамой.

— Джейк не хочет ничего серьезного, а я хочу большего, и я сбежала, думая, что он придет за мной, но он не пришел.

Клянусь, я слышу ее смешок, но когда отстраняюсь, вижу на ее лице лишь сочувствие.

— Ты рассказала ему о своих чувствах?

Я просто смотрю на нее.

Она вздыхает. Улыбается. Убирает волосы с моего лица и стряхивает крошки с моей футболки.

— Почему бы тебе не принять душ, а я тебе что-нибудь приготовлю.

— Я не голодная. Я уже наелась луковых колечек и вяленой говядины. — Я выпячиваю губку и дуюсь.

— И от тебя пахнет луковыми колечками и вяленой говядиной. Вот почему я предложила принять душ.

Позади мамы стоит Эмили и выразительно кивает. Даже заходит так далеко, что морщит свой милый маленький носик-пуговку и с отвращением кривит губы.

Я удивлена, что Эмили и мама не радуются моему возвращению. Мы все знаем, что без меня они бы не справились. Для кого тогда готовить маме? Кто заставит Эмили смеяться, когда все, что она делала в последнее время, — это плакала? Они должны делать все возможное, чтобы заставить меня ненавидеть Джейка — проклинать его. Устроить ему розыгрыш по телефону. Угрожать его жизни в социальных сетях. Или, по крайней мере,

распускать злые слухи.

Видимо, мне пора найти кого-то другого, кто мог бы меня утешить. Эти двое заинтересованы только в том, чтобы указывать на мои недостатки. Серьезно, любая девушка с разбитым сердцем заслуживает того, чтобы развалиться на части. Особенно та, кто сплочает этих двоих. Почему они не могут просто позволить мне какое-то время повонять?

— Отлично. Я приму душ.

— Вот это моя девочка, — одобряет мама в тот же момент, когда Эмили бормочет:

— Слава богу.

Проходя мимо, бросаю на нее уничтожающий взгляд. И только потому, что она выглядит идеально и соблюдала правила гигиены во время расставания, я не могу удержаться от того, чтобы не дыхнуть ей в лицо своим горячим, луково-мясным дыханием.

Вместо душа я приняла ванну с пеной. Но от этого мне стало только хреновее, потому что вызвало воспоминание о Джейке.

Поэтому я расплакалась.

Выйдя, я нацепила рубашку Джейка и его трусы — да, я украла его трусы. Но мне снова стало хреново, потому что они пахли Джейком и напоминали мне о его отсутствии.

Поэтому я расплакалась.

Я нашла маму и Эмили на кухне. Смеющихся. Поджаривающих маринованные огурцы с укропом. Одетых в одинаковые фартуки. С мукой на носах и щеках. Счастливая гребаная семейка. И это заставило меня задаться вопросом: возможно, я здесь не так нужна, как думала. Я чувствовала себя третьей лишней в доме родной матери. И это сделало мой уход от Джейка еще более горькой пилюлей.

Поэтому я расплакалась.

Уродливыми слезами.

Это, наконец, привлекло ко мне внимание, и вскоре моя голова лежала на коленях у мамы, а ноги — у Эмили, пока мы сидели на диване и смотрели викторину, ели соленые огурцы и пирог, не ответив правильно ни на один вопрос.

— Как у нас дела? — спрашивает мама тихим голосом, глядя меня по волосам.

На моих глазах появляются новые слезы.

— Кажется, я совершила ошибку. — Правдивость этих слов поразила меня прямо в грудь. Мой желудок скручивает. Сердце падает на колени. — Я такая дура.

— Милая, ты не дура.

Я поворачиваюсь всем телом, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Нет, дура. Он был таким идеальным, мама. Милым, добрым, забавным и хорош в постели...

— И богатым, — добавляет Эмили.

Я киваю.

— И богатым. Как Кристиан Грей.

Мама предпочитает проигнорировать легкомысленный комментарий про богатство.

— Так почему же ты ушла?

— Потому что подслушала, как он сказал своему другу, что у нас ничего серьезного. И что это идеально. И что он не хочет большего.

— Ты поговорила с ним об этом?

— Нет. — Я опускаю глаза. — Просто ушла.

— Пенелопа Лейн... ты говоришь как типичная героиня.

— Знаю! — кричу я, закрывая глаза ладонями. — Что мне теперь делать? Я не могу просто позвонить ему или вернуться. Это было бы странно. И это разрушило бы мою мечту, если бы он сделал ход Того Самого Парня, так отчаянно скучая по мне, что пришел бы за мной.

Зная, как сильно я в этом нуждаюсь, все соглашаются. Даже, несмотря на то, что я вижу их желание сказать мне, что в их глазах я веду себя глупо.

Мама встает и стаскивает меня с дивана.

— Сходи куда-нибудь с Эмили. Выпей немного и посмотри, сможешь ли выбросить его из головы.

Я смахиваю со щек слезы и киваю так резко, что у меня стреляет в шею.

— Ладно. Звучит забавно.

Я смотрю на Эмили, которая пожимает плечами.

— По-моему, звучит довольно типично для героини.

Ой, похрен.

Глава 30

Ик.

Прочистить горло.

Закрывать глаза.

Досчитать до трех.

— Des...per...ado...o...o...o...

Делаю глубокий вдох после своего убийственного вступления, готовая удивить этих людей своим ангельским голосом, который, без сомнения, заставит ангелов на небесах позеленеть от зависти и страха в тот день, когда я присоединюсь к их хору. Но как раз в тот момент, когда я собираюсь спеть следующую строчку, из толпы доносится слишком знакомая ворчливая фраза.

— Ох, ради всего святого...

Осматриваю караоке-бар площадью восемьсот квадратных футов, пытаюсь отыскать источник мужского голоса, который использовал фирменную реплику Джейка и прервал мою песню. Почти лысый, краснолицый здоровяк в комбинезоне в углу выглядит как тот, кто способен разозлиться из-за чего угодно. Так что неудивительно, что он злится на меня, потому что я потрясающая.

Жестом приказываю парню за караоке-машиной остановить песню. Когда музыка смолкает, поворачиваюсь обратно к мужчине.

— Эм. Извините, сэр. Но у меня, вроде как, плохой день. — *Ик.* — Мужчина, которого я люблю, не хочет серьезных отношений. Так что я сейчас немного ранима, и мне нужно, чтобы вы не вели себя как мудаки, хорошо?

Моя речь дарит мне полный сочувствующих лиц зал, три порции дешевого виски и аплодисменты, побуждающие закончить песню. Поэтому я позволяю всем пожалеть меня. Выпиваю виски. И киваю парню за караоке, чтобы он заново пустил песню Клинта Блэка «Desperado».

Глубокий вдох.

Ик.

Закрывать глаза.

Досчитать до трех.

— Des...per... — *Ик.* — ado...o...o...o...

— У меня, бл*ть, кровь из ушей пошла.

Этот сукин...

— Сэр! — Все вздрагивают от свиста микрофона, когда я срываю его с подставки, чтобы посмотреть в лицо кретину, который явно не знает, что слышит легенду в процессе ее зарождения. — Не могли бы вы, нахрен, заткнуться и дать мне возможность насладиться моментом?

Ик.

— Конечно, сладкая. Наслаждайся моментом. Только не пой.

Я пристально смотрю на него.

— От пения я чувствую себя лучше.

— А мы чувствуем себя только хуже. — Его сволочной ответ вызывает в толпе из тринадцати человек несколько смешков. Смеясь вместе с ними, он поворачивается к Эмили, которая сидит одна в баре. — Она всегда была такой плохой певицей?

— Ага.

Гребаная Эмили.

Ик.

— Может у девушки быть разбито сердце? Пожалуйста? Могу я просто дерьмово спеть и выпить дешевое виски... — *ик.* — И... — *ик.* — И не слышать вашей критики?

— Можешь делать на этой сцене все, что захочешь, девочка. Но только не пой.

Еще один взрыв смеха.

Еще один «*ик*».

Еще один тост за мое молчание. Даже Эмили поднимает свой зеленый «эпплтини».

Она что? Школьница?

— Итак, позволь прояснить. — *Ик.* — Мне нельзя петь... на вечере караоке... чтобы справиться с тем, что, возможно, является худшим днем в моей жизни... но я могу делать, что угодно? Думаю, если бы я разделась для твоей извращенной задницы, тебя бы это устроило.

Краснолицый мудака поднимает свой бокал.

— Да, черт возьми!

— Этому не бывать.

В баре воцаряется тишина.

Все головы поворачиваются в сторону голоса.

Трусика падают.

Мужики сникают.

Я икаю.

Джейк Суэггер здесь. В костюме. Смотрит на меня так пристально... так пристально, что у меня подкашиваются колени, и мне приходится вцепиться в стойку микрофона, чтобы удержаться на ногах.

Он пришел.

Пришел!

Черт, он классно выглядит.

Так чертовски классно.

Веди себя спокойно.

Веди себя спокойно.

Скрещиваю руки на груди, вздергиваю подбородок и расправляю плечи, стараясь не рассыпаться при виде этих серо-сине-зеленых глаз, которые смотрят на меня сквозь разделяющее нас облако дыма.

— Могу я вам помочь?

— Возможно. Я ищу девушку.

— Да? — Не могу скрыть надежду в голосе.

— Да. — Эта его гребаная улыбка... — Ее мама сказала, что я могу найти ее здесь.

Оу... ну, спасибо, мам.

— Ясно. Хм. Что ж. Может, тебе стоило попробовать ей позвонить.

— Я звонил.

— Нет, не звонил, — невозмутимо отвечаю я.

— Звонил. Похоже, она забыла оплатить счет за мобильный.

Вы, должно быть, прикалываетесь надо мной...

— Нет. Не прикалываюсь.

Мысли! Молчать!

— Зачем ты ее ищешь?

— Она сбежала от меня сегодня утром, даже не попрощавшись.

— Типичная героиня романа. — Я бросаю на Эмили предупреждающий взгляд. — Что?

Это правда.

Делаю глубокий вдох и становлюсь немного выше, когда снова обращаюсь к Джейку.

— Ну, ты, должно быть, что-то сделал, — *ик*, — раз она вот так просто взяла и ушла.

— Ты права. Возможно, она ушла, потому что я предложил купить ей вертолет.

Какая-то пьяная цыпочка ахает. Его глаза поворачиваются к ней, и он пожимает плечами, весь такой застенчивый и прочее дерьмо.

— Знаю. Это чересчур?

— Нет, черт возьми, совсем не чересчур. Можешь купить вертолет мне.

Все смеются. Даже Джейк усмехается. И мне приходится прочистить горло, чтобы снова привлечь к себе внимание. Это шоу Пенелопы, засранцы.

— Сомневаюсь, что из-за этого.

Ик.

— Ну, или, может, из-за того, что утром она подслушала мой разговор с другом.

Вот, черт.

— Кто-то должен сказать ей, что это невежливо, — предлагает пьяная цыпочка.

Джейк кивает.

— О, я согласен. И если мне не изменяет память... — он пристально смотрит на меня. — Кое-кто ей уже это говорил.

Ик.

— У тебя всё? Если да, я хотела бы вернуться к своей песне.

— Ради всего святого, продолжай говорить. — Красномордая сволочь в комбинезоне простирает в мольбе руки к Джейку.

Похрен.

— Итак, мой друг спрашивает, что у меня с этой девушкой. И я ему говорю, что у нас ничего серьезного.

Женский ропот в зале вызывает у меня желание вскинуть кулак в воздух. К счастью, меня отвлекает икота.

Джейк поднимает руку.

— Секундочку, дамы. В этой истории есть кое-что еще. Видите ли, единственная причина, по которой я так сказал, заключалась в том, что я думал, что этого хочет и она.

— Она этого не хотела! — рявкаю я, а затем быстро добавляю: — Вероятно. Я полагаю. Не знаю. То есть, почему ты так решил?

— Потому что она никогда не говорила, что хочет большего.

Я фыркаю.

— Ой. Так ты просто предположил, даже не потрудившись спросить ее?

— Ну, эта девушка... — он выдыхает смешок и проводит рукой по волосам. — Эта девушка известна тем, что говорит все, что думает. Все, что угодно. Мне никогда не приходилось задаваться вопросом о ее мыслях. Потому что, если ей что-то приходило в голову, это слетало с ее губ. Даже когда она этого не хотела.

Он улыбается мне.

— Звучит знакомо?

Воздух между нами сгущается, вызывая удушье. Я хочу покончить с этим дерьмовым подшучиванием, прыгнуть с этой дерьмовой маленькой сцены и броситься в объятия Джейка. Хочу, чтобы он обнял меня, поцеловал и признался в любви. Но даже при том, что я понимаю, почему он сказал то, что сказал, и даже при том, что он здесь, часть меня все еще задается вопросом: возможно ли, что этот парень — мой Тот Самый Парень — любит...
меня.

— Почему ты убежала, Пенелопа?

Весь зал затаил дыхание в ожидании моего ответа. Я подумываю солгать, но мои стены рушатся. Я устала. И напилась. И одеревенела от попыток держать осанку.

Опускаю плечи и хватаюсь за подставку для микрофона.

— Я не могу поддерживать свободные отношения, Джейк. — Тяжесть, о которой я и не подозревала, свалилась с моих плеч.

— Так скажи, чего ты хочешь, — говорит он просто. Но это ни хрена не просто.

— Я не знаю.

— Нет, знаешь. Чего ты хочешь, Пенелопа? Чего ты хочешь... чего ты хочешь?!

Ладно. Теперь я понимаю, почему та сцена из фильма показалась ему такой раздражающей.

Он спрашивает меня снова и снова, и я теряю самообладание и наполовину кричу, наполовину рыдаю:

— Я хочу спеть песню!

Джейк слегка склоняет голову набок, изучая меня.

— Свою лифтовую песню?

Икота. Сопение. Фырчание. Глубокий вдох.

— Да. Мне нужен парень, который пройдет ради меня пятьсот миль.

— Поднимаясь и спускаясь с тобой по гребаной лестнице, я пять раз прошел пятьсот миль.

Это правда.

— И еще я хочу парня, который будет просыпаться со мной каждое утро. И часть из них может быть не в его пентхаусе с видом на Чикаго. Они могут быть в Захопье, штат Миссисипи, в квартире с одной спальней, над мастерской, с видом на задний двор моей мамы.

Он пожимает плечами.

— Ладно.

Это не может быть так просто.

— Мы живем в тысяче миль друг от друга.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Я не всегда буду хотеть ходить на твои деловые встречи, чтобы завоевывать твоих клиентов.

Я хватаюсь за соломинку...

Он улыбается.

— Тогда можешь просто пойти выпить.

— Ты даже ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю о тебе все. Проверил твою биографию, помнишь?

Дерьмо.

— Я ничего о тебе не знаю.

Он приподнимает бровь.

Ик.

— Чего ты так боишься, Пенелопа?

Ай, к черту.

— Я не хочу любить кого-то больше, чем любят меня.

— Это невозможно.

— Меня нелегко полюбить, Джейк.

Его глубокий, раскатистый смех ощущается в пальцах ног. Затем голосом, столь же искренним, как и его взгляд, он говорит мне правду, которая потрясает мою гребаную душу.

— Любить тебя — это самое легкое, что я когда-либо делал.

О. Мой. Бог.

В книге эта строка была бы выделена ярче остальных.

— Я люблю тебя, Пенелопа Лейн Харт. Ты — моя Та Самая Девушка.

Не уверена, как долго я стою, теряя сознание, чувствуя, как взрываются мои яичники, а сердце расширяется до такой степени, что вот-вот лопнет. Но этого достаточно, чтобы Джейка охватило раздражение.

— Ради всего святого, Пенелопа. Ты уже скажешь мне это в ответ или нет?

— Оу. Да. Точно. Я лю...

Ик.

— Дерьмо. Позволь начать сначала. — И так же легко, как дышу, я говорю: — Я тоже люблю тебя, Джейк Суэггер.

Он улыбается. Будто Бог только что преподнес ему величайший в мире дар. Ну, то есть, он, вроде как, это и сделал.

— Тащи сюда свою задницу и поцелуй меня.

Я слушаюсь. Чуть не сломав себе по пути шею, но он оказывается рядом. Потому что это то, что он делает.

Потом он целует меня.

И этот поцелуй точно такой же, как все наши поцелуи — горячий, сладкий, совершенный, такой, что подгибаются пальцы на ногах.

Я скучала по нему.

Я люблю его.

Он это знает.

И знаете, что?

Он тоже меня любит.

Джейк наклоняет голову и прижимается губами к моему уху, чтобы его было слышно сквозь ликующую толпу в баре.

— Так что же произошло после того, как он забрался и спас принцессу?

Вот засранец...

Я — не Вивиан. Он — не Эдвард. Это не «Красотка». Это история о писательнице которая нашла свою музу. Своего Того самого Парня. Которая, в конце концов, влюбилась. Сбежала от любви. И, конечно же, верила, что любовь последует за ней.

Абсолютная банальщина.

И настолько реальная, насколько может быть реальна любая история.

Но наша история не закончится словами — «и жили они долго и счастливо». И она уж точно не закончится какой-нибудь дурацкой репликой о том, как она спасла его. На самом деле, в ней вообще нет слов. Потому что слова не могут выразить ту любовь и прочее дерьмо, что мы испытываем друг к другу.

Так что я отстраняюсь и даю своему Тому Самому Парню то, что он хочет — начало нашего будущего и окончание этой истории в истинной манере Пенелопы.

Щелчок пальцами.

Пальчиковые пистолеты.

Риверданс.

Эпилог

Кэм

Любовь — это загадка.

Никогда не знаешь, когда она тебя настигнет. Никогда не знаешь, кто это будет. Никогда не знаешь, как это произойдет.

Она просто приходит.

Слава богу, что со мной такого никогда не случилось.

Не представляю себя прирученным, парящим в облаках и танцующим риверданс кастратом с вагиной, в которого превратился Джейк. Не поймите меня неправильно, я счастлив, что он счастлив. Но скучаю по тем временам, когда он уединялся во время звонков Пенелопы. Или, по крайней мере, прикрывал трубку, пытаюсь оградить меня от их дерьмового сюсюканья: «Ты первая вешай трубку», «Нет, ты». Это давало мне надежду, что у моего друга все еще оставались яйца.

Но с момента его признания в любви своей женщине в каком-то баре Миссисипи прошло уже три месяца. Теперь он даже не пытается быть мужчиной. И я чертовски уверен, что если у него и остались яйца, то они не висят под его членом. Они аккуратно убраны в сумочку Пенелопы, чтобы та могла доставать их и сжимать, когда почувствует необходимость напомнить ему, кто здесь главный.

Дела стали настолько плохи, что я с нетерпением жду тех дней, когда они начнут ссориться.

Как сегодня.

— Пенелопа, ради всего святого. Я сказал «нет».

В тишине машины я отчетливо слышу ее ответ по телефону.

— У тебя куча денег. Ты не обеднеешь.

— Нет. Не обедаю. Потому что каждый день работаю. И у меня действительно много денег. Но я их лишусь, если ты продолжишь попытки раздать их.

— Если я не выполню обещание, данное Богу, и он умертвит меня ужасной смертью, это будет на твоей совести. А до тех пор я и моя вагина будем в комнате для гостей.

— Не говори «вагина»... — он смотрит на свой телефон. — Она, бл*ть, повесила трубку.

— Подумать только.

— Она утверждает, что заключила сделку с Богом и теперь должна отдавать деньги на благотворительность. Мои деньги. И благотворительным фондом она считает каждого человека. Сейчас она пытается всучить один из моих «Ролексов» Альфреду. Ты хоть представляешь, сколько я плачу старику? Поверь, он сам может купить себе гребаный «Ролекс».

— Так она отдала ему «Ролекс»?

Он вздыхает.

— Вероятно. Вечно она вытворляет всякое безумное дерьмо за моей спиной.

Я смеюсь. Как бы мне не хотелось иметь дело с такой девушкой, как Пенелопа, на регулярной основе, не могу отрицать, что она идеально подходит Джейку. Ему нужен был кто-то, кто бы держал его в узде. Ей нужен был кто-то, кто бы любил ее. Эти двое могли бы сыграть главные роли в экранизации какого-нибудь романа, где парень встречает девушку, и они влюбляются с первого взгляда.

— Я говорил тебе, что на прошлой неделе она с моим дедом ходили играть в лазертаг? В гребаный лазертаг. Со мной он никогда ничем подобным не занимался.

Я отвожу взгляд.

— Без понятия.

— Ты тоже ходил, да?

— Возможно...

— Сукин сын.

— Что? Это была идея Пенелопы. И говори, что хочешь, но с этой девушкой весело проводить время. Мы бы пригласили тебя, но ты слишком стремишься выиграть. Никто не хочет играть с тем, кто не умеет проигрывать, Джейк.

— Скажи еще, что ты поможешь ей уболтать меня взять ее в Африку?

Я качаю головой.

— Нихрена подобного. Ты прав. Пенелопа в Африке устроила бы апокалипсис.

— Хорошо. Потому что она не поедет. Здесь я занимаю твердую позицию.

Я фыркаю.

— Да. Ты — главный, очевидно.

Машина слишком быстро останавливается перед многоквартирным домом Джейка.

— И, к твоему сведению, я не жажду искать себе развлечение, пока ты следующие пять минут будешь собачиться с Пенелопой. А потом следующий час заниматься примирительным сексом. Вечером у нас дела, которые не могут ждать. Или же я отпущу тебя одного, а сам отправлюсь искать себе женщину, чтобы разозлить ее только для того, чтобы потом трахать, пока она не забудет, почему на меня злилась.

— У нас не будет примирительного секса.

— Ты всегда так говоришь.

— На этот раз я серьезно.

— Ну, конечно.

— Я собираюсь сделать предложение.

Моя рука застывает на ручке дверцы машины.

Этого я не ожидал.

Джейк достает что-то из кармана. Когда он открывает бархатную коробочку, мне приходится прищуриться от бликов, отражающихся от самого огромного гребаного бриллианта, который я когда-либо видел. Я приподнимаю бровь и встречаюсь с ним взглядом.

— Ты уверен?

— Как никогда в жизни.

Он не выглядит ни капельки встревоженным. В его глазах нет места неуверенности, потому что эти засранцы просто переполнены любовью. И как бы мне ни было больно это признавать, я горжусь им.

Наклонившись, обнимаю его одной рукой — настоящее мужское объятие.

— Поздравляю, чувак.

— Ты будешь моим шафером?

Я отстраняюсь и ухмыляюсь ему.

— Уже планируешь свадьбу, да? Что дальше? Попросишь у меня тампон или заплести тебе косичку?

— Пошел ты. — Ухмыляясь, как влюбленный мужчина, он закрывает коробочку и засовывает ее в карман пиджака.

— Да. Я буду твоим шафером. Если она скажет «да».

— Она скажет «да».

— Никогда не знаешь...

— Кэм. — Он смеривает меня взглядом. — Мы говорим о Пенелопе. Она планировала нашу свадьбу с того момента, как вломилась в мою квартиру. Я удивлен, что она до сих пор не сделала мне предложение.

Я все еще смеюсь, когда дверь открывается и нас приветствует Альфред. Мой взгляд падает на «Ролекс» на его запястье, и я смеюсь еще громче. Шум привлекает внимание выходящей из вестибюля женщины. Она хлопает ресницами, а я смотрю на нее.

Она — все, что я ищу в женщине. Блондинка. Высокая. Сексуальная. Кокетливая. Уверенная. Я одариваю ее кривой ухмылкой, которую дамы считают неотразимой. Она облизывает губки, и я знаю, что могу ее заполучить, если захочу. Но неодобрительный взгляд Джейка отвлекает меня, и прежде чем я успеваю взять у нее номерок, она исчезает.

— Что?

— Тебе пора остепениться.

Я пристально смотрю на него.

— Ты издеваешься что ли?

— Нет, Кэм. Не издеваюсь. Тебе двадцать семь. Время пришло.

— А тебе тридцать. — Я хлопаю его по плечу, когда мы заходим в лифт. — Что означает, у меня осталось три года, чтобы делать то, что хочу, прежде чем предложить свои яйца женщине. Одной женщине. На всю оставшуюся жизнь.

Он улыбается.

— Когда ты найдешь подходящую женщину, это будет того стоить.

— Насмотрелся Опры. Или доктора Фила. — Когда он не подтверждает и не отрицает,

прищурившись, смотрю на него. — Ты смотрел, не так ли?

Он бормочет что-то, чего я не могу разобрать.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что не смотрю такое дерьмо.

— Даже Эллен? Черт, я смотрю Эллен (*прим.: речь идет о развлекательном шоу Эллен Дедженерес*).

Он бросает на меня озадаченный взгляд.

Я пожимаю плечами.

— Она забавная.

— Кто ты такой?

— Твой шафер. Если она скажет «да».

— Может, заткнешься? Она скажет «да».

— Кто скажет «да»?

Мы оба оборачиваемся и видим Пенелопу, стоящую у дверей лифта, в руках у нее, судя по всему, костюмы Джейка.

— Это мои?

— Скажет «да» чему?

— Пенелопа, это мои костюмы?

— Джейк, кого ты собираешься спросить?

— Ты выгоняешь меня из моего собственного дома?

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

— Ради всего святого...

— Да! Да! Я выйду за тебя замуж!

Пенелопа бросает одежду и прыгает в объятия Джейка. Если он злился из-за того, что она сорвала его предложение, то смиряется с этим. Потому что целует ее в ответ с таким же пылом и страстью, как и она. Так смачно, что я отворачиваюсь, предоставляя им немного уединения.

И вот тогда вижу ее.

Черные волнистые волосы. Фарфоровая кожа. Невысокая. Фигуристая. Застенчивая. И из-под длинных темных ресниц на меня смотрят кристально чистые серо-голубые глаза, от которых член бьется в джинсах так же сильно, как и сердце в груди.

В ней есть все, чего я *не* ищу в женщине.

Все идеальное, чего я никогда не замечал.

Не знаю, видел ли я когда-либо кого-то, кто пленил бы меня так сильно, как она.

Не знаю, как ей это удастся.

Не знаю, кто она такая.

Это — что бы я ни чувствовал — просто... пришло.

— Кэм! — визг Пенелопы выбивает меня из временного тумана, и я готов как раз вовремя, чтобы поймать ее, когда она прыгает мне на шею. — Я выхожу замуж! За Джейка! Я сказала «да»!

Заставляю себя отвести взгляд от видения — кем бы она ни была — и улыбаюсь Пенелопе.

— Поздравляю, детка.

Она лопочет еще какую-то чушь, а мой взгляд возвращается к девушке, которая смотрит на меня так, словно боится, что я ее укушу.

Боже, я хочу ее укусить.

Попробовать на вкус.

Увезти на необитаемый остров, чтобы раздеть догола. Трахать до бесчувствия. И заставить выкрикивать мое имя от удовольствия снова и снова, чтобы никто, кроме меня, не слышал ее голоса и не видел ее тела.

— ...Ты поведешь ее к алтарю...

Несомненно, черт возьми.

— ...Вы двое будете идеально смотреться вместе...

Чертовски верно.

— ...Наша свадьба будет охрененно эпичной...

Их свадьба.

Пенелопы и Джейка.

Не моя.

Какого черта со мной творится?

— Эмили, не будь грубой. Поздоровайся с Кэмом.

Эмили.

Она переводит взгляд на Пенелопу, а затем снова на меня. Она не двигается, и я задаюсь вопросом: выгляжу ли я так же собственнически и дико внешне, как чувствую себя внутри.

Пытаюсь расслабиться и справиться с непонятными эмоциями, которые Джейк каким-то образом передал мне, но когда девушка сильно краснеет, мой член напрягается еще сильнее, и я стону.

— Да. Будет идеально, — объявляет Пенелопа, щелкая пальцами и стреляя из пальчиковых пистолетов, прежде чем переступить с ноги на ногу в ривердансе. — Кэм, познакомься с Эмили. Она будет твоей Той Самой Девушкой.

Я ухмыляюсь Эмили. Ухмылка ширится, когда Эмили краснеет еще сильнее. Поэтому я одариваю ее полноценной улыбкой, просто чтобы увидеть ее реакцию, и, клянусь, она еле слышно стонет. Это укрепляет мою уверенность, и я призываю на помощь все свое обаяние. Не обращая внимания на колотящееся сердце. Делаю шаг к ней. Она выглядит так, будто хочет отступить, но не сходит с места и вздергивает подбородок, не сводя с меня своих великолепных глаз.

Этим она только нравится мне еще больше.

Делаю еще один шаг.

— Мне неприятно тебя огорчать, Пи, но Эмили — не Та Самая Девушка. — Я протягиваю руку и заправляю прядь волос Эмили за ухо, отмечая, как мурашки бегут по ее шее.

— О, да? — Пенелопа в бешенстве. Я могу только улыбаться. — И почему, черт возьми, нет, Кэм?

— Потому что Та Самая Девушка может быть чьей угодно девушкой. — Я встречаюсь взглядом с Эмили. — Но эта девушка?

Я подмигиваю.

И если раньше я не был уверен, то в тот момент, когда она млеет у меня на глазах, я знаю, что мои следующие слова — не что иное, как гребаная правда.

— Она... Моя Девушка.

Конец